

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ НОРМЫ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ

Воронеж • 2025

УДК 811.1'42

ББК 81.055.1

П18

Рецензенты:

Н.А. Голубева, доктор филологических наук, профессор (Нижний Новгород)

С.В. Иванова, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Л.Ю. Щипицина, доктор филологических наук, профессор (Архангельск)

Научный редактор: Л.И. Гришаева, доктор филологических наук, профессор (Воронеж)

Авторский коллектив:

Банкова Л.Л. (раздел 3.2.), Гришаева Л.И. (введение, заключение, глава 1), Корнева В.В. (раздел 4.1.), Лаенко Л.В. (раздел 3.1.), Меркулова И.А. (глава 5), Топорова В.М. (раздел 4.2.), Фененко Н.А. (раздел 4.3.), Шилихина К.М. (глава 2, Contents, Summary, About the authors).

П18 Парадоксальность нормы в языке и коммуникации / Л.Л. Банкова, Л.И. Гришаева, В.В. Корнева, Л.В. Лаенко, И.А. Меркулова, В.М. Топорова, Н.А. Фененко, К.М. Шилихина : кол. монография под общ. ред. Л.И. Гришаевой и И.А. Меркуловой. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. – 204 с.
ISBN 978-5-907961-68-5

Монография посвящена изучению разных видов норм в языке и коммуникации. Источником данных являются разные форматы взаимодействия носителей языковой культуры и представленные в них новые социальные (в широком смысле) нормы разной этиологии вне зависимости от характера последствий – позитивных и/или негативных в долгосрочной и/или краткосрочной перспективе. Внимание уделяется отдельным маркерам, не всегда очевидным для «наивных лингвистов» как носителей языка и культуры, однако релевантным для понимания генезиса новых средств и способов объективации сведений о мире. Последствия нарушения норм анализируются через их погружение в конкретное языковое и культурное пространство с помощью разнообразных лингвистических приемов с различных позиций. Принимаются во внимание субсистемные, системные и суперсистемные связи изучаемого феномена. В фокусе внимания также оказываются социальные последствия нарушения норм. Соблюдение норм интерпретируется как способ поддержания и воспроизводства культурной и коллективной идентичности субъектов как носителей языковой культуры в конкретной социокультурной среде.

Книга адресует широкому кругу лингвистов, интересующихся генезисом актуальных тенденций использования языка как средства познания и коммуникации в разных культурных пространствах.

УДК 811.1'42

ББК 81.055.1

ISBN 978-5-907961-68-5

9 785907 961685

© Авторы, 2025

© Воронежский государственный педагогический университет, редакционно-издательское оформление, 2025

UDC 811.1'42
BBK 81.055.1
P18

Reviewers:

N.A. Golubeva, Doctor of Philology, Professor (Nizhny Novgorod)
S.V. Ivanova, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg)
L.Y. Shchipitsina, Doctor of Philology, Professor (Arkhangelsk)
Editor: L.I. Grishaeva, Doctor of Philology, Professor (Voronezh)

Authors:

L.L. Bankova (Section 3.2.), N.A. Fenenko.A. (Section 4.3.), L.I. Grishaeva (Introduction, Conclusion, Chapter 1), V.V. Korneva (Section 4.1.), L.V. Laenko (Section 3.1.), I.A. Merkulova (Chapter 5), K.M. Shilikhina (Chapter 2, Contents, Summary, About the authors), V.M. Toporova (Section 4.2.).

Paradoxicality of the Norm in Language and Communication / L.L. Bankova, N.A. Fenenko, L.I. Grishaeva, V.V. Korneva, L.V. Laenko, I.A. Merkulova, K.M. Shilikhina, V.M. Toporova: A Collective Monograph under the General Editorship of L.I. Grishaeva and I.A. Merkulova. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2025. 204 p.

ISBN 978-5-907961-68-5

The monograph discusses different types of norms in language and communication. The analysis is based on the data from different formats of interaction between speakers of different languages within various cultures and new social (in a broad sense) norms of various origin presented in them, regardless of the nature of the consequences – positive and/or negative in the long and/or short term. Special attention is paid to individual markers, which are not always obvious to “naïve linguists” as native speakers of language and culture, but are relevant for understanding the genesis of new means and ways of objectifying information about the world. The consequences of violations of norms are analyzed through their immersion in a specific linguistic and cultural space using a variety of linguistic techniques from various perspectives. The subsystem, system and supersystem connections of the studied phenomenon are taken into account. Special attention is paid to the social consequences of norm violations. Compliance with norms is interpreted as a way of maintaining and reproducing the cultural and collective identity of subjects as speakers of language within a certain culture in a specific socio-cultural environment.

The book is addressed to linguists interested in the genesis of the current trends in the use of language as a means of cognition and communication in different cultural spaces.

UDC 811.1'42
BBK 81.055.1

© The Authors, 2025
© Voronezh State Pedagogical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS	5
Предисловие. Понятия о норме и нормативности как исследовательская задача (<i>Л.И. Гришаева</i>)	6
1. Представления о нормах в коммуникативных практиках носителей языка и культуры (<i>Л.И. Гришаева</i>)	12
2. Корпусные данные в изучении норм и вариативности (<i>К.М. Шилихина</i>).....	29
3. Маркеры нарушения нормы в языке и коммуникации.....	52
3.1. Нетривиальная сочетаемость признаков лексем: норма? Нарушение нормы? Креатив? (<i>Л.В. Лаенко</i>).....	53
3.2. Нарушение нормы при конструировании лексических единиц с элементом <i>половина</i> как источник окказионализмов и неологизмов в китайском языке (<i>Л.Л. Банкова</i>).....	85
4. Последствия нарушения нормы в коммуникативных практиках	104
4.1. Трансонимизация в контексте реструктурирования антропонимикона (<i>В.В. Корнева</i>).....	105
4.2. Вариативность нормы в семантическом пространстве художественного форматирования смысла (<i>В.М. Топорова</i>).....	130
4.3. Нарушения речевой нормы текста как результат русско-французского билингвизма (<i>Н.А. Фененко</i>).....	141
5. Нормы языка и нормы права: точки соприкосновения (<i>И.А. Меркулова</i>).....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Языковые нормы в контексте суперсистемных связей (<i>Л.И. Гришаева</i>)	172
Список литературы	181
Источники примеров.....	197
Summary (<i>К.М. Шилихина</i>)	199
Авторы.....	202
About the authors	203

CONTENTS

CONTENTS.....	4
Preface. Concepts of norm and normativity as a research task (<i>L.I. Grishaeva</i>).....	6
Chapter 1. Thoughts and ideas about norms in the communicative practices of native speakers of language within a culture (<i>L.I. Grishaeva</i>).....	12
Chapter 2. Corpus data in the linguistic analysis of norms and varia- tion in language (<i>K.M. Shilikhina</i>).....	29
Chapter 3. Markers of norm violation in language and communication	52
3.1. Non-trivial collocations of lexemes denoting features: are they a norm, violation of norms or linguistic creativity? (<i>L.V. Laenko</i>).....	53
3.2. Violation of norms in lexical units with the component “a half” as a source of occasional words and neologisms in the Chinese lan- guage (<i>L.L. Bankova</i>)	85
Chapter 4. Consequences of norm violations in contemporary dis- course practices	104
4.1. Transonimisation in the context of restructuring of the an- throponymic subsystem of a language (<i>V.V. Korneva</i>).....	105
4.2. Variation of the norm in the semantic space of artistic format- ting of meaning (<i>V.M. Toporova</i>).....	130
4.3. Violations of the spoken norm in a text as a result of Russian- French bilingualism (<i>N.A. Fenenko</i>)	141
Chapter 5. Language norms and norms of law: points of contact (<i>I.A. Merkulova</i>).....	158
Conclusion. Language norms in the context of super-systemic rela- tions (<i>L.I. Grishaeva</i>).....	172
References.....	181
Sources of examples.....	197
Summary	199
About the Authors.....	203

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОНЯТИЯ О НОРМЕ И НОРМАТИВНОСТИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЗАДАЧА

Предлагаемая читателям монография содержит размышления лингвистов, вытекающие из рефлексии над изучаемым проблемным полем нормативности:

- представление о нормах в различных коммуникативных практиках вообще и в конкретной культуре в частности;
- анализ способов и приемов выявления нарушений нормы в языковом и социокультурном пространстве;
- выявление и описание маркеров соблюдения и/или нарушения языковых норм, не всегда очевидных для «наивных лингвистов» как носителей языка и культуры, определение степени устойчивости потенциально вероятных корреляций между характером нормы и сферой её функционирования;
- исчисление и характеристика последствий нарушения норм различной этиологии в конкретном языковом и культурном пространстве; определение вектора изучаемых нарушений языковых норм: условно позитивные и/или условно негативные последствия для функционала языка как культурного кода, последствия, наблюдаемые в долгосрочной и/или кратковременной перспективе;
- осмысление социальных последствий после нарушения языковых норм и/или следования последним, трактуемых в качестве одного из способов поддержания и воспроизводства культурной и коллективной идентичности субъектов как носителей языковой культуры в конкретной социокультурной среде.

Кратко охарактеризуем содержание глав.

Первая глава посвящена анализу вопросов, так или иначе подлежащих изучению при размышлении над обозначенным выше проблемным полем. Описывается конфигурация соответствующих вопросов, отражающая в самых общих чертах концепцию коллектива авторов. Все размышления о норме и нормативности погружаются в социокультурный контекст.

Данная глава задумана как размышление над весьма актуальной проблемой, предполагающей изучение соотношений между такими феноменами, как «норма», «узус», «конвенциональность», «креативность», «вариативность», «вероятность», поскольку в коммуникации «Апелляция к нормам **полифункциональна**» [Гришаева 2023: 28]. Тем самым очевидно, что здесь намечается общая рамка для последующих рассуждений:

знания о нормах разной этиологии становятся в реальной коммуникации, какой бы характер та не имела, в каких бы условиях и какими бы средствами она не осуществлялась, **основой**, обеспечивающей понимание и взаимопонимание интерактантов как носителей языка и культуры.

Содержательные акценты и исследовательские перспективы для данного этапа анализа изучаемой проблематики понятны уже из названия второй главы «Корпусные данные в изучении норм и вариативности» (автор – К.М. Шилихина). Здесь в опоре на корпусные данные иллюстрируются процессы формирования баланса между соблюдением и нарушением нормы, установления гармонии между креативностью и конвенциональностью при использовании языковых средств.

Название третьей главы – «Маркеры нарушения нормы в языке и коммуникации», в которой авторы концентрируют свои исследовательские усилия на выявлении и детальном описании маркеров нарушения нормы.

В разделе 3.1. «Нетривиальная сочетаемость признаков лексем: норма? Нарушение нормы? Креатив?» (автор – Л.В. Лаенко) детально анализируются сочетаемостные потенции единиц с известными лингвистически значимыми характеристиками, реализация которых в разнообразных коммуникативно-прагматических условиях позволяет судить о важных лексико-семантических процессах в языковом пространстве.

Соответствующие рассуждения, по сути, продолжаются в разделе 3.2. «Нарушение нормы при конструировании лексических единиц с элементом *половина* как источник окказионализмов и неологизмов в китайском языке» (автор – Л.Л. Банкова).

В четвертой главе «Последствия нарушения нормы в синхронных для носителей языка и культуры коммуникативных практиках» размышления фокусируются вокруг таких проблем, как трансонимизация в пространстве лексикона (раздел 4.1. «Трансонимизация в контексте переструктурирования антропонимикона», написанный В.В. Корневой), вариативность нормы при конструировании фикциональной реальности (раздел 4.2. «Вариативность нормы в семантическом пространстве художественного форматирования смысла», подготовленный В.М. Топоровой), а также особенностям использования языка как средства познания и коммуникации билингвами (раздел 4.3. «Нарушения речевой нормы текста как результат русско-французского билингвизма», автор которого – Н.А. Фененко).

Пятая глава «Нормы языка и нормы права: точки соприкосновения» (автор – И.А. Меркулова) представляет собой своего рода финальный аккорд, завершающий размышления о разнообразных связях соци-

альной природы (в узком смысле) и собственно языковых, столь значимых для функционирования любого социума.

Размышления над нормой и нормативностью, вне всякого сомнения, правомерно начать с разработки принципов отграничения эмпирического материала. Последний, очевидно, не может не быть адекватным не только **сложности и глубине** решаемых исследовательских задач, а также их **фундаментальному** в лингвистическом отношении характеру, но и **всеохватности** сферы приложения представлений о норме, нормальном и нормативном в деятельности человека в принципе. Поэтому **эмпирический материал** для исследования оказывается, как уже видно из названия глав и разделов, весьма разнородным и разнообразным как в тематическом, так и в лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом, текстограмматическом и словообразовательном отношении. Высказанные соображения объясняют также и разнообразие приемов, с помощью которых отбирается для исследования эмпирический материал и описывается под разными углами зрения – это и новейшие приемы и технологии, актуальные для корпусных методик анализа языкового материала, это также приемы, традиционные для различных теоретических версий лингвистического знания.

Учитывая объяснительную силу корпусных исследований, последние могут стать максимально эффективными в обозначенном смысле, предоставляя исследователю разнообразные и достоверные данные для выявления наиболее существенных тенденций функционирования языковых средств в контексте «соблюдение нормы ⇔ нарушение нормы». Обращение к данным корпусов позволяет убедиться в том, что в любом языке присутствует **множество способов и средств** объективации различных представлений о норме, нормальном, нормативном.

Вместе с тем корпусные данные предельно ясно показывают, что в коммуникации носителей языка и культуры задействованы также многочисленные способы и средства активизации¹ и со-активации соответствующих представлений, когда в коммуникации эти сведения не объективируются. Однако в таких случаях необъективируемые, но со-активированные сведения образуют когнитивный фон, на котором реципиент непременно осмысляет сведения, сообщаемые ему продуцен-

¹ Активация – «возбуждение определенных участков мозга в актах мыслительной и речевой деятельности под влиянием тех или иных поступающих сигналов или стимулов, приведение в готовность для дальнейшего использования ментальных репрезентаций концептуальной системы <...>; выведение в осознаваемую часть текущего сознания образов, определенных структур знания и/или репрезентаций» [Кубрякова 1997: 11].

том. Соответствующие способы требуют, естественно, исчисления и описания, чтобы выявить основания для установления взаимопонимания между участниками коммуникации.

Как показывает анализ данных корпуса «НКРЯ», «Для носителей языка и культуры представления о норме и не-норме находятся друг с другом в нежесткой оппозиции. Эти представления вариативны, подпадают под градацию, имеют разную сферу приложения, разный функционал и разную степень обязательности для субъектов разных социальных категорий как носителей языка и культуры» [Гришаева 2023: 27]. Тем самым очевидно, что изучение данных языкового корпуса позволяет наметить общую рамку для последующего многоаспектного анализа разнообразных форм нарушения нормативного. Вместе с тем понятно, что рассуждения о норме и нормальном позволяют осознать, насколько сведения о нормах разной этиологии, которыми располагает, порой сам того не осознавая, каждый носитель культуры, оказываются востребованными в реальной коммуникации, какой бы характер та не имела, в каких бы условиях и какими бы средствами она не осуществлялась.

Методология предпринимаемого исследования, как понятно уже из знакомства с содержанием книги, выстраивается в опоре на когнитивно-дискурсивный подход, как он более или менее полно излагается в обобщающем труде Е.С. Кубряковой: «<...> мир “как он есть” пропущен все же через голову человека и отражен там поэтому в том виде, в каком он и его восприятие ограничено, во-первых, биологически (тем, что свойственно человеку как определенному живому организму), во-вторых, социально (в широком понимании этого условия, т.е. включения в него всего того, что делает человека детищем своего времени, своей эпохи, цивилизации, своего общества и т.п.) и, в-третьих, прагматически, что предполагает оценку воспринятого по его значимости для совершаемой человеком деятельности и его общего благополучия (выживания)» [Кубрякова 2004: 98].

Подобное решение представляется не только обоснованным, но и адекватным актуальному состоянию лингвистического знания и характеру структурирования на современном этапе развития языковедческого проблемного поля, поскольку авторы изучают, какие сведения и почему востребуются носителями языка и культуры в тех или иных условиях. Это, бесспорно, требует выявления того, какими способами и средствами эти знания объективируются при решении коммуникантами с определенными характеристиками разнообразных коммуникативных и когнитивных задач. Важно также уяснить, какие сведения остаются необъективированными средствами культурных кодов, будучи

однако необходимыми и обязательными для достижения взаимопонимания между коммуникантами в соответствующей интеракции.

Тем самым отвергается «видение языка как автономной формальной структуры мышления» [Харитончик 2015: 5] и принимается понимание «языка как продукта действия различных общих когнитивных механизмов психики человека» [Харитончик 2015: 5]. В обозначенном контексте языковые знания рассматриваются как важная составная часть познавательного процесса [Харитончик 2015: 5], так как «когнитивная лингвистика сосредоточила свои усилия на изучении содержания человеческого знания, принципов его организации и **специфики его организации под влиянием социально-культурных факторов**» [Харитончик 2015: 5]. (Выделено мною. – Л.Г.)

Объект исследования – разные виды норм, которым следуют в своих разнообразных социальных практиках носители языка и культуры, решая разнообразные коммуникативные и когнитивные задачи.

Предмет целенаправленных размышлений на разных этапах предпринимаемого многоаспектного исследования меняется в зависимости от ракурса анализа, задействованных лингвистических приемов, а также от характера эмпирического материала – от отдельных лексико-семантических единиц с определенными (специально оговариваемыми) характеристиками до семантических классов и субклассов лексикона с комплексом его сложных внутренних и внешних связей; от словообразовательных моделей до социальных практик того или иного типа во всей их сложности и противоречивости; от реальной действительности до принципов конструирования фикциональной реальности средствами одного и/или нескольких языков.

Описанное положение дел авторы коллективной монографии интерпретируют как преимущество, поскольку это позволяет им проследить, как проявляются различные свойства языковых средств, локализуемых лингвистами на разных уровнях языковой системы, в суперсистемном, системном и субсистемном контекстах с соответствующими элементами, обнаруживая разнообразные проявления изучаемых закономерностей. Эти свойства, по мнению авторского коллектива, обеспечивает языку его способность функционировать в качестве средства познания и коммуникации как в благоприятных, так и в неблагоприятных для продуктивной коммуникации условиях.

В понимании авторов предлагаемой вниманию читателей книги ценность сделанных при подготовке коллективной монографии наблюдений возрастает потому, что в ней под **разными** углами зрения и **различными** исследовательскими приемами изучается **разнородный** эмпирический материал из **разных** языковых культур: русской,

англоязычных, немецкоязычной, франкофонной, испанской, китайской. Подобный подход позволяет авторскому коллективу самым непротиворечивым образом проследить диалектику универсального и культурно специфического, объективного и субъективного, общего и частного при функционировании языка как средства познания и коммуникации в различных культурных пространствах с их особыми ценностными ориентациями и предпочтениями носителей языка и культуры при выполнении ими разнообразных коммуникативных и когнитивных задач.

Свой труд коллектив авторов адресует широкому кругу лингвистов, интересующихся генезисом актуальных тенденций использования языка как средства познания и коммуникации в разных культурных пространствах, а также изучающих факторы, внешние и внутренние по отношению к функционированию языка как средству и способу решения различных коммуникативных и когнитивных задач.

ГЛАВА 1

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОРМАХ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Предельно обобщая, современное состояние языковедческих дискуссий, думается, правомерно охарактеризовать как складывающееся в два кластера вокруг исследовательских задач, тесно и закономерно связанных между собой, как показывает глубокое изучение проблематики, по фундаментальным для лингвистики вопросам:

- (1) креативность субъектов познания и коммуникации, по-разному проявляющаяся в разных коммуникативных средах и в тематически разных областях относительно свойств единиц языковой системы разного уровня иерархии (например, [Кубрякова 1986; Эссе ... 2001; Бабина 2003; Борискина, Кретов 2003; Ирисханова 2004; Иванова 2013; Харитончик 2015: 82-88; Болдырев 2017; Фененко 2019; Борискина 2019; Болдырев 2019; Гришаева 2022; Болдырев 2023; Манерко 2024: 247-263 и др.];
- (2) норма, нормативность в синхронии и диахронии (см. подробнее только некоторые из актуальных публикаций по данной проблематике, например, [Hartig, Kurz 1971; Семенюк 1984; Блакар 1987; Семенюк 2000; Ризель 2006; Шилихина 2008; Голубева 2010; Шилихина 2013; 2014; Бочкарев 2014; Grischaewa 2016; Голубева 2017; Иванова, Чанышева 2018; Иванова 2022; Языковая норма ... 2023; Германова 2023; Гришаева 2023; Сиротинина, Дегальцева 2023; Традиции и новации ... 2024; и мн. др.]).

Правомерность объединения в два кластера по-разному сфокусированных постановок исследовательских задач вытекает из сущности номинативной деятельности человека, как этот вид деятельности трактует Е.С. Кубрякова: «Творческое начало – в возможности следовать разным принципам организации речи, в возможности использовать разные пути формирования мысли, начиная от самых стереотипных, кончая самыми неожиданными и оригинальными. **Творческое начало – в переборе разных возможностей и в выборе оптимальной для данного случая**» [Кубрякова 1986: 147]. (Выделено мною. – Л.Г.)

Введение

Проявлением свободы выбора языковых средств признает творческую новизну в речи О.К. Ирисханова, объясняя последнюю в контексте концептуальной интеграции когнитивных структур. При этом

свобода выбора «понимается двояко: с одной стороны, это возможность выбирать то или иное языковое выражение из целого ряда альтернативных конструкций для описания объекта; с другой стороны, это возможность использовать одну и ту же языковую единицу для конструирования референтной ситуации разными способами в зависимости от коммуникативной ситуации. Реализация этого выбора, обусловленная совместными интенциями говорящих, характеризуется интуитивностью и некоторой непредсказуемостью» [Ирисханова 2004: 16]. (Разрядка О.К. Ирисхановой. – Л.Г.)

Если рассматривать лингвокреативность как проявление свойства человеческой природы **вообще**, в **любом** виде деятельности носителей языка и культуры [Гришаева 2022], то нельзя не заметить множество сфер, где любой человек может продемонстрировать тем или иным способом свою креативность, а именно:

- (1) в организации интеракции;
- (2) в выборе способа решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи;
- (3) в выборе вербальных и невербальных средств решения соответствующей коммуникативной и когнитивной задачи;
- (4) в выборе стратегии взаимодействия между носителями культуры в зависимости от сложившихся в актуальной ситуации взаимодействия условий;
- (5) в выборе типа текста как средства и способа фиксации результата дискурсивной деятельности с помощью языковых средств, наконец (см. многоаспектный комплексный анализ разнообразной вариативности текста в коммуникации под влиянием разнородных факторов в [Гришаева 2020]).

Нельзя не согласиться с трактовкой Л.В. Бабиной лингвокреативного мышления, которое «характеризуется тем, что оно направлено на создание новых языковых сущностей путем модификации (прежде всего смысловой) уже имеющихся в языке единиц. Возникающие при модификации языковые или речевые единицы позволяют вторично вербализовать уже существующие в сознании человека понятия и концепты» [Бабина 2003: 4-5].

В столь актуальной и теоретически значимой дискуссии принимают участие и лингвисты, выступающие соавторами монографии, предлагаемой вниманию заинтересованных читателей.

Некоторые из своих наблюдений авторы публикуемой монографии обобщили в коллективной монографии «Традиция и новации: парадоксальность дискурса» [Традиции и новации ... 2024], описывая под разными углами зрения генеративный потенциал дискурса, рас-

крывающийся по-разному применительно к единицам определенных уровней языка. Их рассуждения базировались на следующих тезисах (см. подробнее [Традиции и новации ... 2024: 4-8]):

1) Дискурс как коммуникативно-когнитивная деятельность с помощью средств культурных кодов не только порождает новое, но и сохраняет то, что существовало веками без изменения.

2) В дискурсе осуществляется отбор средств и способов решения некоторых коммуникативных и когнитивных задач, нацеленных на оптимизацию взаимодействия. В дискурсе кодифицируются всякие новации, тем или иным способом маркируется результат «выхода в тираж» прежних активно употреблявшихся языковых средств.

Следствием такого отбора становятся отдельные процессы с разной степенью устойчивости к формальным и/или содержательным либо функциональным трансформациям: сериализация, грамматикализация и конвенционализация номинативных (в широком смысле) решений, вхождение последних в узус. Для этого необходимо, чтобы соответствующие новации так или иначе приняли, т.е. одобрили, носители языка и культуры. Как показывает история языка, даже если эти одобряемые большинством носителей языка решения алогичны, противоречат устоявшимся нормам, имеют неясную этимологию, не мотивированы, они могут быть конвенционализированы (см. анализируемые ниже примеры).

3) В дискурсе происходят разнообразные семантические процессы, в частности мелиорация и пейоризация семантики, грамматические категории либо расщепляются на *n*-число противочленов (например, в категории времени в германских языках), либо утрачивают свой статус (например, вокатив в парадигме существительного в ряде языков) и/или сущность (например, вид в немецком языке).

4) Откликаясь на потребности носителей языка, дискурс фиксирует ту или иную специализацию языковых средств на конкретную коммуникативную и когнитивную задачу и, следовательно, вольно или невольно способствует переструктурированию синонимических, антонимических, тематических рядов и фразеосемантических, а также функционально-семантических полей и соотношения отдельных способов выражения того или иного грамматического значения по критерию «первичность – вторичность».

Поэтому по характеру использования носителями культуры языковых средств можно судить не только об этапе развития языка (формы существования языка), но и о культурной идентичности носителей одного языкового пространства (ср. особенности функционирования

английского, немецкого, испанского, французского языков в разных культурных пространствах).

5) Появление новой дискурсивной/коммуникативной среды и нового формата общения выдвигает на коммуникативную авансцену новый тип взаимодействия и новые категории носителей нормативного в языковой культуре, предлагая тем самым носителям языка и культуры новые образцы употребления языковых средств при решении разнообразных коммуникативных и когнитивных задач. Следовательно, дискурсивные практики обогащаются новыми вариантами реализации инвариантов, известных в языковой культуре. Тем самым типология текстов также пополняется новыми способами семантической, синтаксической и функциональной организации коммуникативных продуктов, т.е. текстов (см. подробнее об особенностях компьютерно-опосредованной коммуникации как коммуникативной среды в [Щипицина 2009; 2010]).

Объяснительную силу перечисленных тезисов можно показать через анализ ряда примеров, прекрасно известных всем носителям русского языка культуры.

Ср. нетривиальное соотношение привычного и непривычного: в политическом дискурсе появляется выражение *плясать придется барыню*. На первый взгляд наблюдатель имеет дело с явным нарушением нормы и/или с ошибкой. Чтобы адекватно интерпретировать процитированное высказывание, необходимо владеть конвенциональным *плясать под чужую дудку*. И тогда выстраивается цепочка, позволяющая понять, для чего продуцент вспомнил про пляски, обсуждая в международном контексте острые конфликты на политической арене: *плясать под чужую дудку* – *плясать придется барыню* → барыня = русский народный танец → метафора 1 → первичная номинация → метафора 2 → интерпретация намерений продуцента → демонстрации уверенности политика в качестве продуцента текста в своей позиции и в эффективности выбранных средств и способов достижения своих целей. А если у реципиента активизируются также знания о сюжетах, в которых человек не по своей воле пляшет под музыкальные инструменты, следуя воле владельца соответствующего инструмента (дудки, гуслей-самогудов и др.), то интерпретация высказывания содержательно обогащается и его воздействие существенно усиливается.

Сказанное вполне правомерно применить и к трансформации сочетательных потенций (ср. окказиональные *причинить победу* и *потерпеть удачу* с узуальными *причинить вред*, *потерпеть неудачу*, *добиться победы*, *вырвать победу*).

Таким образом, очевидно, что креативность, чтобы быть замеченной хотя бы одним носителем языка и культуры, нуждается в нормативном как некоторой точке отсчета, когнитивном фоне, на котором и может осмысляться тем или иным образом когнитивная фигура. К примеру, А.Е. Бочкарев свои рассуждения о языковой норме начинает так: «<...> В предельно общем смысле норма – это **точка отсчета** в виде какой-то возведенной в абсолют **институциональной** модели, относительно которой устанавливают **соответствие в границах** между “можно” – “нельзя”, “допустимо” – “недопустимо”, а в специальном смысле – система унифицированных установлений **прескриптивного** характера в приложении к какой-то **определенной** сфере деятельности <...>» [Бочкарев 2014: 162]. (Выделено мною. – Л.Г.)

Коммуникативные практики как баланс между соблюдением и нарушением нормы

Размышляя о способностях языка кодировать сведения о мире и транслировать их в коммуникации, О.А. Кострова констатирует: «Своеобразие любой лингвокультуры в общем плане определяется используемым в ней языком, обладающим **относительно устойчивой к изменениям системой**. На этом языке происходит общение членов языкового коллектива, выражаются принятые в обществе понятия, правила и ценности, описывается жизненный уклад, создается фольклор, сопровождается и во многом информационно обеспечивается жизнь общества в целом и каждого его члена в отдельности. Языковая система описывается через иерархию уровней, различающихся по степени **изменчивости**. Наиболее быстро меняющийся уровень языка – лексический, его подвижность заметна на протяжении одного поколения. Наибольшей **устойчивостью** характеризуется грамматический уровень; **изменения** грамматического строя фиксируются периодами истории языка. Грамматические формы представляют абстрактный **способ концептуализации знаний о мире в определенной лингвокультуре** <...>» [Кострова 2023: 6]. (Выделено мною. – Л.Г.)

Тем самым очевидно, что нарушение нормы не всегда оказывается спонтанным, ненамеренным, непрограммируемым действием того или иного субъекта коммуникации. Нередки случаи, когда нарушение той или иной нормы представляет для субъектов познания и коммуникации средство реализации некоторой стратегии. Не только само нарушение нормы, но даже и характер эффекта/воздействия от нарушения нормы во многих случаях **планируется** продуцентом, см. ниже примеры, убедительно доказывающие **стратегический** характер нарушения: окказиональные единицы, порождены по известным в языковой культуре сло-

вообразовательным моделям и формально интерпретируются как опечатки: *Новогодье*. – *Новоелье*. – *Кругирлядны*. – *Непрозастолье*. – *Помпания*. – *Стартост*. – *Глубокалы*. – *Пунишампанское*. – *Оливвель*. – *Скокола*. – *Красалют*. – *Втортосты*. – *Чашампанское*. – *Декораторт*. – *Кофейерверк*. [Георгий Почуев].

Особенно наглядно стратегический характер нарушения норм прослеживается при рецепции типов текста, имеющих в конвенциональных представлениях о принципах их семантической, синтаксической и функциональной организации заведомо строгие ограничения (пример 1 и 2 ниже). Очевидно, что от точности и эффективности выбора средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи зависит и предсказуемость воздействия текста на реципиента, и соблюдение инвариантных требования к оформлению соответствующего типа текста.

Пример 1: *Ведро он вынес, а позора – нет. // Поедешь с саммита – купи кочан капусты. // Рассвет забрезжит, забрызжит жена... // Не воровал и не ворую, но попался. // А мемуары я отправила открыткой!* [Жульен Стебо]²

Пример 2: *Криминал*

Трагедия на бытовой почве разыгралась в поселке Большие Балды. Гражданин Худоедов спустя тридцать лет семейной жизни убил жену книгой «О вкусной и здоровой пище», после того как ознакомился с ее содержанием. [Александр Петрович-Сыров]

Отмеченные обстоятельства побуждают интерпретировать любое нарушение нормы в контексте «норма → ← новация», а критерием отграничения первой от второй – соотношение «понимание ⇔ неполное понимание ⇔ частичное/фрагментарное понимание ⇔ фрагментарное непонимание ⇔ частичное непонимание ⇔ непонимание». В этой связи любопытно вспомнить глубокомысленное высказывание Г. Гийома: «<...> Система руководит своим использованием, а использование ее устанавливает <...>» [Гийом 1992: 108].

Таким образом, понятно, что исследователь имеет дело не с одной нормой,³ а с **комплексом** разнородных норм, конфигурация которых по их степени значимости для установления взаимопонимания

² В монографии нумерация примеров в каждом разделе самостоятельная, чтобы облегчить читателю навигацию в пределах раздела. В каждом разделе эмпирический материал имеет различный характер, подчиненный предмету анализа на том или ином этапе исследования.

³ В.Я. Мыркин предлагает говорить применительно к языковой норме о ее видах: о нормах акцентных, фонетических, морфологических, лексических, стандартных [Мыркин 2002].

между интерактантами оказывается в разных форматах общения разной в количественном и качественном отношении (см. подробнее в [Гришаева 2023]). Применительно к языку необходимо назвать прежде всего норму орфоэпическую, орфографическую, пунктуационную, морфологическую, синтаксическую, стилистическую, формально-структурную, прагматическую и др.,⁴ не говоря уже о морально-этических, юридических, эстетических и иных (см. подробнее о соотношении знаний языковых и акциональных в социокультурном контексте в [Гришаева 2005], а также рассуждения о границах понятия в [Шилихина 2005]).

Причиной и мотивом для подобной интерпретации является то, что в каждом из перечисленных случаев активизируются и со-активируются **нетождественные** комплексы знаний о мире, языковых и акциональных знаний. Это неизбежно предопределяет перспективизацию концептуализируемых сведений, соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры, а также выбор средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи в одних и тех же условиях. Любопытно сравнить, к примеру, в нескольких текстах одного и того же типа, порожденных одним и тем же продуцентом, интерпретацию бытовой и бытийной коммуникации, мифа и бытового анекдота, действия легендарного героя и мужа-подкаблучника (см. пример 3). Очевидно, как по-разному «работает» один и тот же прием (нарушение норм разной этиологии) при выборе средств и способов реализации коммуникативных стратегий.

Пример 3: Прометея оштрафовали за несоблюдение правил пожарной безопасности.

Супруга Геракла возмущалась, мол, что, опять на подвиги потянуло?

Колумб открыл Америку, но не закрывал своего рта.

Соловья басни не кормят, но самого Крылова они хорошо кормили. [Леонид Соколов]

В обозначенном контексте правомерен вопрос о вкладе каждой из перечисленных выше норм в понимание реципиентом послания продуцента, с одной стороны. Однако, с другой стороны, не лишним будет вопрос: «Норма порождает новации?»

⁴ См. предложение о типологизации норм разной этиологии в коммуникации, учитывающее разнородные критерии, в схеме 7 в [Гришаева 2023: 177]. См. в этой связи схему 6, представляющую разные способы активации и со-активации сведений в коммуникации в [Гришаева 2023: 145], а также матрицу 1, обобщающую способы активации и со-активации социальных норм в [Гришаева 2023: 123].

Ответить на поставленные вопросы довольно сложно, поскольку, с одной стороны, «...орфоэпические нормы определяются целиком системой. В области лексики содержательный план доминирует над планом выражения. В области грамматики значимым является соответствие речевых реализаций моделям и образцам (парадигмам). В стилистике нормы регулируются содержанием и целью речи, условиями общения, требованиями жанра и др.» [Скворцов 1979: 164]⁵ (см. примеры выше и ниже). Но, с другой стороны, нарушение нормы можно трактовать по-разному: как ошибку, как новацию и в силу этого как креативное решение, как новый вариант известного всем инварианта и др. Каждая трактовка имеет, очевидно, разные последствия не только в конкретной интеракции, но и для языковой культуры в целом, поскольку потенциально окказиональное может войти в узус и тем самым способствовать трансформации на субсистемном, системном и в конечном итоге на суперсистемном уровне во всех сегментах языковой культуры (см. пример 4).

Пример 4: <...> *Вот ещё не прошло и двух недель после того, как Урсуллы, Фоны, Деры и Ляйены... ладно, а то только запутаю. Скажу прямо. На саммите G7 Урсулла заявила, что не может быть мирных переговоров, которые уравнивают "жертву и агрессора".* <...>⁶ [Lenta.ru]

Для анализа обозначенной проблематики важно также принимать во внимание такие факторы, как: степень обязательности нормы в тех или иных коммуникативных условиях; степень допустимости нарушения социальных норм (в узком и широком смысле); умение распознавать границы соблюдения той или иной нормы либо ее нарушения; степень устойчивости нормы в пространственном и временном континууме; соотношение «инвариант ⇔ варианты» применительно к порождаемому тексту и к осуществляемой в конкретных условиях интеракции; стандарты различной природы, принимаемые в разных видах деятельности в конкретной культуре; а также, наконец, и особенности

⁵ См. в [Гришаева 2023] разные альтернативы объяснения, которые, по мнению цитируемого автора, правомерно привлекать при осмыслении феномена «норма, нормативность», а также при описании функционала норм той или иной природы. Соответствующие альтернативы высказываются разными авторами по разным поводам: соотношение ЯКМ1 и ЯКМ2 [Кубрякова 1988], аметрия на фоне тотальности правил [Девкин 2015: 181], нарушение норм в контексте теории правильности речи, т.е. ортологии [Мыркин 2002].

⁶ В примерах, заимствованных из социальных сетей, сохраняются оригинальная орфография и оригинальная пунктуация. Никакие правки сознательно в соответствующие тексты не вносятся.

эпохи, когда возникает та или иная единица, нарушающая некоторую норму; место и повод, где и по какой причине это происходит.

Ср. в примере 5 выражения *цельный президент Финляндии, правоучениями в наш адрес*, которые сразу же маркируют контраст со второй частью высказывания, оформленного по всем правилам организации официального сообщения. Тем самым для реципиента акцентируется контраст между содержанием двух упоминаемых позиций по одному поводу. Это понятно реципиенту, даже если у него нет экспертного знания по соответствующему поводу.

Пример 5: <...> *Цельный президент Финляндии выступил с правоучениями в наш адрес: российский ответ выходит за рамки тех ограничений, которые в Хельсинки ввели для российских дипломатов и РЦНК.* <...> [Lenta.ru]

Применительно к языковым нормам в качестве источников новаций можно назвать хорошо описанные в лингвистических трудах явления типа семантической деривации, полисемии, метафоризации, эвфемизации, нарушения семантической избирательности, диалектных особенностей языка, стилистических фигур, особенностей коммуникативной среды, зарождающихся и трансформирующихся форматов общения либо типов текста и многие другие.

Можно перечислить и ряд последствий нарушения той или иной нормы, которую в конечном итоге правомерно описывать в качестве новации. Прежде всего это такие процессы, как переструктурирование синонимических, антонимических, тематических рядов, фразеосемантических полей; архаизация форм и словоупотреблений; переструктурирование функционально-семантических полей (изменение соотношения «ядро ⇔ периферия»); грамматикализация новых противочленов некоторой категории; десемантизация морфологической формы; развитие аналитических форм; конверсия частей речи; сериализация конструкции; конфликт текстосемантической и текстосинтаксической организации; конвенционализация стилистических фигур; разрыхление стилистических норм и стилистическая диффузия; изменение специализации того или иного языкового средства на определенную коммуникативную и когнитивную задачу; конвенционализация, узуализация либо кодификация порожденной новации и др.

Соответствующие процессы обсуждаются в данной монографии либо с позиции нарушения той или иной нормы с тем или иным исходом, либо с точки зрения конвенционализации или потенциальной кодификации порождаемого явления, либо как средства реализации определенной коммуникативной стратегии, либо в контексте размыш-

лений о степени установления взаимопонимания в определенной интеракции.

Очевидно, что теоретический базис рассуждений о норме правомерно выстраивать на чётком осознании того, что понятие нормы «подразумевает понятие социального контроля, то есть положительных или отрицательных средств обеспечения конформности и применения санкций к девиантному поведению» [Большой толковый социологический ... 2001: 493]. Ср. сопоставимые трактовки языка как явления социального в [Hartig, Kurz 1971; Блакар 1987; Grischaewa 2016; Болдырев 2023; и мн. др.].

В данном контексте целесообразно вспомнить схему модели коммуникации Х. Гросса [Gross 1990: 27]. Особый интерес данная модель вызывает потому, что в ней довольно давно акцентировалась значимость социальных норм, а также последовательно разграничились комплексы сведений «ОПЫТговорящего» и «ОПЫТслушающего», погруженные в пространственно-временной континуум «внеязыковая реальность».

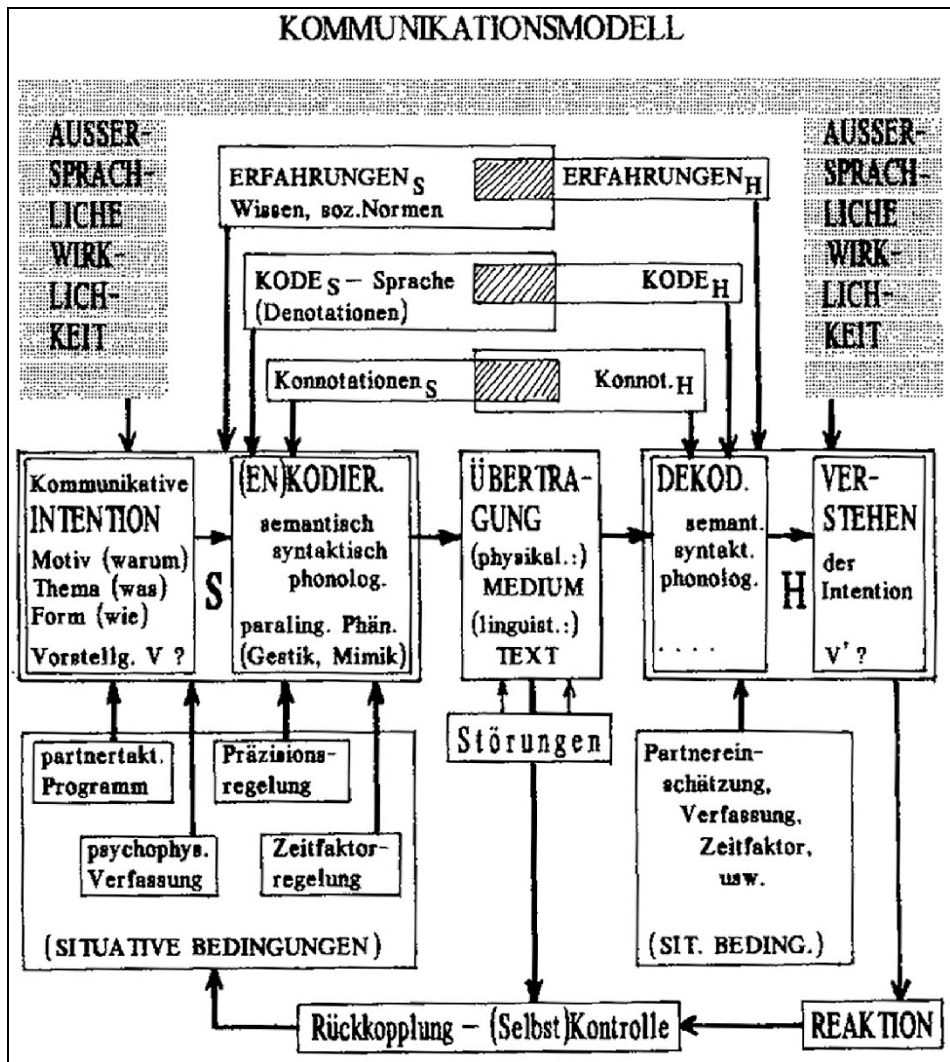
Приводимая схема учитывает также наличие в коммуникации разнородных барьеров и коммуникативных условий, которые имеют разное содержание для обоих участников взаимодействия. Для говорящего это программа взаимодействия, прецезионные (корректирующие средства и способы) правила, психофизиологические особенности, управление темпоральными характеристиками. Для слушающего это оценка партнера по коммуникации, психофизиологические особенности, управление темпоральными параметрами ситуации и др.

Как и во многих других моделях, модель коммуникации Х. Гросса учитывает обратную связь между коммуникантами, (само)контроль, прямую и опосредованную реакцию на ситуацию общения в целом как со стороны продуцента, так и со стороны реципиента.

Отмечается, что процессы кодирования и декодирования реализуются семантическими, синтаксическими, фонологическими средствами, а также паралингвистическими (жестика, мимика).

Кодированию предшествует интенция, предполагающая наличие у продуцента мотива, темы и формы, т.е. соответственно почему, что и как продуцент делает в интеракции. За декодирование воспринимаемых сведений, закодированных семантическими, синтаксическими, фонологическими и паралингвистическими средствами, следует понимание со стороны реципиента.

Схема 1 ([Gross 1990: 27])⁷
 Модель коммуникации Х. Гросса

Текст, порождаемый в интеракции, трактуется наряду с физическими носителями как медиум, т.е. как средство трансляции тех или иных сведений (см. схему 1, которую можно сравнить со схемой 6 [Гришаева 2023: 145]). Останавливаться на различиях в интерпретации в данном контексте не представляется целесообразным.

⁷ В данной монографии в каждом самостоятельном разделе ведется своя нумерация схем, таблиц, диаграмм, графиков. Это обусловлено стремлением облегчить навигацию относительно обобщаемой внутри разделов книги информации.

Правомерность интерпретации языковых норм разной этиологии как имеющих по своей сути социокультурную природу и по своему происхождению интеракциональный характер можно подтвердить анализом двух текстов, имеющих хождение в немецких социальных сетях и распространяемых только среди «своих» (пример 6).

Пример 6	
 Du gehst arbeiten. -Der Staat nimmt Dir 50% weg! Du gehst einkaufen. -Der Staat nimmt Dir 19% weg! Du fährst tanken. -Der Staat nimmt Dir 70% weg! Wenn du dann fragst, warum Du so wenig Geld hast, ist plötzlich der Russe schuld.	 In Deutschland gibt es immer mehr Nazis und Kriminelle. Ihre Merkmale sind: - Benziner fahren -Fleisch essen - sie denken selbst -Sie gucken kein ZDF oder ARD - sie haben nichts gegen Russen -Sie wollen Frieden -Sie sind gegen Waffen-Lieferungen -Sie sind 100 % Hetero -Sie gendern nicht -Sie erziehen ihre Kinder als Junge oder Mädchen
Ты идешь на работу. - Государство забирает у тебя 50%! Ты идешь в магазин за покупками. - Государство забирает у тебя 19%! Ты едешь заправлять машину. - Государство забирает у тебя 70%! И когда ты потом спрашиваешь, почему у тебя так мало денег, вдруг оказывается виноватым русский.	В Германии появляются все больше нациков и преступников. Их признаки следующие: - они заправляют машины бензином, - они едят мясо, - они думают самостоятельно, - они не смотрят каналы ZDF и ARD, - они ничего не имеют против русских, - они хотят мира, - они против поставок оружия, - они на 100% гетеросексуалы, - они не увлекаются гендерной проблематикой, - они воспитывают своих детей мальчиками и девочками.

Интересно подчеркнуть, что цитируемые тексты (пример 6), судя по лингвистически значимым параметрам, очевидно, порождены разными субъектами познания и коммуникации. Важно обратить внимание на то, что содержательным и формальным стержнем при организации текста является явное противоречие между содержанием актуальной для коллективного субъекта политической и медийной агенды и публичной агендой, с одной стороны, и между политической и медий-

ной агендой, внедряемой в официальной среде различными средствами СМИ, и представлениями об актуальной реальности у единичного субъекта как носителя личностной идентичности, с другой.

Необходимость рассматривать нормы и новации в широком контексте, таким образом, вытекает из самой сущности культуры как искусственной среды, вписанной в естественную, природную. О комплексном характере взаимосвязей естественной и искусственной, культурной, среды говорит и П. Финке, подчеркивая значимость альтернативных взглядов для выживания культуры как таковой: «Für lebendige Kulturen gilt nicht anderes. Sie pflegen ein **‘liberales Grenzregime’**, das Unterschiede wahrt und gleichwohl für **alternative Weltansichten** aufgeschlossen ist. Kulturelle Ökosysteme überleben Isolation auf Dauer ebenso wenig wie natürliche, denn das für ihre Flexibilität und Wandlung nötige kreative Strategienpotential in ihrem Innern ist auch bei ihnen begrenzt. **Das Neue kommt meistens von außen**. Ebenso wie Naturschutzgebiete als reine Museumsareale keine dauerhafte Erhaltungschance besitzen, wird auch **eine Kultur ohne lebhaften Austausch mit ihren Nachbarkulturen zu einem erstarrenden kulturellen Fossil**. Die Einrichtung von Kulturschutzgebieten kann keine Kultur auf Dauer erhalten»⁸ [Finke 2003: 264]. (Выделено мною. – Л.Г.)

Значение сказанного можно показать рядом окказионализмов, порожденных по известным и активным в русской языковой культуре образцам, в качестве доказательства, что норма – генератор новаций: *эйништейниаты* – ср. *стипендиаты*; *убеганец*, *возвращенец* – ср. *нево-вращенец*; *испугант*, *релокант*, *испургент* – ср. *демонстрант*; *морейцы*; *патриотить* (← *патриот*), *тараканить* (← *таракан*), *кошмарить* (← *кошмар*) – ср. *обезьяна* – *обезьянничать*, *попугай* – *попугайничать* и т.д.

Схематично высказанные соображения правомерно обобщить в матрицах (см. матрицы 1, 2, 3).

⁸ Для живых культур справедливым будет только это. Они поддерживают «**либеральный пограничный режим**», который хранит различия и вместе с тем открыт для **альтернативных мировоззрений**. Культурные экосистемы также не переживут в длительной перспективе изоляцию, как и естественные, так как необходимый им для гибкости и изменчивости внутренний креативный стратегический потенциал у них ограничен. **Новое приходит в большинстве случаев извне**. Так же, как и природные заказники в качестве чисто музейных ареалов не имеют длительных шансов на свое сохранение, так же и **культура превращается без активного обмена со своими соседними культурами в застывшее культурное ископаемое**. Организация культурных заказников не может сохранить в долговременной перспективе ни одну из культур. (Перевод мой. – Л.Г.) (Выделено мною. – Л.Г.)

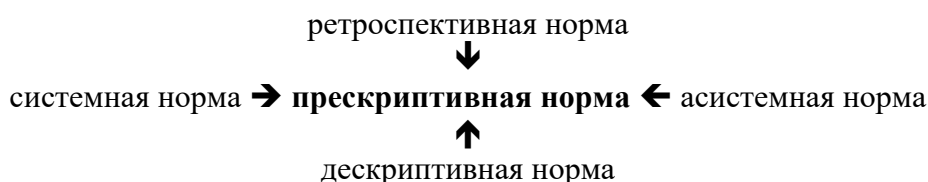
Средства апелляции к социальным нормам		Активизация сведений о нормах разной природы			
		Явная (непосредственная)		Скрытая (опосредованная)	
		Созна- тельная	Интуитивная (неосознава- емая продуцен- том)	Созна- тельная	Интуитивная (неосознава- емая продуцен- том)
вербаль- ные	конвенцио- нальные				
	окказиональ- ные				
невер- бальные	конвенцио- нальные				
	окказиональ- ные				
вербаль- ные + не- вербаль- ные	конвенцио- нальные				
	окказиональ- ные				

Изложенные соображения помогут осознать, что соблюдение нормы **парадоксально**. С одной стороны, вне нормы невозможно достичь взаимопонимания и адекватно декодировать воспринимаемые в коммуникации сведения. С другой стороны, владение нормой дает коммуниканту определенную свободу при выборе, соблюдать или нарушать ту или иную норму при трансляции тех или иных сведений в интеракции. Ср. мнение Ю.С. Степанова: «Вопрос *Как сказать?*, осознается он или нет, определяет речевую деятельность каждого современного человека. <...> Вопросы такого рода и ответы на них, заключающиеся в **правилах выбора**, и создают норму языка» [Степанов 1975: 182]. (Выделено Ю.С. Степановым. – Л.Г.)

Анализируя соотношение «системность ⇔ асистемность» у различных вариантов нормы, В.Я. Мыркин предлагает следующую схему (см. схему 2), которая объясняет локализацию прескриптивной нормы в системе норм.

Схема 2.

Соотношение различных норм [Мыркин 2002б: 160]

Осознавая множественность и вариативность средств и способов, по которым и носителя языковой культуры, и исследователи осознанно и/или «интуитивно» замечают нарушения нормы использования языка, всё же можно выявить определенные значимые тенденции (см. матрицу 2, 3).

Матрица 2.

Средства и способы объективации нарушения нормы
[Гришаева 2023: 168]

Вербальные средства				Невербальные средства			
Специализированные, конвенциональные		Неспециализированные, окказиональные		Специализированные, конвенциональные		Неспециализированные, окказиональные	
Наличие в конечном коммуникативном продукте (=тексте)							
Множественное	Единичное	Множественное	Единичное	Множественное	Единичное	Множественное	Единичное
...	...	...	...	...	...	...	...

Матрица 3.

Способы апелляции к норме [Гришаева 2023: 170]

Коммуникативная среда	Официальное общение			Неофициальное общение		
	Апелляция к норме					
	Сознательная и осознаваемая интерактантами	Неявная для интерактантов		Сознательная и осознаваемая интерактантами	Неявная для интерактантов	
		Для одного	Для обоих		Для одного	Для обоих
	Вербальные и невербальные средства в разной комбинации					
Устная						
Письменная						
Компьютерно-опосредованная						

Размышления над нормой и нормативностью как феноменами, а также над положением языковых норм в совокупности различных социальных нормативных представлений побуждают задуматься над соотношением правильности и уместности последних. В таком контексте правомерно вспомнить рассуждения В.Я. Мыркина о языковой правильности, которую он определяет не системными отношениями, а «<...> традиционностью, стихийной конвенциональностью и распространенностью данной языковой формы в речи (узусом)» [Мыркин 2002а: 193]. Поэтому он предлагает различать языковую норму и речевую норму. Согласно В.Я. Мыркину, языковая норма – «<...> совокупность языковых единиц, принятых в настоящее время в данном языковом коллективе как стандартных – в силу традиции, конвенции (частично – в силу соответствия языковой системе) и общеупотребительности в речи» [Мыркин 2002а: 193]. В отличие от языковой речевая норма представляет собой «<...> совокупность как кодифицированных, так и некодифицированных языковых единиц, употребление которых в речи мотивировано и уместно в данной коммуникативной обстановке⁹» [Мыркин 2002а: 196].

Выводы

Обобщая рассуждения над проблемным полем «норма и нормативность», целесообразно сформулировать следующие выводы.

В размышлениях над проблемой нормы и нормативности основополагающими признается трактовка, согласно которой норма интерпретируется как **социокультурный** по своей сути и **интеракционный** по своему происхождению феномен.

Как это ни покажется парадоксальным, соблюдение той или иной нормы можно осмыслить только тогда, когда предметно задуматься на тем, зачем, почему, для чего соответствующая норма **нарушается**.

Норма представляет собой, по сути, когнитивный фон, на котором профилируется и осмысливается новация.

⁹ При характеристике коммуникативной обстановки В.Я. Мыркин называет такие параметры анализа, как: личность говорящего, личность адресата, ситуацию, цель речевого действия, коммуникативную сферу [Мыркин 2002а: 196].

Важно обратить внимание на то, что для говорящего в качестве значимых В.Я. Мыркин приводит характеристики: возраст, пол, социальный статус, характер, эмоциональное состояние, а для адресата – в дополнение также и характер взаимоотношений адресанта и адресата, степень знакомства, дружелюбность/враждебность отношений [Мыркин 2002а: 196]. Определенные уточнения исследователь вносит и в толкование параметров «ситуация», «цель речевого действия», «коммуникативная сфера» (см. подробнее [Мыркин 2002а: 196]).

Степень обязательности соблюдения нормы варьируется на разных уровнях в разной степени в разных интеракциях при решении различных коммуникативных и когнитивных задач.

Поэтому любая норма **вариативна** в определенных пределах на разных уровнях системы.

Диалектика «закономерность ⇔ случайность» весьма значима не столько для осознания новации как таковой, сколько для прогнозирования ее судьбы в культуре: окказиональное явление – архаизация – сериализация – конвенционализация – узуализация – кодификация.

В зависимости от характера языкового средства, типа решаемой задачи, ипостаси субъектов коммуникации, особенностей коммуникативной среды и формата общения/типа текста нарушения нормы могут осмысляться в пределах «закономерность ⇔ случайность».

И соблюдение нормы, и нарушение нормы представляют собой **стратегическое** средство, один из многочисленных способов реализации определенной стратегии в определенных условиях.

В обозначенном контексте целесообразно сравнить высказанные суждения с выводом Н.Н. Германовой относительно норм: «Границы языковых норм подвижны и исторически изменчивы (вчерашняя ошибка нередко становится будущей нормой). Историческое движение языка определяется как стихийными языковыми процессами (так называемыми внутренними законами развития языка: давлением системы, приспособлением языка к психофизиологическим возможностям человека и др.), так и сознательной нормализаторской деятельностью. <...> эти процессы можно охарактеризовать как одновременное притягивание друг к другу и отталкивание друг от друга алетических и деонтических норм <...> : деонтические нормы, с одной стороны, формируются под воздействием алетических норм (ср. критерий употребительности), а, с другой стороны, оказывают на них влияние, способствуя распространению новых перспективных форм (перспективные критерии языковой правильности) или, <...>, удерживая менее употребительные языковые формы в речевом обиходе (принцип исторической чистоты). <...>» [Германова 2023: 39].

ГЛАВА 2

КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ В ИЗУЧЕНИИ НОРМ И ВАРИАТИВНОСТИ

Введение

В данной главе наше внимание будет сосредоточено на двух взаимосвязанных понятиях – «норма» и «вариативность». Эти понятия отражают две стороны функционирования языка – стремление к унификации употребления средств языка и многообразие вариантов его использования в реальной коммуникации. По сути, понятия «норма» и «вариативность» объясняют одновременную **устойчивость** и **изменчивость** языка.

Поскольку **языковая норма** – это один из вариантов **социальной нормы**, в которой воплощены культурно значимые идеалы и ценности, связанные с языком, в первой части данной главы наши теоретические рассуждения сфокусируются на общем понятии нормы как способа регуляции жизни социума; затем мы обратимся к существующим в лингвистике трактовкам понятия «языковая норма», а также к проблеме соотношения нормы и узуса – мы будем считать узус той «территорией» существования языка, на которой проявляется его вариативность.

В качестве примера мы рассмотрим вариативность в орфографической подсистеме языка: на основе корпусных данных будет показано, насколько существенной может быть вариативность в орфографическом облике заимствований из различных языков в зависимости от модуса коммуникации (письменного, устного или компьютерно-опосредованного).

Норма как основа социальной жизни

Норма – явление, которое, подобно природным явлениям, в повседневной жизни по умолчанию принимается как некоторая данность. И хотя, в отличие от природных явлений, нормы не могут быть объяснены естественнонаучными законами, они играют такую же важную роль в организации жизни социума, какую физические законы играют в организации живой и неживой природы. При этом само понятие нормы и вопрос о том, как нормы влияют на поведение людей в рамках культуры, остается предметом дискуссий. Основные вопросы, касающиеся изучения норм, можно свести к следующим: как формируется норма и как можно определить, что некоторая распространенная практика является нормой? Какие критерии необходимо использовать при определении нормы? Что означает утверждение о том, что нормы влияют на наше поведение? [Bicchieri 2017].

В самом общем виде норма определяется как «предписание, разрешение или запрещение действовать определенным образом» [Философия: Энциклопедический словарь 2004: 568]. Описывая суть нормы как социального явления, философы отмечают, что «... все нормы, независимо от их конкретного содержания имеют одну и ту же структуру. Каждая норма включает четыре «элемента»: содержание – действие, являющееся объектом нормативной регуляции; характер – норма обязывает, разрешает или запрещает это действие; условия приложения – обстоятельства, в которых должно или не должно выполняться действие; субъект – лицо или группа лиц, которым адресована норма» [Философия: Энциклопедический словарь 2004: 568].

Понимание нормы как основы организации социальной жизни было заложено в работах Э. Дюркгейма [Дюркгейм 2021]. Нормы – это своего рода «фундамент», на базе которого существует социальная среда, поскольку любая норма – это всегда результат некоторого социального соглашения. Одновременно с этим нормы – это необходимое условие для существования человеческого сообщества. Будучи членами социума, люди приспосабливаются к нормам так же, как любые организмы приспосабливаются к особенностям окружающей среды, в которой они живут [Harder 2022]. Поскольку современное общество отличается высоким уровнем социальной организации, исследователи говорят о различных типах норм: формальных и неформальных, нормах личных и коллективных, нормах дескриптивных или прескриптивных [Bicchieri 2006].

Анализируя роль социальных норм в жизни социума, К. Биккьери предложила метафорически называть их «грамматикой общества»: «Нормы – это язык, на котором говорит общество, воплощение его ценностей и коллективных желаний, надежный ориентир в нестабильных условиях, по которым мы все проходим, общепринятые практики, которые объединяют человеческие группы». И далее: «Я называю социальные нормы *грамматикой общества*, поскольку, подобно тому, как языковые правила определяют язык, имплицитно присутствуя в нем, социальные нормы имплицитно присутствуют в действиях людей и делают общество обществом. Как и грамматика языка, система норм не является продуктом человеческого замысла и планирования» [Bicchieri 2006: ix]. (Перевод мой. – К.Ш.)

Рассуждая о понятии нормы, Г.Х. фон Вригт предложил разделять **правила** и **прескрипции**. Примером правил могут служить правила игры, которые определяют возможные или разрешенные в данной игре действия. Прескрипции отличаются от правил своим происхождением: их устанавливают те, кто обладает достаточным авторитетом.

Прескрипции требуют от субъектов определенного поведения, а нарушение предписанной нормы влечет за собой санкции со стороны общества [Wright 1963].

Языковая норма – один из вариантов социальной нормы. На важность языковой нормы указывает тот факт, что она является объектом постоянного обсуждения как в профессиональном дискурсе лингвистов, так и в повседневной коммуникации носителей языка [Беликов 2009]. Как справедливо отмечает Л.И. Гришаева, «Лингвистическая доминанта в исследовании нормы, нормального и нормативного диктуется самой лингвистической традицией изучения и структуры языка, и его функционального потенциала, и соотношения ментальных и языковых структур, в рамках какой бы научной парадигмы это не происходило» [Гришаева 2023: 15]. Рассматривая понятие нормы с позиций логики, Г.Х. фон Вригт сравнивал языковую норму с правилами игры, отмечая, что языковые нормы обладают важной особенностью – они находятся в постоянном процессе развития [Wright 1963]. Это развитие определяется в первую очередь коммуникативной целесообразностью, ср. мнение В.Е. Чернявской: «Признание коммуникативной целесообразности как главного фактора в оценке нормы делает акцент на гибкости, подвижности, динамичной природе нормы. Норма, настроенная на функционирование языковых феноменов, закладывает возможность актуализированных вариантов на фоне потенциально возможного инварианта» [Чернявская 2017: 13].

Если уподоблять языковую норму правилам игры, возникает вопрос, по каким правилам «играет» язык, точнее, его носители? Насколько обязательно следование этим правилам в коммуникации? В следующем разделе мы обсудим существующие в лингвистике подходы к понятиям нормы, узуса и вариативности.

Языковая норма, узус и вариативность: подходы и трактовки

Итак, языковая норма – это разновидность социальной нормы, объектом действия которой является человеческий язык. Поскольку любая норма, в том числе языковая, вырабатывается в процессе деятельности людей, она может рассматриваться в рамках общей теории деятельности [Ерофеева 2011]; следовательно, основные характеристики (обязательность, социальная ценность, эксплицитность, наличие санкций за нарушение нормы) применимы и к языковой норме.

Устанавливая границы языковой нормы, лингвисты предлагают различать широкое и узкое ее понимание: «В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся спосо-

бы речи, отличающие данный языковой идиом от других идиомов... В узком смысле норма – результат целенаправленной кодификации языка» [Крысин 2010: 10].

Норма в понимании Э. Косериу базируется на противопоставлении «язык – речь». Принимая эту дихотомию в качестве исходной, он различает в языке два аспекта: систему и норму. Приведем достаточно пространную цитату, иллюстрирующую взгляды лингвиста: «**Система** есть «система возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути» в речи, «понятной» данному коллективу; **норма**, напротив, – это «система обязательных реализаций» ..., принятых в данном обществе и данной культурой: норма соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе. Система охватывает **идеальные формы** реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности; норма же включает **модели**, исторически **уже реализованные** с помощью этой техники и по этим шаблонам» [Косериу 1963: 174-175]. Таким образом, норма – это своего рода идеал, выкристаллизовавшийся опыт носителей языка.

Сходное понимание нормы демонстрируется в работе [Ицкович 1982]. По мнению В.А. Ицковича, норма – это «комплекс закрепленных речевой практикой языковых средств и закономерностей их реализации ... в данное время в данном языковом коллективе... Имплицитно норма выступает в виде образца или, точнее, текстов, считаемых образцовыми... Эксплицитно, в явном виде, сформулированной норма предстает перед носителями языка в кодификации, отражающей представление авторов грамматических пособий и словарей о языковой норме, – представление, более или менее точно отражающее норму, но, как правило, на адекватное объективной норме» [Ицкович 1982: 8-12]. Исследователь видит основную причину расхождений фактической нормы и кодификации в ориентации последней на образцы, хронологически удаленные от современности.

Отметим, что, как и любая другая социальная норма, языковая норма связана с определенными ожиданиями относительно действий членов языкового сообщества. Эти ожидания обладают двумя важными свойствами: во-первых, они рефлексивны по своей природе, и, во-вторых, они связаны с существующими в обществе социальными ценностями и ожиданиями относительно того, что должны делать участники коммуникации в различных контекстах [Бойко 2017]. Такое понимание – результат осмысления вопросов «откуда берется норма?» (это результат метаязыковой рефлексии носителей языка) и «как норма становится частью языкового поведения говорящих?». В результате

«языковая норма рассматривается на уровне языковых единиц и определяется как совокупность наиболее правильных / предпочтительных средств языка применительно к словарному составу, грамматике, орфоэпии, ударению» [Чернявская 2017: 11].

Характеризуя литературный язык, А.М. Пешковский писал: «Существование языкового идеала у говорящих – вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момент его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во всё время существования» [Пешковский 2019: 7]. Норма противопоставляется ошибке и является предметом постоянной рефлексии носителей языка [Голев 2013; Руттен 2014]. Нарушения или заметные изменения нормы и «наивные пользователи», и лингвисты оценивают как угрозу для языка, а потому от лингвистов требуются особые действия по нормализации литературного языка, т.е. лингвисты должны отбирать языковые средства, руководствуясь при этом аксиологическими и дидактическими целями [Харченко 2016; Германова 2019].

Рассматривая существующие в лингвистике подходы к изучению нормы, можно пойти разными путями: во-первых, выделить подходы, в которых норма рассматривается как теоретический конструкт (т.е. объект, который принимается аксиоматически). При таком отношении к норме исследователи по умолчанию исходят из существования некоторого языкового идеала. Норма в таком случае – это экспликация идеала в терминах «правильно/неправильно». Такие подходы противопоставляются отношению к норме как объекту эмпирического изучения, когда, например, лингвисты обращаются к корпусу и фиксируют не только факты следования норме, но и варианты, которые при этом не рассматриваются как ошибочные [Шмелев 2021]. В таком случае отношение к языку описывается триадой «рекомендуется/допустимо/ошибочно» [Нечаева 2015]. Эти два подхода к норме дают лингвистам два ее варианта – норму **прескриптивную**, или эксплицитную, и норму **дескриптивную**, или имплицитную [Каленчук 2021].

Другой способ описать существующие подходы к норме – это посмотреть, какие методы используются для экспликации и описания языковой нормы на различных уровнях языка. В таком случае можно выделить:

- статистический подход;
- социолингвистический подход;
- лингвокультурологический подход;
- идеологический подход.

Кратко охарактеризуем названные подходы.

Отечественные исследователи достаточно давно обратили внимание на статистический (вероятностный) характер нормы [Пиотровский, Турыгина 1971; Языковая норма и статистика 1977]. Статистический подход к языковой норме опирается на идею о том, что нормой становятся регулярные употребления языковых единиц на различных уровнях. С точки зрения статистического подхода, норма – это стратегия приспособления индивидуального к социальному, в которой наиболее важным фактором является фактор вероятностный. «Традиционно вероятностно-статистический взгляд на природу нормы обусловлен ее пониманием как распределения, в основе которого лежит система вероятностных оценок, один полюс которых образует допустимость употребления данного варианта (вероятность, равную 1), а другой – запрещение его употребления (вероятность, равную 0)» [Ерофеева 2011: 62].

Социолингвистический подход заключается в том, что языковая норма изучается эмпирически, причем рассматриваются не только грамматическая или орфографическая норма, но и закономерности использования языка в различных контекстах в связи с различными экстралингвистическими факторами, влияющими на языковой выбор говорящих. Примером социолингвистического подхода к норме является определение языкового сообщества, которое предложил У. Лабов: членами языкового сообщества являются те, кто разделяет некоторую совокупность общих норм (a set of shared norms) [Labov 1972: 120-121].

Статистический и социолингвистический подходы объединяет **дескриптивное отношение** к описанию нормы, когда исследователями фиксируются все языковые практики, существующие в обществе.

В рамках лингвокультурологического подхода языковая норма рассматривается как часть более общей проблемы взаимосвязи языка и культуры: норма (особенно норма коммуникативная) – это одно из проявлений ценностных установок внутри определенной культуры, а «принципы нормирования языка имеют не только историко-культурную, но и национально-культурную специфику» [Германова 2019: 24]. Как правило, при таком подходе особое внимание уделяется не только процессу нормирования языковой системы с учетом широкого культурного контекста, но и различиям в речевой этикете и, шире, в коммуникативном поведении представителей разных культур. И, поскольку язык и то, как он используется, в целом является отражением идентичности, норма становится гарантом ее (идентичности) сохранения [Gorham 2007].

Идеологический подход к языковой норме предполагает, что норма рассматривается как теоретический конструкт, некоторый зара-

нее заданный идеал, объективно существующий независимо от носителей языка. Идеологическое отношение к норме определяет ее **прескриптивный** характер (заметим, что прескриптивный подход в определенной степени характерен и для лингвокультурологического направления); понятие нормы оказывается тесно связанным с понятием культуры речи, а нормированный литературный язык признается не просто социально престижным, но единственно приемлемым вариантом. «Борьба за культуру речи» должна гарантировать сохранение и обязательное соблюдение языковой нормы; кроме того, с точки зрения общества, при таком подходе важно, кто именно имеет право на формирование и утверждение языковых норм.

Независимо от дескриптивной или прескриптивной трактовки языковой нормы, ее анализ невозможен без обращения к еще одному понятию, а именно – понятию узуса. Под узусом, как правило, понимают традиционно принятые в речевой практике способы использования языковых средств [Каленчук 2021].

Одна из антиномий, сформулированных М.В. Пановым, – это антиномия между узусом и возможностями языковой системы: «Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе» [Панов 2007: 18]. Как указывает Л.П. Крысин, в трактовке, предложенной М.В. Пановым, термин «узус» практически синонимичен термину «норма» [Крысин 2010].

Вообще, публикации по проблеме соотношения триады язык – норма – узус позволяют сделать вывод о том, что широкое понимание термина «норма», о котором уже шла речь выше, сближает понятия нормы и узуса. Однако в узком понимании норма не может быть приравнена к узусу; скорее она противостоит узусу точно так же, как в жизни любой идеал противостоит реальной практике. Узкое понимание нормы отражает стремление в первую очередь к грамматической и стилистической правильности. С нормой тесно связано понятие «чистоты языка» (что бы ни имелось в виду под этой метафорой). Узус при таком подходе остается той «территорией», на которой отступления от нормы возможны, однако они трактуются как нежелательные нарушения.

Л.П. Крысин указывает на особые взаимоотношения между нормой и вариативностью узуса: «Вариативность, сосуществование, с одной стороны, языковых средств, освящённых традицией и закреплённых в норме путём её кодификации, и, с другой, языковых средств новых, идущих из речевой практики, также представляет собой форму взаимоотношений нормы и узуса» [Крысин 2010: 16].

Характерным примером такого взаимодействия нормы и узуса является орфография. В орфографии «диахронически узус, речевая практика «в том числе и орфографическая) предшествует устанавливаемой кодификаторами норме, служит основанием для нормирования, строительства письма на научной основе... узус служит опытным полем для проверки эффективности действующего правила, подсказывает направление коррекции орфографической нормы. В письменном узусе возникают варианты» [Кузьмина 2010: 52].

Наш дальнейший анализ коснется орфографической нормы и вариативности в современном русском языке – объектом исследования станут заимствования, пришедшие в русский язык за последние 30 лет. Обращение именно к орфографической норме неслучайно: «Отношение общественного сознания к орфографии в каких-то моментах выходит за рамки научно-логических отношений и приближается к сакральным...» [Голев 1999: 97]. Именно орфографическая норма мыслится как гарант **устойчивости** языковой системы. Заимствования же были выбраны в качестве объекта исследования потому, что они являются наиболее наглядной иллюстрацией **изменчивости** языковой системы: появление иноязычных слов и их адаптация в принимающем языке (в нашем случае – в русском) можно считать «проверкой» языка на устойчивость в условиях изменений.

Орфографическая норма – это, по сути, решение проблемы адекватной передачи устной речи с помощью письма. Поскольку письменная коммуникация – это важный компонент культуры, сфера орфографии является одной из самых консервативных областей языка [Юдина 2016], а кодифицированные нормы правописания считаются социальной ценностью, на что указывают такие оценочные суждения, как, например, высказывание Л.В. Щербы: «Писать грамотно требует социальная порядочность, уважение ко времени своего соседа» [Щерба 1957: 49]. С точки зрения потребностей коммуникации наличие норм правописания – это пример рационального выбора определенного графического варианта слова, которое с точки зрения действий носителей языка гарантирует им взаимопонимание. Поэтому в сознании носителей языка орфографической норме придается особое значение – обучение «правильному» написанию слов лежит в основе школьного курса родного языка. Орфографическая норма (наравне с нормой орфоэпической), таким образом, культивируется в том смысле, что в сознании носителей языка существует устойчивое убеждение в существовании единственно правильного способа написания слов и в отсутствии вариативности в этой части языковой системы.

Орфографическая вариативность заимствований: корпусный анализ

В качестве источника данных в исследовании был использован Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ), поскольку он позволяет получать данные о функционировании языка в различных модусах коммуникации (письменном, устном и компьютерно-опосредованном).

Цель нашего анализа – на основе корпусных данных показать, насколько вариативной может быть орфография на этапе освоения заимствований и как проявляется орфографическая вариативность заимствований в узусе в зависимости от модуса коммуникации.

Чтобы убедиться, что мы имеем дело с лексикой, которая уже не является ни окказиональной, ни неологизмами, воспользуемся списком условий, которые определяют вхождение слова в язык: «Это – а) графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка; б) соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями; в) семантическая самостоятельность слова, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе; г) для слова литературного языка – употребление не менее чем в двух разных речевых жанрах, для термина – регулярное употребление в определенной терминологической сфере» [Крысин 2004: 50].

Для корпусного анализа наиболее значимыми представляются первый и четвертый критерии: наличие графемно-фонетической формы слова и его фиксация в текстах, относящихся не только к разным речевым жанрам (определение термина «речевой жанр» мы оставим за рамками данного исследования), но и шире, к различным модусам коммуникации. Первый критерий – передача графемно-фонетического облика слова средствами русского языка – означает, что для заимствования существует некоторый единый способ записи и произнесения данного слова, т.е. у слова есть нормативное написание и произношение. Четвертый критерий – факт употребления слова в разных режимах коммуникации – может быть проверен путем сопоставления данных различных подкорпусов НКРЯ.

Однако опыт показывает, что орфографическая вариативность – достаточно распространенное явление. Нормы языка (включая нормы орфографии), как правило, обсуждаются в сопоставлении с узусом [Шмелев 2020]. И такое сопоставление показывает, что норма и узус конкурируют друг с другом, поскольку узус демонстрирует вариативность, а норма требует однозначности. Особенно ярко вариативность

проявляется в процессе освоения заимствованной лексики, в том числе ее графического облика в принимающем языке.

К причинам орфографической вариативности заимствований принято относить, во-первых, неоднозначность фонетических замен при практической транскрипции, во-вторых, попадание слова в язык через устный либо через письменный, в-третьих, наличие различных мотиваций написания и их конкуренция в языковом сообществе (в таких случаях форма слова может служить социальным маркером).

В процесс адаптации заимствований возникает еще одна проблема. Как отмечает И.В. Нечаева, «действующие правила орфографии в отношении иноязычных заимствований таковы, что являются недостаточным подспорьем для пишущего, поскольку построены на описании норм письменного употребления для уже освоенных слов [Нечаева 2011: 5].

Под орфографическим вариантом принято понимать «разновидность письменной формы слова в пределах его тождества, обусловленную лингвистическими причинами» [Нечаева 2022: 57]. Орфографическая адаптация заимствованной лексики – это длительный процесс, в ходе которого среди конкурирующих вариантов выбирается наиболее предпочтительный вариант с точки зрения узуса.

Далее будет показано, как адаптируются заимствования в современном русском языке с точки зрения их орфографического облика. Данные приводятся для четырех подкорпусов НКРЯ: основного (этот подкорпус показывает наиболее общую картину), газетного (этот подкорпус позволяет видеть, в какой момент слово появляется в письменной речи; кроме того газетный подкорпус содержит тексты, авторы которых обязаны соблюдать действующие орфографические нормы), подкорпус «Социальные сети» (данные этого подкорпуса показывают, как действуют носители языка, когда соблюдение орфографических норм не является обязательным требованием) и устный подкорпус (здесь нас будет интересовать не произносительная сторона – она не фиксируется в НКРЯ, – а то, какие варианты выбирались кодировщиками в процессе транскрибирования устного дискурса).

Отметим также, что данные приводятся в абсолютных величинах – представляется, что для нашего исследования относительная частота вхождений не важна, важно количество контекстов, в которых реализуется тот или иной вариант написания. Еще одно важное замечание – различия в количественных данных между подкорпусами объясняются не тем, что в каком-то модусе коммуникации то или иное слово употребляется чаще или реже, а отражают в первую очередь различия в объеме подкорпусов.

Случай 1. Заимствования из японского языка: «с» или «ш»?

Вариативность орфографического облика этой группы заимствований объясняется тем, что японские слова заимствовались в русский язык не только напрямую, но и через английский язык [Смоленский 2004]. Прямые заимствования из японского в русский язык используют в транслитерации «си», заимствования через английский язык – «ши», в результате возникает орфографическая вариативность. В таблице 1 показано, как проявляется вариативность в четырех подкорпусах.

Таблица 1

Написание «с» или «ш» в заимствованиях из японского языка

Вариант написания	Основной подкорпус	Газетный подкорпус	Социальные сети	Устный подкорпус
<i>Мицубиси</i>	189	733	43	3
<i>Мицубиши</i>	3	20	10	0
<i>суси</i>	96	202	53	4
<i>суши</i>	44	1105	2739	54
<i>сасими</i>	13	101	4	0
<i>сашими</i>	18	84	67	1

Примеры из газетного подкорпуса, который, как уже упоминалось выше, содержит тексты, ориентирующиеся на соблюдение орфографической нормы, демонстрируют вариативность написаний:

Я очень люблю японскую кухню: и суси, и сасими, и сябу-сябу [Матвиенко назвала японцев трудовыми пчелками и призналась в любви к сябу-сябу // lenta.ru, 02.11.2016].

Те же суши или «суси», как говорят сами японцы, немислимы без дорогого японского риса, 5-килограммовый мешок стоит почти 900 рублей [Японские товары компенсируют россиянам запрещенный импорт с Запада // Vesti.ru, 09.08.2014].

Так, директор по продажам и маркетингу одного из отелей в Сноумассе уверяет, что знает название той посуды, которая ловит рыбу для суси в их суси-баре, и даже время, когда ее выловили.

Ее продают в свежем или замороженном виде или приготовленной как сашими, и относят в очень высокой ценовой категории» [Рыбаки поймали рыбу размером со взрослого человека после землетрясения // Lenta.ru, 21.08.2020].

Организаторы сообщали, что ужин начнется с аперитива, затем гостям предложат японскую говядину на гриле, сасими из опасной своей ядовитостью рыбы фугу и фугу во фритюре [Татьяна Меликян. Перешли на горячее // lenta.ru, 15.12.2016].

На Русаковской улице в столице автомобиль «Мицубиси» протаранил трамвайную остановку [На Русаковской улице «Мицубиси» врезался в трамвайную остановку // Vesti.ru, 09.02.2016].

На 398 километре в районе поселка Лесная поляна автомобиль «Мицубиши» на полном ходу врезался в автобусную остановку [В Нижегородской области автомобиль врезался в автобусную стоянку // Vesti.ru, 13.09.2010].

Заметим, что в системе транскрипции Е.Д. Поливанова спорный звук должен передаваться как «с»: «Из всех русских согласных звуков мягкое [с] (в слогах *си, ся, сю, сё, се*) наиболее близко к японскому звуку; что касается русского *ш*, то разница между ним и японским звуком громадная, как по положению языка (в русском работает кончик языка, загибающийся кверху; в японском – сужение образовано передней частью спинки языка), так и по акустическому результату» [Поливанов 1917], однако влияние английской транскрипции Хепбёрна привело к тому, что в современном русском языке наблюдается вариативность, причем в ряде случаев в пользу «ш», что видно из данных таблицы 1. Интересно, что для слова *Мицубиси* словарь «Академос» дает только этот вариант написания, для слова *суши/суси* признаются возможными оба варианта, а вот для слова *сашими* дается только вариант с «ш».

Случай 2. Одна или две согласных?

Согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации», написание двойных согласных в корнях заимствованных слов определяется в так называемом словарном порядке, что означает отсутствие четкой рекомендации для выбора варианта.

Насколько последовательно адаптируются заимствования с удвоенными согласными в современном русском языке? (См. таблицу 2.)

Анализируя историю вопроса, И.Я. Нечаева указывает, что ни один из возможных критериев (фонетический, морфологический и этимологический) не дают надежного способа выбора написания, при этом в работах лингвистов прослеживается тенденция рекомендовать более простой вариант написания (т.е. писать по возможности один согласный) [Нечаева 2011].

В таблице 2 представлены некоторые заимствования из английского и итальянского языков, вариант написания, рекомендованный ресурсом «Академос», выделен жирным шрифтом. Если ни один из вариантов написания не выделен, это означает, что данное слово на момент проведения исследования не включено в базу данных «Академоса».

Таблица 2

Вариативность написания слов с одной или двумя согласными,
по данным НКРЯ

Слово	Основной подкорпус	Газетный подкорпус	Социальные сети	Устный подкорпус
<i>Акаунт</i>	0	19	145	0
Аккаунт	120	19 899	7 479	13
<i>Банер</i>	5	107	190	0
Баннер	184	6 274	1 605	10
<i>Бестселер</i>	0	1	4	0
Бестселлер	673	4 812	1 558	11
Блогер	324	18 029	6 398	36
<i>Блоггер</i>	40	1 465	1 314	3
<i>Брускета</i>	0	6	11	0
<i>Брускетта</i>	6	37	95	0
<i>Графити</i>	3	24	0	0
Граффити	294	2 846	1 331	8
Капучино	70	217	472	1
<i>Каппучино</i>	16	11	28	0
<i>Капуччино</i>	69	106	33	5
<i>Каппуччино</i>	4	0	0	0
Легинсы	5	124	77	0
<i>Леггинсы</i>	1	0	156	0
Моцарелла	35	352	1021	0
<i>Моццарелла</i>	27	131	12	0
Офлайн	38	1 550	405	9
<i>Оффлайн</i>	29	242	672	1
Пазл	135	554	939	8
<i>Паззл</i>	49	202	266	3
<i>Патерн</i>	3	5	1	0
<i>Паттерн</i>	162	227	595	13
Сканер	304	2 395	1 144	23
<i>Сканнер</i>	13	55	15	0
<i>Скил</i>	1	10	244	0
<i>Скилл</i>	4	26	84	0
Трафик	521	10 695	2 047	16
<i>Траффик</i>	49	296	217	0
<i>Чиабата</i>	0	4	5	0
Чиабатта	5	9	83	0
Шопинг	197	1 938	1 070	7
<i>Шоптинг</i>	76	644	719	10

Даже это небольшое количество примеров (на самом деле таких заимствований гораздо больше) позволяет говорить о том, что, во-

первых, норма не во всех случаях устанавливается последовательно: в ряде случаев рекомендуется написание с одной согласной (*блогер, капучино, офлайн, шопинг*), в других случаях – с двумя (*баннер, бестселлер, чабатта*).

В газетных текстах рекомендованные варианты написания встречаются чаще других вариантов, что указывает на более последовательное соблюдение нормы, чем, например, в социальных сетях. Однако в ряде случаев вариативность проявляется не только в социальных сетях, но и в газетных текстах (как это происходит, например, со словами *шопинг/шоппинг* и *офлайн/оффлайн*). Иногда даже в одном и том же тексте встречается два варианта написания:

У них в отличие от «чистых» интернет-магазинов нет необходимости всеми возможными, в том числе и не грани фола, средствами «захватывать» рынок, им важно не уронить уже заработанный в оффлайне имидж надежных продавцов [Василий Аузан. В2С: Back to College // «Эксперт-Интернет», 2001.03.12].

К тому же известным в офлайне торговым предприятиям гораздо дешевле раскручивать свой интернет-проект [Василий Аузан. В2С: Back to College // «Эксперт-Интернет», 2001.03.12].

Корпусные данные позволяют говорить о непоследовательности в орфографической адаптации таких заимствований в русском языке, а также о том, что в разных модусах коммуникации носители языка демонстрируют разные предпочтения: например, в случае со словами *легинсы/леггинсы* и *офлайн/оффлайн* рекомендованное написание с одной согласной чаще встречается в газетном корпусе (при том, что альтернативные варианты написания также встречаются), но пользователи социальных сетей отдают предпочтение написанию с удвоенной согласной (и это очевидное влияние орфографического облика слова в английском языке). А вот для слова *капучино* в устном подкорпусе кодировщики отдали предпочтение варианту написания *капуччино* (хотя, учитывая объем устного подкорпуса, можно предположить, что в процессе его пополнения данные могут поменяться).

Случай 3. «Е» или «э»?

Еще одна зона вариативности – написание *е/э* в заимствованиях. «Правила русской орфографии и пунктуации» сообщают нам следующее: «Не в начале корня после гласных (в словах иноязычного происхождения) пишутся как буква э, так и е. Их выбор зависит от предшествующей гласной.

1. После букв *е* и *и* пишется *е*...

2. После букв *а, о, у, ю* пишется *э* [Правила русской орфографии и пунктуации 2009].

Что касается написания буквы *э* не в начале корня после согласных, то она должна писаться в некоторых нарицательных словах и именах собственных иноязычного происхождения. В остальных случаях должна писаться буква *е* [Правила русской орфографии и пунктуации 2009].

Насколько последовательно соблюдают эти нормы носители русского языка для записи новых заимствований? В таблице 3 представлены данные об абсолютной частоте вхождения различных вариантов написания ряда заимствований в четыре подкорпуса НКРЯ. Варианты написания, рекомендованные ресурсом «Академос», выделены жирным шрифтом.

Вот несколько примеров контекстов с разным написанием таких заимствований:

*Доступна опция накопления **кэшбэка**: до 25% на все товары [Женя. На чеку, Полезный блог в Воронеже (2022)].*

*Не думаю, что у 12-летнего ребенка будут большие траты и **кэшбеки** на ГСМ, чтобы брать Тинькофф, или большой остаток чтобы капали повышенные проценты как в ВТБ Премьер...) [Нужна помощь! (часть 2) (2022)].*

***Кешбек** и на каршеринг есть, многим пригодится [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (08.10.2022)].*

*Если вы уже знаете заранее о своей поездке, то это отличная возможность воспользоваться целым комбо скидок и **кешбэков** [Женя. На чеку, Полезный блог в Воронеже (2022)].*

Интересна непоследовательность в выборе рекомендованного варианта написания: с одной стороны, «Академос» советует писать *кешбэк*, (*е* в безударном слоге, *э* – в ударном), с другой стороны, из четырех возможных выбирается *хештег*, а не *хештэг*, хотя слово имеет такую же структуру.

Обращают на себя внимание случаи расхождения нормативного написания с узусом: рекомендованные варианты написания *карате*, *кешбэк*, *флешбек* в социальных сетях употребляются реже, чем их альтернативные варианты написания, а для слова *риелтор* такая же картина наблюдается и в основном, и в газетном подкорпусах. Вариант написания *каратэ* встречается в основном подкорпусе и в социальных сетях чаще; этому же варианту отдают предпочтение кодировщики и в устном подкорпусе. В газетном подкорпусе более частотным оказывается рекомендованный вариант написания *карате*.

Таблица 3

Вариативность написания *е/э* в заимствованиях, по данным НКРЯ

Слово	Основной подкорпус	Газетный подкорпус	Социальные сети	Устный подкорпус
Аниме	84	533	3 246	8
Анимэ	10	86	80	0
Апгрейд	55	415	433	0
Апгрэйд	0	2	6	0
Бренд	1 750	52 964	8 983	72
Брэнд	576	7 304	325	9
Вебинар	29	270	2 030	0
Вэбинар	0	0	16	0
Карате	202	1 186	245	8
Каратэ	402	845	294	15
Кешибек	0	25	74	0
Кешибэк	0	852	71	0
Кэшибек	11	56	117	0
Кэшибэк	0	345	238	0
Риелтор	128	2 706	458	1
Риэлтор	327	3 888	716	1
Секонд-хенд	21	150	154	5
Сэконд-хенд	0	3	11	0
Секонд-хэнд	66	3	0	0
Сэконд-хэнд	8	27	13	4
Тинейджер	196	1 346	231	2
Тинэйджер	43	208	40	3
Флешбек	2	11	83	0
Флешбэк	12	128	19	0
Флэшбек	5	36	49	0
Флэшбэк	20	34	52	1
Флешка	72	772	1 600	18
Флэшка	31	317	227	10
Хейтер	4	224	365	13
Хэйтер	1	2	18	0
Хэйтэр	0	0	2	0
Хендмейд	5	8	8	0
Хендмэйд	0	0	3	0
Хэндмейд	1	4	8	0
Хэндмэйд	0	0	35	0
Хештег	3	3 712	785	0
Хештэг	0	61	86	0
Хэштег	9	970	1 367	1
Хэштэг	12	48	202	0

Случай 4. Слитно, отдельно или через дефис?

Теперь рассмотрим случаи, когда вариативность возникает в результате слитного, отдельного или дефисного написания заимствований. Снова обратимся к «Правилам русской орфографии и пунктуации»: для сложных слов с несклоняемой первой частью, выраженной существительным в им. п. ед. ч. без окончания рекомендовано дефисное написание. Однако данные таблицы 4 показывают, насколько непоследовательно соблюдаются эти рекомендации во всех модусах коммуникации.

Таблица 4

Вариативность при слитном, отдельном или дефисном написании заимствований

Слово	Основной подкорпус	Газетный подкорпус	Социальные сети	Устный подкорпус
Бизнесвумен	38	451	32	4
<i>Бизнес-вумен</i>	0	154	26	2
<i>Бизнескласс</i>	0	4	6	0
Бизнес-класс	189	4 217	204	13
<i>Бизнес класс</i>	5	0	143	1
<i>Бодиарт</i>	1	11	69	0
Боди-арт	18	89	171	2
<i>Вебсайт</i>	15	126	75	0
Веб-сайт	185	1 787	860	1
<i>Дресскод</i>	6	13	50	0
Дресс-код	91	1 281	629	0
Массмедиа	128	295	93	1
<i>Масс-медиа</i>	208	1 277	0	0
<i>Масс медиа</i>	8	78	0	0
<i>Нонстоп</i>	2	3	26	0
Нон-стоп	5	716	306	5
<i>Прайслист</i>	1	7	3	0
Прайс-лист	106	830	156	3
<i>Хотдог</i>	7	31	39	0
Хот-дог	87	775	289	6
Шоурум	12	219	379	0
<i>Шоу-рум</i>	47	526	382	0

В качестве примера такой непоследовательности обратимся к данным о слове *массмедиа* (именно этот вариант написания рекомен-

дует «Академос»). Слитное написание встречается реже, чем написание через дефис, в основном и газетном подкорпусах, но в подкорпусе «Социальные сети» это единственный вариант написания:

*В редких комментариях **массмедиа** повышение это рассматривается как компенсация доходов, которые казна недополучит из-за предполагаемого снижения НДС или единого социального налога [Борис Жуков. Переоценка ценностей // «Еженедельный журнал», 2003.03.17]*

*Сейчас практически общее место в отечественной и мировой публицистике и **масс-медиа** – оценка идеалов красоты в истории культуры через призму экономического детерминизма (или редуционизма) и оппозиции «болезнь – здоровье» [Татьяна Лифинцева. Скажи, что есть прекрасного в тебе? Телесность и корпулентность в границах теоретической эстетики // «Знание – сила», 2020]*

Раздельное написание слова *массмедиа*, как правило, встречается в названиях организаций:

*Ответчиком выступило ООО «**Масс Медиа Центр**», учредитель газеты [Мэру Первоуральска выплатят компенсацию за публикацию его стихов // Lenta.ru, 29.04.2009].*

*Удвоение планирует и «**Система Масс Медиа**» (СММ, входит в АФК “Система”) [Американская легенда в России // Ведомости, 2007.02.06].*

Случай 5. Вариативность написания, вызванная влиянием письменного или устного канала заимствования

Вариативность написания может объясняться не только различиями в фонетических системах языка-донора и языка-реципиента, но и тем, что заимствование могло осуществляться через устную или письменную речь. В первом случае орфографический облик слова воспроизводит звучание, во втором – написание слова в языке-доноре. В таблице 5 представлено несколько примеров слов, варианты написания которых отражают либо произношение, либо написание заимствования в языке-доноре.

В подкорпусе «Социальные сети» орфографический облик доминирует над произношением в паре *ютуб-ютьюб* и в паре *тьюториал – тьюториа*л (при наличии слова *тьютор*, имеющего тот же корень).

Таблица 5

Вариативность орфографического облика слов,
отражающая звучание/написание слова в языке-доноре

Слово	Основной подкорпус	Газетный подкорпус	Социальные сети	Устный подкорпус
<i>Продакшен</i>	5	76	35	0
<i>Продакшин</i>	58	972	381	0
<i>Перформанс</i>	295	2 748	1 210	8
<i>Перфоманс</i>	79	616	644	2
<i>Ресепшен</i>	35	177	89	1
<i>Ресепшин</i>	33	206	190	5
<i>Ретейл</i>	15	512	13	0
<i>Ритейл</i>	66	3 875	134	1
<i>Тьюториал</i>	0	4	199	0
<i>Тьюториал</i>	1	2	8	0
<i>Шаурма</i>	64	1 146	1 191	10
<i>Шаверма</i>	35	134	337	6
<i>Шаварма</i>	1	5	12	0
<i>Ютуб</i>	31	137	3 645	1
<i>Ютьюб</i>	36	57	241	6

Случай 6. Несколько «проблемных» мест в написании заимствований

Наличие нескольких «проблемных» мест увеличивает количество возможных вариантов. Наибольшую вариативность демонстрируют газетный подкорпус и подкорпус «Социальные сети». Обращает на себя внимание тот факт, что в газетном подкорпусе, несмотря на общую тенденцию использовать рекомендованные варианты написания, в ряде случаев одно и то же издание предлагает различные варианты. Приведем несколько примеров такой вариативности.

Отдельного комментария заслуживает ряд *шаурма/шаверма/шаварма* – вариативность этого слова, с одной стороны, объясняется различиями в фонетике языка-донора и языка-реципиента, а с другой – носит отчетливый региональный оттенок.

Старший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук Анна Волынская в эфире «Радио Балтика» сообщила: «В наших словарях пишется **шаверма**, она же **шаурма** [Ксения Туркова. Словарный запас. Итоги 2016 года (31.12.2016) // «Сноб», 2016].

Домашняя *шаурма* Всем знакомо такое вкусное и сытное блюдо ближневосточного фаст-фуда, как **шаурма** (**шаверма, шаварма**,

шуарма, шаорма), которое у нас продают практически везде [vk (28.02.2016)].

Четыре варианта написания слова *дистрибьютор* (*дистрибьютор/дистрибьютер/дистрибутор/дистрибутер*) возникают в результате ориентации на письменный или звуковой состав слова в английском языке в слоге *-бью/-бу* и вариативного написания последнего слога (вариативность есть и в английском языке – *distributor/distributor*). В газетном подкорпусе обнаружены все варианты написания:

Ведь это не просто компании-дистрибьюторы или торгово-закупочные – это предприятия, которые занимаются разработками и производством, которые создают и накапливают технологии [Особая зона для продукции завтрашнего дня // Парламентская газета, 2021.11.26]

А маленькие аптечные пункты могут открываться только от больших дистрибуторов», – пояснила Соломатина [Аптеки индивидуальных предпринимателей обеспечат лекарствами отдалённые посёлки // Парламентская газета, 2020.07.27].

«Мы начали поставки продукции под марками Natura Siberica и другими нашими марками нашим дистрибуторам и другим заказчикам и партнерам», – говорится в сообщении компании [Natura Siberica вернула контроль над собственными товарными знаками // Ведомости, 2021.10.28].

Вскоре после отказа Турции в «Газпроме» заявили, что найдут покупателей на шесть миллиардов кубометров топлива среди независимых дистрибуторов [«Газпром» нашел покупателей на ненужный турецкой госкомпания газ // Lenta.ru, 14.08.2012].

Вариативность в написании слова *мейкап* (это рекомендованный вариант) вызвана, во-первых, наличием двух вариантов передачи гласного звука *е/э*, а во-вторых, возможностью слитного, дефисного или раздельного написания. В результате возможно шесть вариантов написания (*мейкап/мэйкап/мейк-ап/мэйк-ап/мейк ап/мэйкап*), и все они встречаются в НКРЯ.

Пользовательницы начали массово публиковать ролики, в которых сперва демонстрировали свои лица с мейкапом и в праздничных нарядах, а затем снимались в домашней одежде и без косметики [Природная красота женщин оказалась привлекательнее макияжа // Lenta.ru, 09.12.2020].

Ровно сто слоев мэйкапа оказались одновременно на ее лице [Самая «натуральная» красота // РИА Новости, 18.07.2016].

Я нашла на YouTube много уроков мейк-апа, в которых молодые девушки создавали макияж в стиле Хелы [Беседовала Александра Федотова. «Наконец-то я буду злодейкой!» // lenta.ru, 01.11.2017].

На эти деньги она должна кардинально изменить свой образ: выбрать модную одежду, обувь и аксессуары, сделать стильный **мэйк-ап** и прическу [Анстасия Ниточкина. Как стать моделью без помощи стилистов // Известия, 05.07.2012].

Что, они намного уродливее, чем у меня в клипе? **Мейк ап**, правильная съемка — все. Безусловно, если бы у меня какое-то лицо вызвало отторжение, я бы попросила его не снимать [Незнакомая // Аргументы и факты, 2001.11.21].

K@ lina, С помощью термальной воды хорошо закрепляется макияж, надо просто побрызгать ее на готовый **мэйк ап** и подождать, когда высохнет [Косметика, которую мы выбираем (2003-2020)].

Следующий пример вариативности – заимствование *message* (рекомендованный вариант написания – *месседж*), которое может писаться по меньшей мере десятью разными способами (*месседж/мессадж/мессидж/меседж/месадж/месидж/мессаг/мессага/месаг/месага*), и все варианты написания также встречаются в газетном подкорпусе и подкорпусе «Социальные сети»:

Этот **месседж** с обеих сторон как бы говорит нам: послушайте, в сухом остатке что остается? [Дискурс выученной беспомощности // Ведомости, 2020.06.17].

Основной **мессадж**, исходивший практически от каждого выступавшего, сводился к тому, что отрасль мобильных телекоммуникаций, несмотря на относительную молодость, уперлась в потолок [Кирилл Шишов. Абонента не заденет // lenta.ru, 05.03.2018].

Мы услышали сейчас важный **мессидж** о том, что министерство не хочет законодательно контролировать технические вопросы [Закон: Не антагонисты // Ведомости, 2013.06.28].

Этот **меседж** от был произнесен устами Олега Задорожного!! [vk (04.04.2016)].

Ночью, около 2х или 3х ночи, в чате видел **месадж** от юзера "Дример", кажется [Болталка Билайн / ГолденТелеком (2007-2017)].

Этот **месидж** заключается в том, что будет сделан еще больший акцент на социальные программы", – заявил журналистам Л. Гургенидзе [Кандидат в премьеры Грузии намерен наладить «диалог с народом» // Известия, 16.11.2007].

Разговорный вариант *мессаг/мессага* встречается в подкорпусе «Социальные сети». Он еще не получил однозначной родовой характеристики и может употребляться как в мужском, так и в женском роде:

Ты **мессагу** ниже прочитал? [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (25.03.2021)].

*А, пардон, мой **мессаг** про Илью тут [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (24.04.2021)].*

*Только у меня второй день, в первой половине дня, нельзя **месагу** в личку отправить, нет такой функции на странице, только: "ник в ответ" [114 Болталка раздела Домолинк version III (2010-2017)].*

Похожая ситуация сложилась со словом **фэнишуй**, которое до 2012 года рекомендовалось писать через дефис, но в 4-м издании «Русского орфографического словаря» РАН рекомендовано слитное написание. Корпусные данные показывают, что встречается шесть вариантов написания (**фэнишуй/фенишуй/фэн-шуй/фен-шуй/фэн шуй фен шуй**), которые возникают из-за слитного/дефисного/раздельного написания и вариативности *е/э*:

*Ранее флорист рассказала, что, согласно правилам **фэнишуй**: кактусы следует держать не дома, а в офисе, чтобы те притягивали деньги [Россиянам дали советы по выбору новогодней ели // lenta.ru, 04.12.2019].*

*В лаконичнейшем ландшафте – какие-то совершенные по цвету, по форме, по топологии, по фенишуйности... Даже **фенишуй**? У меня раньше с Валдаем аналогиями были только какие-то горные массивы – ну, Гранд Каньон какой-нибудь [Александр Клейн. Зов бездны: глубины, тонкости и сложности, где только ты сам // «Пятое измерение», 2003].*

*На сайте застройщика говорится, что проект предусматривает строительство семи домов с мансардой, здания строятся по принципам васту и **фэн-шуй**: это значит, что особое внимание будет уделено расположению домов относительно сторон света [В Петербурге начали строить жилье для вегетарианцев // lenta.ru, 17.10.2017].*

*А самые требовательные руководствуются не только характеристиками дома и квартиры, но и – для пущей правильности выбора – привлекают астрологов, нумерологов и мастеров **фен-шуя** [Людмила Чичерова. Сосед не той национальности // lenta.ru, 21.07.2016].*

*Консультанты по **фэн шую** советуют в этот период не есть вяленое мясо, резко ограничить потребление соленых продуктов и увеличить количество горьких [Олеся Носова: Фэнишуй-прогноз на 7 декабря // Комсомольская правда, 08.12.2005].*

В рамках семинара – открытые уроки, мастер – классы: "Фен шуй. Благоприятные символы", "Обучение Лексике посредством игры", "Обучение каллиграфии" [В Чите открылся Международный семинар преподавателей китайского языка // Vesti.ru, 01.10.2007].

Примеры случаев, когда рекомендованные варианты оказываются менее частотными по сравнению с альтернативными вариантами написания, отражают ситуацию, когда узус не совпадает с нормой:

- *батл* (при более частотном варианте написания *баттл*),
- *офер* при наиболее частотном варианте *оффер*),
- *риелтор* (при более частотном варианте написания *риэлтор*),
- *ретейл* (при более частотном варианте написания *ритейл*),
- *боди-арт* (при более частотном варианте написания *боди-арт*),
- *массмедиа* (при более частотном варианте написания *масс-медиа*)

Выводы

Норма, в том числе языковая – это социальный феномен, связанный с ожиданиями и предпочтениями тех, кто использует ее в своей повседневной жизни. Нормы, в том числе языковые, возникают как результат кооперативного поведения, и в этом смысле можно говорить о том, что нормы могут принести взаимную выгоду. Такая **взаимная** выгода – **взаимопонимание** – очевидно, необходима для носителей языка, поэтому нормирование языковой системы – важная социальная задача. И поэтому языковую норму можно отнести к разряду социально-культурных ценностей.

Поскольку ожидания и предпочтения всегда предполагают наличие альтернативных вариантов поведения, существование нормы постоянно подвергается «проверке на прочность», и потому норма тесно связана с вариативностью: «... с точки зрения речи норма рассматривается как выбор того или иного варианта; с точки зрения языка... норма предстает как своеобразный фильтр, распределяющий языковые варианты в зависимости от параметров среды, в которой происходит коммуникация, т.е. от коммуникативной ситуации в широком смысле этого слова» [Ерофеева 2011: 62].

Вариативность возникает даже там, где, по мнению носителей языка, все возможные действия четко регламентированы – в орфографии. В обществе орфографическая норма стереотипно воспринимается как нечто неизблемое и однозначное, у носителей языка существует ожидание того, что «все пишут по правилам», т.е. действуют одинаково в схожих контекстах». Однако реальностью является орфографическая вариативность, которая особенно ярко проявляется в процессе освоения заимствований. Корпусные данные демонстрируют расхождения узуса (реальной речевой практики носителей языка) с кодификационными требованиями.

ГЛАВА 3

МАРКЕРЫ НАРУШЕНИЯ НОРМЫ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ

На третьем этапе анализа исследовательские усилия концентрируются на выявлении и детальном описании маркеров нарушения того или иного вида нормы. Выбрать такой ракурс анализа авторы решили потому, что нормы носители языка и культуры нарушают либо неосознанно (несущественно, по какой причине), либо сознательно, полагая (во многих случаях небезосновательно), что нарушение той или иной нормы позволит им оптимизировать свое взаимодействие с партнером, более эффективно добиться в интеракции своей цели.

В качестве предмета для анализа избраны две наиболее очевидные для выявления степени отклонения от узуса или нарушения нормы характеристики – сочетательные потенции и словообразовательные механизмы. Названные свойства присущи практически всем элементам отдельных уровней языковой системы в любой момент бытования языка как средства познания и коммуникации. Упомянутые свойства находятся, бесспорно, на стыке лексических и грамматических закономерностей, подвержены воздействию диалектики «постоянное ⇔ изменчивое», «универсальное ⇔ культурно специфическое», «потенция ⇔ реализация потенции».

Отмеченные свойства имеют определенное преимущество. Они максимально быстро отзываются на социокультурные изменения. Выражая эту же мысль другими словами, можно сказать, что суперсистемные связи (т.е. социокультурные и психо-социо-когнитивные) обуславливают разнообразные метаморфозы на системном и субсистемном уровнях (т.е. обуславливают изменения в отдельных субсистемах языковой системы и в функциональном потенциале языка как средства познания и коммуникации).

Именно эти свойства, даже если они проявляют первоначально себя негативно, в долговременной перспективе потенциально могут и обогатить практику использования языковых средств, расширить функциональный потенциал той или иной коммуникативной единицы и/или составляющих ее компонентов, выявить новые тенденции в организации языковых подсистем и системы в целом.

Особое внимание при осмыслении соотношения языковых и социальных норм в коммуникации решено уделить изучению ономаσιологических и семасиологических закономерностей в их взаимосвязи, вполне осознавая при этом настоятельную необходимость, используя выражения З.А. Харитончик, «должного разграничения языка как объ-

екта и метода исследования» [Харитончик 2015: 6], с одной стороны, а также «языка как средства анализа» [Харитончик 2015: 7], с другой.

В обозначенном контексте правомерно солидаризироваться с мнением З.А. Харитончик: «Реальный мир, включая и мир психических состояний, и язык как систему, в которой закрепляется, кстати, не всегда и далеко не во всей своей полноте, видение носителями языка мира объектов и их свойств, осознание закономерностей психики и своих эмоциональных состояний, не идентичны, и знание, зафиксированное в языковых системах, – лишь малая, хотя, несомненно, важная часть человеческого знания об этом мире. Поэтому изучение значений слова, фразеологических оборотов и т.д. – не единственный и, по видимому, не самый точный путь к познанию этой реальности, не говоря уже о том, что употребление слов-обозначений эмоций далеко не всегда совпадает с реальными психическими эмоциональными состояниями говорящих» [Харитончик 2015: 7-8].

3.1. Нетривиальная сочетаемость признаков лексем: норма? Нарушение нормы? Креатив?

Введение

Проблема нормативной и ненормативной сочетаемости и в целом тема языковой нормы продолжают оставаться в приоритете лингвистических исследований в силу того, что требование её соблюдения/несоблюдения проявляется в сочетании слов с учетом лексических, семантических и грамматических особенностей компонентов создаваемых комплексов. Правила же сочетаемости имеют временной характер: под влиянием интралингвистических и экстралингвистических факторов они могут меняться, что заставляет лингвистов пересматривать и уточнять как типологию сочетаемости, так и сущность типов словосочетаний. Это подтверждается параллельным существованием сегодня таких рядов их типов, которые создаются авторами по стратегии «соответствующий норме – не соответствующий норме»: нормативные – ненормативные, нормативные – допустимые – ненормативные, нормативные – допустимые/узуальные – ненормативные, тривиальные – нетривиальные и т.д. [Апресян 1969; Архипова 2016; Влавацкая 2014; Котелова 2015; Рахилина 2000; Шилихина 2010; Юдина 2006; и др.]. В результате наличие разнообразия терминологических номинаций типов сочетаний. Такое типологическое разнообразие лишь подтверждает актуальность проблемы языковой нормы при осуществлении носителями языка номинатив-

ной и дискурсивной деятельности, так как она связана в первую очередь с базой знаний говорящих относительно правил сочетаемости слов для репрезентации заданного смысла и способности следовать таким правилам. Нарушение же таких правил не всегда приводит к отсутствию смысла создаваемых вербализаций.

Особый интерес представляют так называемые **нетривиальные** сочетания, которые, с одной стороны, допускают некоторые нарушения лексических и семантических норм с соблюдением, однако, грамматической, но с другой, выражают при этом заданный говорящим смысл, успешно декодируемый носителями языка.

Как известно, каждый класс частеречных единиц, в том числе и признаковых, в частности прилагательных, предъявляет свои требования к созданию нормативных сочетаний, сигнализируя о возможности осознанного и неосознанного нарушения правил сочетаемости. В связи с этим возникают следующие вопросы:

- влияет ли концептуальная сущность семантики прилагательных на создание нормативных сочетаний или на запрещение таковой?

- если нетривиальные сочетания прилагательных при нарушении соответствующих норм все-таки репрезентируют определенный смысл, то можно ли их трактовать как один из видов нормативных сочетаний?

- в каких типах коммуникативных ситуаций проявляется нетривиальная сочетаемость прилагательных?

- что «руководит» созданием таких сочетаний? какие факторы оказываются более значимыми?

- какие механизмы (когнитивные и языковые) позволяют носителям языка допускать нарушения кодифицируемых правил сочетаемости и создавать нетривиальные смыслоорганичные сочетания прилагательных, вплоть до креативных (инновационных).

Настоящее исследование ориентировано на поиск ответов на эти и другие вопросы на примере атрибутивно-субстантивных сочетаний русских и английских осязательных прилагательных с идеями «острый»/«тупой» как одного из классов перцептивных лексем. Тому имеется ряд причин.

Во-первых, именно сочетаемость слова как «совместное появление слов в речи, в ходе которого между словами устанавливаются определенные логико-семантические и морфосинтаксические связи, образующие определенную синтагматическую последовательность» [Харитончик 1992: 34] призвана обеспечивать реализацию его лексического значения, выступать фактором разграничения значений полисемичных слов и омонимов и реализовывать ряд других функций при определённых коммуникативных условиях и заданности смысла, что

требует постоянного углубленного изучения. Создаваемые в результате словосочетания могут иметь как кодифицированный/нормативный характер, так и некодифицированный/ненормативный, что требует продолжения исследований языковых и других механизмов создания таких комплексов и предлагать по необходимости новые типологии сочетаемости, дополняющие классические.

Во-вторых, в последнее время особый интерес лингвистов вызывают так называемые **нетривиальные сочетания**, несколько «выпадающие» из категории как нормативных, так и ненормативных, так как многие из них также способны передавать смысл, понятный носителям языка и успешно ими декодируемый. Такое наблюдение обуславливает необходимость уточнения сущности упомянутых сочетаний и их места в известных типологиях сочетаемости. Это возможно осуществить, приняв следующую типологии словосочетаний в терминах *тривиальные – нетривиальные – креативные – ненормативные*. Тривиальные словосочетания отвечают требованиям языковой нормы; нетривиальные допустимы, они приобретают, как правило, статус узуальных, принимаются с течением времени системой языка, выдержают испытание на номинативную и коммуникативную релевантность и потому расцениваются в настоящий момент как нормативные. Сочетания креативные представляют собой дискурсивно обусловленные новации, которые, возможно, пока не вошли в систему языка, но оказываются понятными при учете контекстуальных и шире – дискурсивных условий реализации их смысла; ненормативные квалифицируются как речевые ошибки.

В-третьих, не вызывает сомнений тот факт, что на процесс создания носителем языка разных типов сочетаний влияют многочисленные факторы интралингвистического и экстралингвистического характера. В плане насущной проблемы уточнения определения нетривиальных сочетаний и механизма создания их смысла возникает необходимость в следующих исследовательских шагах: 1) исчисление таких факторов, 2) учет их влияния на реализацию словом своего семантического потенциала, 3) аргументированное описание результатов их избирательного действия при создании синтагматических комплексов.

Объектом исследования на настоящем этапе являются английские и русские осязательные прилагательные с идеями «острый»/«тупой» как один из классов признаковых, конкретнее – перцептивных лексем.

Фокус исследования ориентирован на выявление факторов допущения нетривиальной сочетаемости таких лексических единиц и описание механизмов создания их смыслов с определением оснований для запрета на сочетаемость.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- осветить параметры нормы/нарушения нормы/креатива при создании словосочетаний;
- определить параметры семантики анализируемых прилагательных как языкового средства номинации осязательных признаков;
- выявить типы ситуаций, в которых востребована тривиальная сочетаемость анализируемых прилагательных, интерпретируемая как индикатор их нормативности и как база для их нетривиальной сочетаемости.

Материалом исследования послужили данные авторитетных лексикографических источников, сведения из корпусов английского и русского языков (см. список источников примеров).

Языковая норма vs нарушение нормы vs креатив

Языковая норма представляет собой совокупность моделей конструирования высказываний в соответствии с принятыми и кодифицированными правилами грамматики, фонетики, а также правилами выбора слов и их сочетания при формировании последовательностей языковых элементов. Нарушение таких правил приводит к речевым ошибкам.

В тоже время, кодифицируя принятые правила использования языком, норма одновременно обладает **свойством вариативности** и допускает адаптацию языкового употребления к постоянно меняющимся условиям коммуникации. Исходя из этого, логично утверждать, что знание языковой системы предполагает в том числе и знание пределов вариативности языковой нормы. Это означает другими словами, что норма как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [ЛЭС 1990: 337], – это, прежде всего, явление, тесно связанное с **литературным языком**, и если с течением времени норма может меняться, отражая изменения, происходящие в коммуникативной практике, то при этом она не должна выходить за рамки литературного языка. Имеется в виду в данном случае то, что изменение литературной нормы не превращает высказывание в диалектальное или просторечное, а указывает на то, что теперь литературная норма **допускает и такое употребление** [Беляевская 1922: 66], которое принимает статус нормы в узусе. Следовательно, **языковая норма** ограничивает синтагматические возможности слова, устанавливается авторитетными лингвистическими институтами и фиксируется в нормативных словарях различного типа. **Норма же речи** – это то, что

наиболее распространено в речи и закреплено языковой традицией народа, она складывается в процессе динамического развития языка и понимается как неосознанная некодифицированная норма.

Изучение различных типов словосочетаний стимулировало разработку классификации сочетаний по определяющему принципу «**норма – допустимость – ненорма**», отражающей современное видение проблемы систематизации синтагматических отношений в лексике. Нормативные словосочетания подразделяются на кодифицированные, зафиксированные в авторитетных нормативных словарях (*дежурная аптека*), и узуальные, сложившиеся в языковой традиции народа и имеющие широкое распространение в речи (*культовый фильм*). К нестандартным, но допустимым относятся окказиональные словосочетания, содержащие осознанное нарушение сочетаемости слов и отражающие авторское речевое поведение (*звонкие краски*). Ненормативные сочетания слов – это результат неосознанного нарушения сочетаемости, поэтому они причисляются к речевым ошибкам (**играть значение*) [Влавацкая 2014: 67].

Рассмотрение лексических единиц в нормативном и нормализующем аспектах соотнесено с решением многих проблем. Разграничение семантической и лексической сочетаемости основывается на том, что семантическая сочетаемость – это сочетаемость смыслов, основанная прежде всего на реальной действительности. Лексическая сочетаемость имеет большее количество ограничений, заключающихся в семантике слов, стилистической окрашенности, функционально-стилевой принадлежности, грамматических свойствах слов и т.д. Правила лексической сочетаемости носят словарный характер: они индивидуальны для каждого слова и ещё недостаточно упорядочены и кодифицированы.

Разрешению этой проблемы способствуют имеющиеся и создающиеся словари сочетаемости, содержащие нормативные сочетания слов. Сочетаемость слов в соотношении «норма языка – норма речи, или узус» рассматривается в рамках данных понятий. Все семантические преобразования, скрытые за лексемами, являются **функцией их сочетаемости**. Вне сочетаемости никакие семантические образования невозможны. Представляется, что к нетривиальным сочетаниям есть основания, исходя из отмеченного выше принципа, отнести допустимые.

Языковая же креативность основывается на следующем:

- во-первых, она предполагает имеющиеся у носителей языка знания языковой системы (*language competence*) и реализуется в сфере пользования языком (*language performance*), т.е. в сферах номинации и сфере текстоформирования, где она начинает соотноситься с языковой нормой как когнитивной программой дальнейшей, «правильной» реа-

лизации языковой способности в дискурсивных практиках [Зыкова 2021: 15];

- во-вторых, она предполагает некоторую модификацию принятого употребления. Это значит, что креативное использование языковых средств выглядит необычно и неожиданно, привлекая тем самым внимание получателя информации и обеспечивая более сильное прагматическое воздействие;

- в-третьих, при модификации принятого употребления для реализации креативного потенциала языка в речи необходимо не только полное и абсолютное знание языковой системы, но и знание того, **до каких пределов** можно модифицировать обычное и частотное употребление, не нарушая возможность понимания передаваемой информации [Беляевская 2022: 63].

Однако норма связана не только с традиционным употреблением, но и с таким явлением, как «давлением системы». Это, прежде всего, проявляется в сочетаемости языковых единиц, демонстрируя тем самым их синтагматический потенциал.

На разных уровнях языковой системы степень допустимости отклонений от нормы, в которых может быть заложено направление дальнейшей эволюции нормы, различна. Наиболее жесткие нормативные правила отмечены в грамматике, но лексическая сочетаемость, где ограничения менее жесткие, также не допускает большой свободы.

Лингвокогнитивная сущность осязательных прилагательных как типа перцептивных лексем

Основное значение перцептивных прилагательных репрезентирует информацию об объективном чувственно воспринимаемом признаке. Оно контекстуально необусловленно, частотно, устойчиво, продуктивно и немотивированно. Поскольку в структуре прямого значения у таких прилагательных присутствует указание на прототипический носитель признака, оказавшийся наиболее ярким в той или иной лингвокультуре, или на прототипическую норму признака, т.е. имеются все основания назвать это значение прототипическим.

Практически все русские и английские прилагательные, обозначающие осязательные и тактильные признаки объектов, образуют оппозитивные группы, противопоставленные друг другу по градуальной шкале, или сообразно своему национальному эталону. Это тот самый параметр, согласно которому возможно варьирование семантики этих единиц. Данное свойство связано с самой природой такого качественного признака, который способен градуально изменяться (тактильные признаки) и даже измеряться (например, температурные признаки).

Центром является представление человека о норме того или иного типа признака объекта.

При этом часто большое отклонение от нормы воспринимается отрицательно, в оценочном компоненте проанализированных прилагательных находит отражение не субъективная точка зрения на признак, а объективный факт взаимодействия человека, его осязательных и тактильных органов с объектами окружающего мира (реальными предметами, воздухом, водой, природными явлениями). Все эти прилагательные поэтому градуальные. Антонимичность и ориентация на норму, таким образом, – это те два параметра, которые определяют природу данных прилагательных, что манифестируется в ситуации восприятия объекта носителем языка или взаимодействия, контакта с ним [Ляенко 2005].

Основными компонентами этой ситуации являются: 1) воспринимающий (активно или пассивно) человек как представитель своей лингвокультуры, 2) канал восприятия, 3) тип объекта восприятия. Структура содержания перцептивных прилагательных представляет собой как бы свернутую модель ситуации, элементы которой, будучи своего рода координатами, задают определенный признак.

В смысловой модели-ситуации находят отражение все необходимые признаки, в том числе и такие, которые не являются существенными с точки зрения формирования понятий, но оказываются значимыми с точки зрения практической деятельности человека (например, сема оценки и др.). Ядро же данной модели составляют те признаки, которые экстраполируются на прототипические объекты. Взаимодействие отмеченных выше компонентов модели-ситуации восприятия признака объекта может привести как к вполне объяснимому поведению перцептивного прилагательного, так и к нетривиальным случаям (для которых, тем не менее, также существуют основания, что представляет в том числе и исследовательский интерес). Ведь признаки, которыми характеризуются индивидуальные предметы, бесконечно разнообразны по своим особенностям. Наше же сознание в процессе осмысления (и впоследствии называния) реально воспринятого признака осуществляет его обобщение, типизацию. Обобщение происходит в ходе мысленного соотношения воспринятого органами чувств признака с имеющимся в сознании «эталоном», «точкой отсчета», «нормой», особой для каждой разновидности признаков и для каждого класса предметов.

«Эталон», или «точка отсчета», – это представление, с которым соотносится реальный, воспринимаемый органом чувства, признак реального предмета. Понятие «эталона», «точки отсчета» не является ни абсолютно объективным, ни абсолютно субъективным, оно имеет субъективно-объективный характер. Абсолютная субъективность «точки отсчета»

невозможна хотя бы потому, что тогда значение употребляемого говорящим прилагательного было бы непонятно собеседнику, так как у каждого из них была бы своя «точка отсчета». Человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает отклонения от нормы, от эталона. Всем ненормативным, редким и необычным явлениям обеспечен прямой выход в лексику. Словарный состав языка едва ли не в большей мере отражает патологию, чем норму. Фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств весьма эффективно служит целям идентификации объектов, их выделению из классов им подобных.

В русском и английском языках несамостоятельность признака, его жесткая принадлежность к объекту в случаях востребованности находит репрезентацию в особом типе номинаций – атрибутивно-субстантивных сочетаниях типа «прилагательное + существительное». Семантическая структура отмеченных прилагательных изучается поэтому посредством анализа их лексической сочетаемости. В результате выявляются предметные и непредметные зоны приложения каждого типа перцептивного признака, маркируемые именами существительными, с которыми означенные атрибутивные лексемы сочетаются.

Варьирование сем в семантическом содержании перцептивных прилагательных, инспирируемое определенными компонентами семантической конфигурации именной лексемы, позволяет не только проследить развитие семантики последних и сделать выводы по поводу их номинативного потенциала, но и определить типы создаваемых при их участии сочетаний. Для анализа последних необходим учёт концептуальных сведений, которыми располагает носитель языка об окружающей человека действительности, об эмпирике взаимодействия с окружающим миром, соотношении мировоззрения индивида с национально-культурными, коммуникативными, психологическими и прочими факторами.

Нетривиальная сочетаемость русских и английских осязательных прилагательных ОСТРЫЙ, РЕЗКИЙ/SHARP, KEEN, ACUTE

Анализируя сочетательные потенции русских и английских осязательных прилагательных *ОСТРЫЙ, РЕЗКИЙ/ SHARP, KEEN, ACUTE*, представляется значимым обратить внимание прежде всего на факторы, обуславливающие появление синтаксических образований, основанных на нетривиальной сочетаемости изучаемых единиц. Анализ регистрируемых в корпусе сочетательных потенций названных единиц, приводит к мысли отметить влияние прежде всего на особенности сочетания с двух сфер: сфере прямых значений и в сфере переносных значений.

Факторы сочетаемости осязательных прилагательных: сфера прямых значений

Лексическими репрезентантами осязательных признаков «острый», «тупой» являются в английском языке прилагательные *sharp*, *keen*, *acute*, в русском – *острый*, *резкий*.

Для определения факторов, условий и механизмов нетривиальной сочетаемости таких лексических единиц (далее ЛЕ) логично сначала представить 1) их концептуальную сущность и 2) те ситуации приложения признаков «острый», «тупой» к объекту, в которых их лексические репрезентанты участвуют в создании тривиальных сочетаний, т.е. таких, которые демонстрируют логико-семантическое согласование между единицами, входящими в состав словосочетания. Полученные сведения в результате решения поставленных задач будут служить индикатором для определения факторов, условий и механизмов нетривиальной сочетаемости анализируемых прилагательных.

Отправной точкой исследования является определение прямого значения русского *острый* и английского *sharp* – «такой, который имеет сходящийся на нет край или конец: острый, заостренный, отточенный, остроконечный» [Collins Online Dictionary 2007]. Исходя из этого, правомерно утверждать, что данные прилагательные выступают классификаторами тех имен существительных, в семантику которых входит предикат «острый на ощупь». Реализация же такими ЛЕ своего прямого значения уже в мини-контекстах (сочетаниях) демонстрирует ряд ситуаций, в которых наблюдаются как разрешение на сочетаемость с последующим созданием нормативных комплексов, так и запреты на неё. Это зависит от типа определяемого существительного, номинирующего либо прототипический либо непрототипический объект, и от следующих когнитивных факторов их концептуализации:

- функционального (степень заточенности инструмента: хорошо режет, колет, прокалывает);
- экспериментального/тактильного (при взаимодействии с острым предметом можно порезаться);
- зрительного восприятия (острый по форме).

Учет данных факторов в денотативной сфере *острого/sharp*, т.е. в сфере их прямых значений, проявляется в сочетании с именами избирательных типов объектов.

Так, **фактор функциональности** актуален в ситуациях (1), (2) приложения признака «острый» к следующим типам объектов:

- (1) режущие объекты или объекты, обладающие острым режущим краем (*sharp scissors* острые ножницы, *sharp knife* острый нож,

sharp plastic credit card острая пластиковая кредитная карта, *sharp blade* острое лезвие, *sharp axe* острый топор и др.):

инструменты

Освежающий душ, острая бритва и какая-нибудь еда не помешала бы ему сразу после приезда в загородное поместье.

Always use a sharp knife, and always cut away from hand holding the file to avoid accidents (всегда пользуйся острым ножом).

А я – сильный, у меня острый топор.

He will chunk the log with a sharp axe for firewood (острый топор).

объекты-инструменты, способные срезать поверхность:

sharp peeler острая овощечистка, *sharp shave kit* острый набор для бритья

A sharp vegetable peeler is important for preventing slips and drops (острая овощерезка).

виды оружия

Головная лошадь заржало, понятилась – прямо перед ее мордой неожиданно выросла острая пика.

Удар меча пришелся по плечу, скользком, но зверь рухнул, словно острая сталь, вонзилась ему в сердце.

The film's sharp sword has many edges, all of them razor sharp (сценический острый меч имеет много краев, которые остры как бритва) – зачастую функциональная острота объекта подчеркивается составным атрибутом *razor sharp*.

Not to mention a sharp dagger in case of attack (не говоря уже об остром кинжале).

(2) колющие/прокалывающие объекты (*sharp bone* острая кость, *sharp teeth* острые зубы, *sharp screwdriver* острая отвертка, *sharp needles* острые иглы и др.):

роговые образования на голове и конечностях человека/животных, костное образование в пасти животных

Вот, – острый черный ноготь прочертил по моей ладони полоску, – линия интеллекта.

Прежде чем скрыться за скалой она распахнула длинный острый крючковатый клюв и повторила тот клич, который они недавно слышали.

The dog bared his long sharp teeth, and raised one enormous paw to strike (собака оголила свои длинные острые зубы).

Sharp small claws flexed (Маленькие острые когти загнулись).

Some of the predators developing razor sharp rows of fangs (некоторые из хищников развивают острые как лезвие клыки).

It flicked each in turn, making the plump moons bounce as she flinched from each sharp little sting (маленькое острое жало).

They have quite sharp thorns on the back of the leaves (у них довольно острые шипы под листьями).

There was a lot of sharp broken bones on an artery (острые раздробленные кости).

...now used as the hotel's back entrance – and studded them with hundreds of sharp metal spikes in order to fend off elephant incursions (острые металлические пики).

Экспериментальный или тактильный фактор актуален (потенциально) не только в ситуациях (1), (2), но и (актуально) в возможности приложения признака «острый» к следующим типам объектов, которые не обладают пользовательской функцией, но способны при контакте человека с ними нанести вред, причинить боль: человек приходит в соприкосновение с ними и реагирует на них, выступая в данном случае не только в роли воспринимающего посредством осязания лица, но и **экспериментера**, выносящего оценку и реагирующего на взаимодействие (ситуация 3):

(3) любой предмет, имеющий острый режущий край/острый конец

Любая острая конструкция могла разорвать оболочку скафандра и убить нас.

Острое стекло разрезало ему кожу.

Но ни одна острая ветвь не проткнула его, ни одна лоза не задушила.

Coral gravel can also cause this, as it is sharp (коралловый камень также может быть причиной пореза, так как он острый).

The thumb and forefinger of his left clutched a sharp pebble (сжали острый гольш).

Фактор зрительного восприятия распространяется на другие классы существительных, с которыми сочетаются данные признаковые слова и которые уподобляются инструментам по форме и/или по функции (ситуация 4). *Острый шпиль*, например, дает в проекции острый угол и напоминает по форме иглу, и действовать он будет в предполагаемом функциональном контексте подобно ей – прокалывать (скажем, небо). Характеристика *острый* для *шпиля* и подобных объектов является объективной – воспринимается зрительно, т.е. опосредованно, и не подлежит оценке. Реализуемое при этом значение *острый/sharp* «суживающийся, вытянутый к концу, остроконечный, островерхий» возможно в сочетаниях с существительными, называющими:

(4) части лица и тела человека

Поток постепенно редел, берег очистился, и скоро последняя острая мордочка исчезла под водой.

Его острый длинный носик потешно дергался; как у испуганного ежика.

При виде Рено маркиз удивленно вскинул голову, брови его полезли вверх, а острая бородка уставилась в потолок.

Острая линия плеч этого существа была ему слишком знакома.

Хвост заканчивался веерным пучком, а между острых ушей, по шее и вокруг плеч лежала острая грива более светлого оттенка.

Her face was large and round and slightly concave, with a long sharp nose (с длинным острым носом).

His eyes were like two black holes in his sharp face (его глаза были как две черные ямы на его остром лице).

The man clutched the boy with sharp, bony fingers (человек схватил мальчика острыми, костистыми пальцами).

(5) возвышенности:

Но что они могут поделать, если нам попадается топляк или острая скала под водой?

Океан громко шумел, и из тумана вынырнул гранитный пик – острый как игла, отполированный ветрами и водой.

Все чаще из густых вершин деревьев высовывался невысокий утес или острая скала.

Под ними виднелась острая башня «Джордано».

The sharp poke of Win Hill looks like the prow of a great shih when seen from Ribblesdale (острый выступ Вин Хилла).

Our first sight of the island was a sharp mountain peak jutting through the low cloud which unfortunately spoiled our view (острая вершина горы).

It was a mountain with a sharp slope. (Это была гора с крутым склоном)

Помимо этого, в русском языке один из аспектов признака «острый» – четко обрисованный, очерченный, с отчетливо видимыми краями, границами, который активизируется лишь при зрительном восприятии материальных объектов, маркируется другим прилагательным – *резкий*. Прямое значение данного прилагательного реализуется лишь в ситуации зрительного восприятия при описании форм, линий наблюдаемых объектов, лица человека и др. (*резкое загорелое лицо, резкая морщина, резкий обрыв, резкие тени, резкие очертания, резкие отметины на спине, резкие линии, резкие формы*). В английском же языке оно реализуется лексемам *sharp* и *acute*:

The sky was dark, with only the outlines of dockside warehouses standing sharp on the skyline (линии причальных сараев, резко выделяющихся на небе).

The reverse process often takes place in the evening, and the mountains became clear and sharp again. (горы опять стали ясно и четко видны).

We ate well and watched yet another super sunset, a pastime any northern traveler will soon develop, the acute angle of the sun giving hours of once off enjoyment (острый луч солнца).

Английские *keen*, *acute* как синонимы *sharp* репрезентируют в своих прямых значениях отдельные аспекты физического признака «острый»: *keen* – «имеющий острый режущий край», *acute* – «имеющий заостренный конец/кончик». Данные лексемы в таких своих значениях используются редко, так как рассматриваются представителями англоязычной лингвокультуры как книжные, поэтому неудивительно, что в денотативную сферу их действия попадают избирательные объекты, в основном лишь виды оружия, сочетания с именами которых звучат более естественно, чем с именами бытовых инструментов (нож, ножницы, иголка): *He held a very keen sword* (очень острый меч); *Cupid hit me with an acute arrow* (острая стрела). В силу этого, как представляется, звучит неграмотно, а потому ненормативно **a keen edge of a table*, **a keen ridge of a mountain*, **an acute knife*.

В результате отметим, что представленные выше сочетания *острый*, *резкий/sharp*, *keen*, *acute*, с одной стороны, при реализации своих прямых значений имеют нормативный характер, так как их лексические компоненты в совокупности демонстрируют логико-семантическое согласование. Однако, с другой стороны, они накладывают ограничения на сочетаемость с именами объектов за пределами отмеченных выше групп, не отвечающих требованиям функциональности, экспериенциальности, зрительного восприятия, ср.: *a sharp sword*, но **sharp armament*; *острая ветка*, но **острое дерево*; *острый палец*, но **острая нога*; *a sharp mountain peak*, но **a sharp mountain*, *резкая линия*, но **резкая дорога* и др.

Сам факт таких ограничений в денотативной сфере действия уже проясняет суть нетривиальной сочетаемости анализируемых признаковых лексем в обоих языках. Она проявляется в избирательности ограниченного круга объектов характерологизации по признаку «острый».

Факторы сочетаемости осязательных прилагательных: сфера переносных значений

Анализируемые прилагательные при описании непрототипических объектов, т.е. таких, которым отнологически не свойственен признак «острый», образуют сочетания нетривиального характера с результирующим эффектом реализации переносных значений. Такие сочетания допустимы, так как соответствующий сдвиг значения осязательного прилагательного в каждом отдельном случае можно классифицировать как связанный либо с уже осмысленной носителями языков ситуацией режущих, либо колющих предметов, другими словами, когда абстрактная или конкретная сущность может быть уподоблена либо режущему, либо колющему предмету/инструменту сообразно представленным выше когнитивным факторам – либо функциональному, либо экспериенциальному, либо посредством зрительного восприятия. Базовым для этой сферы является различие между колющими и режущими инструментами, а каждое из трех оснований переноса связано с **определенной оценкой ситуации**.

Так, **взгляд со стороны пользователя** притягивает положительные коннотации на том основании, что, если инструмент острый, им удобно пользоваться. **Взгляд со стороны экспериенцера**, напротив, прочно связан с отрицательной оценкой: острым инструментом можно порезаться. Переносы же на основе зрительного восприятия оцениваются, как правило, нейтрально, так как не предполагают прямого контакта с человеком.

Непрототипические объекты, в сочетании с именами которых анализируемые прилагательные создают, так сказать, нетривиальные сочетания, относятся в целом к тематическим областям реалий интеллектуальной, перцептивной, эмоциональной, физиологической природы. Однако внутри каждой области данные лексемы зачастую проявляют синтагматическую избирательность в плане репрезентации смыслов таких сочетаний, которые характеризуются актуализацией сем уточняющего, конкретизирующего характера номинируемого признака. Проиллюстрируем такое положение дел.

Переносы на основе функционального фактора

Система переносных значений лексем *острый*, *резкий/sharp*, *keen*, *acute* очень богата, причем они связаны как с ситуацией режущих, так и с ситуацией колющих/прокалывающих предметов. Переносы, мотивированные функциональным фактором, основаны на том, что некоторые сущности уподобляются острому инструменту, который хорошо функ-

ционирует и которым человеку удобно пользоваться (см. выше ситуацию (1)). Такими метафорическими инструментами являются:

ум, память, зрение, слух, нюх, реализующее в сочетаниях с *острый/sharp* значение «хорошо функционирующий» по модели «физическое свойство предмета – нефизическое свойство абстрактного объекта»:

В них был острый насмешливый ум.

Хотел бы я иметь такое острое зрение и такую память.

Сэвидж рассматривал огневые точки противника – его острое зрение обнаружило местонахождение каждой из них.

Присущий ему острый слух не помогал, ибо уши заложило от грохота.

You've got to have a sharp brain to work out the tactics and you've got to have a very good technique so it's a demanding sport (у тебя должны быть хорошие мозги).

General Manager, provided a sharp mind and clarity of thought invaluable both when we discussed our assumptions about values and in the final drafting stages (обладающий острым умом и ясностью мысли).

McCullough had good ears and a sharp vision for aesthetic quality (хорошее видение эстетического качества).

Сочетаясь, однако, с именами профессий, связанных в первую очередь с денежными операциями, лексема *sharp* реализует отрицательно коннотированное значение «хитрый, ловкий, тот, который может обмануть» (что не свойственно его синонимам *keen, acute*). Отрицательная оценка возникает из-за появления в сочетаемостных комплексах имен людей особого класса – продавцов, бизнесменов, менеджеров, которые стереотипно ассоциируются с незаконными действиями/делами, с нарушением закона, а потому влекут за собой негативные коннотации. Акцент в этом употреблении переносится с пользовательской зоны на экспериенциальную: если просто «хорошо функционирующий ум» – это ум, которым человеку «удобно пользоваться», то хорошо функционирующий ум продавца – это ум, который «может нанести вред экспериенцеру»:

The exception to this sharp dealing is the word honour (оправданием этой недобросовестной деятельности служит слово честь).

He was a sharp trader (ловкий торговец).

Keen в свою очередь, положительно оценивая качество ума, интеллекта, дарования человека, позиционирует его как развитого, проницательного, сообразительного в сочетаниях со словами *mind, intellect, brain*:

Reas admits that it was sad to see a keen student being teased by his less keen classmates (сообразительный студент подвергается издевкам).

Her striking good looks, keen intellect and attractive personality did not go unnoticed (острый ум и приятная личность).

As a team manager, Mr Chapman has been strikingly successful, and he unites with his keen business abilities a winning personality that makes him very popular (развитые деловые качества)

A keen and powerful debater, he was not amused at the dreariness of the Executive's meetings, the small talk and administration (never his strong point) (одаренный и властный оратор).

Попадающие в зону семантического действия этой лексемы перцептивные способности человека оцениваются как «развитые, тонкие», но только о слухе, зрении:

The Doctor too was rapt, his keen eyes studying every detail of the scene (его острые глаза изучали каждую деталь сцены).

His keen ears didn't deceive him, it was a shoot (его не обманул острый слух, это был выстрел).

Нетривиальность сочетаемости *keen* проявляется и в избрании объектов характерологизации для репрезентации значения «страстный, пылкий, увлеченный» (о спортсмене, представителе любой профессии, любителе):

I'm a keen gardener, and someone told me that Pat Weaver's patch wasn't being used (я увлеченный садовод).

A keen supporter of colonial projects, Erle served as governor of the Dorchester New England Company (яростный сторонник колониальных проектов).

Keen skiers are taken through the turning techniques, slalom and bumps (увлеченные лыжники).

Originally from Plymouth, she was a very keen squash and tennis player before suffering a knee injury at skiing (был очень увлеченным игроком тенниса и сквош).

Howard is a keen walker, spending much of his spare time climbing in the hills and tramping through mud and running streams (Говард увлеченный турист).

В данном значении, метонимически расширяясь на имена людей, *keen* не актуализирует отрицательной оценки, которой обладает *sharp* в аналогичных синтагматических условиях.

Английская лексема *acute*, как отмечалось выше, в своем прямом значении «sharp at the end; ending in a point» обнаруживает слабую степень востребованности, так как обозначение этим прилагательным колющих инструментов, природных объектов и предметов, острых по фор-

ме, расценивается как устаревшее или книжное. Однако в переносных значениях лексема весьма употребительна. Смысл создаваемых при этом сочетаний, объединенный общим компонентом «сильный», варьирует и конкретизируется в зависимости от типа объекта характерологизации.

Так, в сочетании с существительными, обозначающими интеллектуальные способности человека, *acute* передает смысл «сильный, хорошо функционирующий», приписывая объекту свойство исключительности, особой одаренности: *His relaxed exterior hides an extremely acute mind* (За его расслабленным внешним видом скрывается чрезвычайно острый ум) или «оказывающий сильное воздействие, пронзительный» при описании запахов, звуков: *Some people suffer from exactly the opposite, an extremely acute sense of smell, and find certain smells – and not just bad smells – quite disturbing* (Некоторые люди страдают от противоположенного недуга – слишком острого обоняния, из-за чего некоторые запахи, и не только неприятные, оказывают на них раздражающее воздействие), или «сильный, пронзительный» при описании боли.

При оценке ума *sharp* подчеркивает его остроту, сообразительность, находчивость человека: *a sharp child/kid* смывленный/находчивый ребенок (*He's a pretty sharp kid, very diligent, works hard, and all of those things*), *a sharp mind* острый ум; *keen* – тонкость ума: *a keen mind, a keen observer* тонкий наблюдатель; *acute* – глубину ума, способность проникать в сущность явлений: *an acute thinker* глубокий мыслитель, *an acute mind* глубокий, пронзительный (острый) ум, *an acute well-educated person* высокообразованный, пронзительный человек, *a psychologically acute interrogator* – пронзительный следователь, *acute understanding* глубокое (острое) понимание, *acute knowledge* глубокое познание, *acute insights* острая пронзительность.

Сочетаемость предпочтения проявляются и при оценке функционирования органов чувств: *sharp* чаще употребляется по отношению к зрению и слуху: *sharp sight/hearing* острое зрение/слух; *keen* наиболее частотно по отношению к зрению и обонянию: *keen eyes* зоркие глаза; *a keen sense of smell* острое, тонкое обоняние; *acute* наиболее регулярно описывает слух, реже – зрение и обоняние: *acute hearing* острый слух; *acute eyesight* редк. острое зрение; *acute sense of smell* редко тонкое обоняние.

Острым, как колющий предмет/инструмент (ситуация 2), может также быть:

человек и метонимически его *взгляд, слова, язык, тон речи*.

В таком случае возможно два типа интерпретации: человек с острым умом является либо глубоко мыслящим (вспомним, что основное представление, связанное с острым колющим/прокалывающим предме-

том/инструментом и проявляющееся во всех метафорах – то, что он глубоко проникает), тогда его слова глубокие, а взгляд видит суть; либо он остроумный (попадает в точку, верно подмечает), тогда и его слова находчивые, меткие, либо ироничные, язвительные:

Его настроение не укрылось от острого взгляда старухи Спасовой.

Моя дорогая, у тебя хорошая голова и острый язычок.

Умный и острый на язык, Гембл был приятным собеседником.

Обычно быстрый на острый ответ, сейчас не находил нужных слов.

Her sharp eyes scanned the countryside below and in spite of the sun, she felt a shiver, though not unpleasant, of apprehension (ее острые глаза осмотрели долину внизу).

Restored to normal confidence she gave Helen a sharp look (она резко посмотрела).

The question was sharp, the eyes keen (вопрос был резким, глаза острыми)

Some sharp words were exchanged (обменялись несколькими едкими словами).

More states her case combining wit and sharp, almost black, humour in attempting to ridicule male vanity in marital union (резкий, почти черный юмор).

Now look here, Barbara; said Joseph in a rather sharp tone (сказал Джозеф довольно резким тоном).

Sharp and funny dialogue, delivered with gusto and a grab bag of regional British accents

Roberts has since proven a sharp and articular pundit who tells it as it is, without fear or favour» (язвительный пронизательный ученый).

Русское *резкий* – синоним лексемы *острый*, сочетаясь с именами людей, а также (посредством метонимических переносов) их речевой и перцептивной деятельности, реализует переносное значение «грубый, дерзкий, лишенный мягкости и учтивости»: *резкие слова, резкое замечание, резкое определение, резкий ответ, резкие шутки, резкие нотки в голосе, резкие и прямые вопросы, резкий спор, резкий отказ, резкий протест, резкий приказ, резкие команды: Когда резкие слова произносятся громко, это значит, что их говорят сгоряча.*

Некоторые способности человека также уподобляются острому инструменту, которым удобно пользоваться, когда его конец хорошо заточен (ситуация 2). Такими являются:

свет, слух, запах, вкус.

Переносы на хорошо функционирующие органы чувств, весьма распространенные в данной области, связаны именно с колющим ин-

струментом. Характеризуемые лексемами *острый, резкий, sharp*, они будто режут и даже пронзают глаза, уши, язык, нос, осуществляя неприятное, сильно раздражающее, интенсивное воздействие, что проявляется в реализации коннотативного значения «сильно действующий на органы чувств» по модели «физическое свойство предмета – физическое свойства света/вкуса/запаха/звука» в сочетаниях с именами следующих тематических групп:

- зрительные феномены

Над откосом, источая неприятно резкое голубое свечение, мерно вращал Колесо Времени бородастый Кронос.

The sharp bright sunshine accompanied by cold winds and interspersed with long periods of heavy rain (резкий яркий солнечный свет).

- звуковые феномены

Острый такой крик – до самой печенки проникающий.

Надо мною конская морда, пальцы впились в узду, острый свист у самого уха и движение воздуха на лице.

Неожиданно из кустов, где исчез зверек, послышалось резкое шипение, похожее на звук взлетающего фейерверочного огня.

Оглушающие разрывы захлопали от стены к стене на кухне, резкое эхо за эхом.

Тут раздался чей-то резкий высокий голос: мне предлагали пройти и присесть.

Her voice was a sharp, high squeak (ее голос был резким, высоким писком).

He was dipping his heavy aching head into a basin of cold water when he heard the sharp knock at the door (когда он слышал резкий стук в дверь).

He heard the sharp horn blast before he saw that the road ahead of him was clear (он слышал резкий звук горна).

- обонятельные феномены

Резкий запах влажной извести контрастировал с тяжелыми испарениями растительности.

Коскинен ощутил острый запах своего нота.

I suggest that it is the fox because we're told it has a sudden sharp hot stink (резкий дух лисы).

Sharp smell of the undergrowth (резкий запах молодых деревьев).

- вкусовые феномены

При оценке вкуса продуктов, блюд возможна реализация лексемами *острый, резкий/sharp* двух аксиологических противоположных значений, так как в ситуации дегустации продуктов субъект выступает в роли не только воспринимающего лица, но и экспериенцера, способ-

ного контролировать процесс взаимодействия с объектом и его оценку сообразно своим гедонистическим предпочтениям:

1) «острый, пикантный, приятный»: *sharp cheese, sharp vinegar, sharp pepper, sharp mustard*, острый сыр, острый перец, острая горчица, острый хрен, *sharp cocktails* пикантные коктейли, *sharp snacks* острые закуски, *The sharp fruity taste of this sauce balances steamed pudding perfectly* (острый фруктовый вкус), *Beef tartare covered in a hefty layer of sharp Berkswell cheese and mixed through with crispy fried sourdough crumbs was a punch-the-air moment*, «...the hottest seats in the house - while sake joins local and international wines alongside *sharp cocktails* on the drinks list»: Следуйте старому мудрому правилу, – лечить подобное подобным. Единственно, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской. (Булгаков. Собачье сердце, с. 112);

2) «острый, раздражающий, неприятный» (*Острая рыба действительно жгла его внутренности; В горле его появился резкий металлический привкус, и он чуть не задохнулся от неожиданности*).

Русское же *резкий* при репрезентации сенсорной информации передает идею ее раздражающего воздействия на экспериенцера, ср.: *Резкий пронзительный звук пронесся над поляной; Оглушающие разрывы захлопали от стены к стене на кухне, резкое эхо за эхом*.

От значения прилагательного *острый* в тех же контекстах лексема *резкий* отличается тем, что обозначает всегда не только сильный, но и очень неприятный вкус/запах/звук, что делает неестественным его появление в положительных метафорических контекстах, ср: допустимое *острый запах удачи*, но странное **резкий запах удачи*.

Переносы на основе экспериенциального фактора

Мотивированные экспериенциальным фактором, лексемы *острый, резкий/sharp* также описывают:

внешние эффекты, воздействующие на человека подобно режущему инструменту с реализацией значения «сильный, резкий, пронизывающий» (о холоде, морозе, ветре): *резкий/sharp ветер/воздух, резкое/sharp переохлаждение тела, резкое/ sharp похолодание*:

Когда он погрузил свои руки в воду, острый холод вызвал дрожь.

Холод пронзил ее пальцы; острое покалывание проникло под кожу.

The wind was unpleasant, sharp (ветер был неприятный, пронизывающий)

The air was sharp with the promise of frost and George once again felt the premonition of a bleak winter ahead (воздух был резкий с намеком на скорый мороз).

Her palms aching with the sharp chill (ее пальцы ломило от холода).

for more than ten days bitter cold, fog, rain, sharp frost, snow and not a ray of sunshine.

боль (которая воздействуют на человека подобно колющему/прокалывающему предмету) с реализацией значения «сильный, интенсивный по своему проявлению»:

Острая боль пронзила девушку, и она упала.

В одиннадцать лет у Лизы был острый приступ аппендицита.

She felt sharp pain rushing through her body (во всем теле она ощущала острую боль).

A sharp stab in the head (острая боль в голове).

В русском языке в этих же контекстах наблюдается отличие *резкого* от *острого*, которое заключается в том, что *резкая боль* является не только сильной, но и внезапной, быстрой:

Вспыхнула резкая боль в левом плече, и герцог почувствовал, как кровь пропитывает рукав.

В позвоночнике ощущались резкие боли, огненным пунктиром пронизывающие тело от головы до поясницы.

Английское *keen* репрезентирует не только острую, но и невыносимую боль:

She felt a keen pain in her chest (она почувствовала острую невыносимую боль в груди).

Лексема *acute* характеризует болезненные, мучительные физические и состояния людей, острую стадию болезней, поэтому она весьма востребована в медицинском дискурсе: *acute pain* острая (невыносимая) боль, *acute suffering* сильное (мучительное) страдание, *acute symptoms* остро выраженные симптомы, *acute mental health trauma* сильная (букв.: острая) психическая травма, *acute stress* сильный стресс, *acute allergic reaction* сильная аллергическая реакция, *acute (psychotic) episode* нервный срыв:

«...pain yesterday, leading to examinations and scans in emergency that confirmed a diagnosis of acute appendicitis," a Pakistan team statement read.

Doctors diagnosed Aiden with acute lymphoblastic leukemia (ALL) - a rare type of blood and bone marrow cancer.

She emphasized the importance of educators and workplaces being aware of people's acute stress. Simple tasks at work or holding conversations may be too burdensome.

The mental health trauma that the abducted, and the families are facing is acute and psychosocial support is of great importance.

Идея острой, мучительной боли послужила основанием для сочетаний *acute* с именами различных реалий срочной, неотложной медицинской помощи: *acute care* неотложная помощь, *acute medicine* неотложная (букв.: острая) медицина, *acute (care) hospitals* больницы неотложной помощи, *acute patients* пациент, которому требуется неотложная помощь, *acute beds* больничная койка/койка для пациентов, требующих неотложную помощь *acute facilities* оборудование для оказания неотложной помощи:

This will be entirely clinically appropriate because the NHS will triage those to retain in acute settings who can benefit from that sector's care.

State governments share the cost of running hospital services such as emergency departments, acute patients and admitted mental health services.

Релевантным параметром для *sharp, acute* в ситуации с болью является **интенсивность проявления**. *Sharp, acute* при этом обозначают высокую степень силы ощущения или переживания человека, причем *sharp* указывает на интенсивность и кратковременность обозначаемого состояния, а *acute* – на его глубину и длительность: *sharp pain* острая боль, *an acute pain* тяжелая, мучительная боль, а *sharp sensation* острое любопытство, *an acute jealousy* мучительная ревность. Помимо этого, в сочетании с существительными, называющими болезнь или заболевание (*acute fever* сильный жар, *acute inflammation* острое воспаление, *acute appendicitis* острый аппендицит) *acute* описывает такую острую ситуацию, которая весьма серьезна и опасна для жизни человека, и которая требует безотлагательных мер. При этом болезнь, описываемая лексемой *acute*, как правило, острая, достигла кризиса, т.е. находится на пике, переломном моменте своего развития

эмоции, эмоциональные состояния, душевные переживания

С болью связан переход на метафорическое значение «сильный, интенсивный», которое *острый/keen, acute* развивают, сочетаясь с именами эмоций (*острая ревность/злота/ненависть*), взаимодействий (*острое столкновение/спор/схватка*). Данное значение связано с ребрендингом – переходом, основанном на импликации: *острая боль*, будучи метафорически связанной с острым колющим предметом, влечет за собой идею сильного воздействия с последующим переживанием сильных эмоций, как правило, негативных:

Он опустил на корточки возле гравия, ощутив, как по телу прошла судорога – острый трепет предвещая надвигающейся истерию.

И вдруг острая тоска обожгла его сердце.

Острая жалость к себе пронзила Персткова, и он замолчал.

Острое чувство близкой опасности захлестнула Мирона, и он больше не расслаблялся.

В десятке локтей от цели острое чувство страха заставило его затаиться, вжаться в землю.

Он почувствовал обиду и острый приступ зависти.

A sharp stab of disappointment (острый укол разочарования).

Сочетания с *keen* преимущественно описывают **отрицательные эмоции**, более высокой степени интенсивности, чем *sharp*, и взаимодействия, сопряженные с напряженностью (*keen annoyance*, (*keen annoyance* острое (сильное) раздражение, *keen rivalry* сильная ревность, *keen competition* напряженная (букв. острая) конкуренция и др.):

To her present grief was added a keen grief for him when she had first heard that he was dead (страшная печаль по нему).

My name would be kept out of the proceedings, since I had then, and retain, a keen dislike for gratuitous publicity (острая неприязнь к бесплатной рекламе).

He believes Just A Minute's increasingly keen rivalry has made the show "more fun".

A keen battle is also expected in the 400-metre hurdles as Kingston College's Antonio Forbe.

He pointed out that the rentals are high and there is keen competition for space particularly for strategically located premises.

С другой стороны, *keen* указывает не только на интенсивность переживания, но и на проявление сильной заинтересованности, которая сопровождает эмоциональные состояния: *keen interest* острый (сильный) интерес, *keen love* острая (сильная) любовь, *keen passion* сильная страсть, *keen desire* сильное желание:

Probably if I didn't have such a keen desire to communicate science in an intriguing way, and try to have art enfolded.

I've watched these shows with keen interest completing «Black TV», a book I've written.

Acute, в свою очередь, также традиционно описывает негативные эмоции или эмоциональные состояния человека, но акцентирует их пронзающий характер, подобно остро заточенному инструменту, проникающему в человека: *acute fear* пронзительный (букв. острый) страх, *acute dread* пронзительный (букв. острый) страх, *acute embarrassment* крайнее сильное смущение, *acute anger* сильная злость, *acute (feelings of) shame* сильное чувство стыда, *acute grief* сильное горе (несчастье):

He remembers the acute dread of the middle part of those roughly 27 years.

The public mood against Optus remains one of acute anger and a source, close to Optus not authorised to speak publicly.

Embarrassment more acute than anything she'd ever known before rooted her to the spot as the sound of laughter and applause rang out all around her (самое сильное смущение, какое она когда либо испытывала).

Nicholas Blake, the poet C. Day Levis, once told me with remembered acute dismay how that happened to him (с сильным ужасом как это могло случиться с ним).

Наконец, в сочетании с именами эмоций, чувств, ощущений, которые требуют удовлетворения, *keen* приобретает значение 'интенсивный, сильный, глубокий': в отличие от *sharp*, *keen* в этом контексте тяготеет к описыванию эмоций, (интерес, любопытство, желание).

Later in marriage a particularly keen sense of commitment may be felt towards aged or ailing parents (острое чувство обязательства).

But with a keen instinct (what illness was) that all the money in the world was no use if you were sick (но с острым инстинктом).

To her present grief was added a keen grief for him when she had first heard that he was dead (страшная печаль по нем).

My name would be kept out of the proceedings, since I had then, and retain, a keen dislike for gratuitous publicity (острая неприязнь к бесплатной рекламе).

Релевантным параметром для анализируемых атрибутивных лексем в данных ситуациях является «интенсивность проявления» (отсюда – невозможность их сочетаемости с именами событий, семантика которых связана не с течением ситуации, а с ее конечным результатом: ср. **a sharp victory*, **a sharp robbery*).

Последний перенос, покрываемый только лексемой *sharp*, – «модный, стильный», который возникает в контексте названий одежды и, метонимически, слова *модник*: Employees in their sharp plastic business suits and laced necklines moved busily from one station to another (в своих модных искусственных костюмах). Bruno needs to look sharp (Бруно должен выглядеть модно).

Фактор зрительного восприятия

На основе зрительной ассоциации линий и границ, проводимых острым режущим инструментом, с определенными конкретными и абстрактными объектами *резкий* и *sharp* (но не *острый*, *keen*, *acute*) развивают три типа метафор: с идеями четкости, высокой скорости и резкости, внезапности. В результате отмеченные лексемы образуют нетривиальные сочетания с именами избранных объектов с последующей реализацией следующих значений:

«сильно и отчетливо проявляющийся» (*резкий контраст*, *резкая разница*, *резкое отличие*)

leaving a sharp distinction between the bourgeoisie, who control wealth and the proletariat who produce it (оставляет резкое отличие между буржуазией).

It was not so long a walk, though it led her back in twenty minutes through a year and a half of her life, and was quick with memories both sharp and sweet (быстрые воспоминания, одинаково сочетливые и сладкие).

«быстрый, резкий» (о действиях, движениях: *поворот, взмах, вздох, жест* и др.; о процессах: *резкое падение скорости, резкое изменение ситуации, резкое сокращение подачи радиосигналов, резкий прорыв газа, резкое изменение климата, резкие перепады давления, резкая смена обстановки* и др.):

Он уносился все выше, затем ощутил резкое падение.

Очень осторожно боясь сделать резкое движение, Лейн стал успокаивать ее.

Резкое движение и шпаги скрестились, нарушив тишину лязгом разгневанной стали.

В тот же миг резкий удар заставил ее разжать руки.

Резкое напряжение перекосило лицо Троя, как если бы он прилагал усилия чтобы видеть.

Резкое дыхание отдавалось в наушниках.

Ее разбудил резкий толчок, заставивший вздрогнуть.

After a sharp, deep draught on the inhaler I was horrified to experience a disagreeable sensation somewhere in the center of my chest (после резкого, глубокого вдоха).

Gently at first, and then with one sharp movement she opened the door (и потом одним резким движением).

Ari watched with interest the sharp glance that Roirbak directed at her (быстрый взгляд).

They turned into a sharp band, and the grotesque crater was no longer visible in the rear view mirror (они повернули на резком повороте).

Turn left any minute now and then sharp right and straight under a low lying archway (затем резко направо).

«внезапный, значительный» – в сочетаниях с существительными, обозначающими качественные или количественные изменения:

Yesterday's sharp rise in Saatchi's shares, up 40p to 340p in a falling market, was spurred by a flood of rumours (вчерашнее **резкое** повышение акций Саачи).

A decision to let ICI's bioscience businesses demerge would mark a sharp break with a tradition (будет означать **резкий** разрыв с традициями).

The Socialists suffered a sharp drop in votes and seats (социалисты страдают от нехватки голосов и мандатских мест).

Because inflation at the time was about 16%, this inevitably meant a sharp cut in the workforce (**резкое** сокращение рабочей силы).

ТУПОЙ/DULL, BLUNT

Осязательный признак «тупой» оппозитивен признаку «острый», что может предположить симметрию значений, реализуемых их лексическими репрезентантами. Однако круг объектов, которые концептуализируются по признаку «тупой» по сравнению с «острым», как показывает исследование, ограничен и не всегда коррелирует с «острыми» ситуациями.

Объяснением тому служат следующие наблюдения. Если *острый* сообразно функциональному фактору в прямом значении описывает инструменты, которые хорошо режут/колят, то *тупой* характеризует инструменты, которые затупились и потому перестали хорошо функционировать. В результате *тупыми* могут быть режущие и колющие инструменты, которые после длительного использования затупились и перестали хорошо выполнять свою функцию. Такая информация представлена в прямых значениях анализируемых ЛЕ – русского *тупой* и английских *dull, blunt*: «недостаточно отточенный, плохо режущий или колющий, или расположенный противоположно режущему краю, заостренному концу». По этой причине в круг семантического действия лексических репрезентантов признака «тупой» **с точки зрения функциональности** не входят растительные и другие объекты с иголками, шипами, колючками и т.д., которые никто не мог затупить. Это находит подтверждение в сочетаемости прилагательных обоих языков с идеей «тупой» в денотативной сфере их значений.

Так, в сочетании с именами инструментов (*нож, ножницы, razor blades* бритвенные лезвия, *shears* ножницы (садовые, для стрижки овец): *screwdriver* отвертка, *pencil* карандаш и др.) и видов оружия (кинжал, стрела и др.) русское *тупой* и английское *blunt* реализуют значение «недостаточно отточенный, такой, которым трудно резать, колоть, пилить и т.п.»:

Но хриплый смех Клина терзал его, врезаясь в мозг, словно тупой бурав.

Будто тупая игла вонзилась в мое сердце, и оно болезненно заныло.

ДЗЮТТЭ – Япония, тупой гранитный кинжал с односторонней изогнутой гардой.

Часовой открыл было рот, чтобы заорать, но тот резко захлопнулся, когда поднятый тупой конец копья треснул его по челюсти.

Bring blunt secateurs and shears back to life using kitchen wire wool scouring (тупые секаторы и большие ножницы).

Many kirpans are blunt and worn stitched inside a sheath under a person's cloths (форма ножа сикхов, церемониальное оружие).

Прилагательное *dull* в прямом значении описывает только режущие инструменты с тонким краем (*dull blade* тупое лезвие, *dull scissors* тупые ножницы) и очень редко – колющие (в американском варианте английского языка – *dull needles*):

In the kitchen needs a good knife sharpener in their life, because dull knives only bring frustration and sliced fingers.

Use a razor that is sharp. If the blade is dull, it can increase the chance of irritation.

Needles get dull with repeated use.

Экспериментальный или тактильный фактор также актуален только для *blunt* в нормативных, тривиальных сочетаниях с именами онтологически тупых предметов в ситуациях криминальной тематики, описывающих нанесение средних или тяжких телесных повреждений (*blunt sledgehammer* увесистая (букв.: тупая) кувалда, *blunt baton* увесистая (букв.: тупая) дубинка, *blunt hammer* тупой молоток):

...and a stab wound in his ribs. Francesca also died from "multiple blunt force blows to her head, consistent with the use of the sledgehammer" (кувалда; мед. травма от удара тупым предметом (hieronymus)).

A man who murdered another by stabbing him in the head with a blunt screwdriver in a churchyard will serve at least 25 years in prison (тупая отвертка).

cheerfully congratulating themselves as they hacked off a Thai worker's head off with a blunt shovel (тупая лопата).

Эффект нанесения ущерба свойственен и русскому *тупой*:

Достиг ворот, трижды ударил тупым концом посоха в круг Путника, чернеющий в центре правой створки.

Фактор зрительного восприятия распространяется на классы существительных, с которыми сочетаются *тупой* и только английское *blunt* и которые уподобляются инструментам лишь по форме:

Голова у нее была непропорционально велика, кругла, с тупой черной мордочкой, аккуратными маленькими ушками.

Тупые иссеченные пальцы Ингольда играли кристаллом на подоконнике.

Когда пожарные прибыли, дом уже превратился в тупой конус огня.

Перед ней были привязаны несколько лодок, самых обычных с острым носом и тупой кормой.

They had to break away encrusted ice from the beast's muzzles and try to rub warmth into them in the lee of a blunt hill (с подветренной стороны скошенного холма).

The blunt aspect of the design made it user-friendly and approachable (сглаженные формы дизайна).

The blunt edges of the furniture were perfect for our toddler (закругленные края мебели).

Заметим, однако, что полной симметрии в употреблении *острый/тупой* и их английских аналогов не наблюдается: семантический контекст *острого* значительно шире. Так, описывая функцию предмета, мы можем назвать острыми *бивни, клешни, скалу*, но не **тупые бивни, *тупые клешни* и **тупая скала*, которые звучат несколько странно. Еще ярче это различие видно при описании формы. Например, возможна *тупая мордочка*, но не **тупой локоть; тупой носок ботинка*, но не **тупая шляпа, *тупые выступы камней, *тупая скала*. Такая ограниченность употреблений прилагательных *тупой* и его английских эквивалентов по отношению к лексемам *острый/sharp* показывает их вторичный характер, т.е. номинации признака «*тупой*» возникают как противопоставления к лексическим репрезентантам «*острого*».

Отмеченные факторы синтагматической избирательности анализируемых ЛЕ в денотативной сфере в определенной степени определяют и сферу их действия в коннотативной. Так,

✓ при описании звука, звучаний *тупой, dull* реализуют переносное значение «глухой, не резкий, не звонкий, давящий», не свойственный «острым» ЛЕ:

И тупой колесный перестук постепенно растаял – укатившись в июльское марево, за горизонт.

Звенели, сталкиваясь, мечи, щиты тупым звоном отзывались на удары, эти звуки были мне уже привычны.

В Царьграде все же тоньше, поют лучше, а здесь какое-то бормотание вперемишку с тупым ревом.

Глухой стук копыт отзывался глухим эхом от толстых каменных стен, тупой звук казался сверхъестественно громким в мертвой тишине.

But he could hear nothing except a dull roaring in his ears (но он ничего не слышал кроме тупого шума в ушах).

From inside the shed came a dull rolling thudding noise (из сарая доносился тупой звук чего-то падающего).

при описании цвета, света – «мутный, тусклый, неяркий, глухой»:

Indeed, my father's face had gone a dull reddish colour, like no colour I had seen on a living being (лицо моего отца стало бледно розового цвета).

They look like dull pieces of glass, with milky opaque surface (они выглядели как тусклые кусочки стекла).

His presence in the pitch darkness was marked only by the dull glow of a cigarette (тусклым отблеском сигареты).

The fire had died down to a dull glow and Patrick was just beginning to doze off when there was a soft knock on the door (огонь потух до тусклого свечения).

о погоде: «неясный, пасмурный»

However, if you choose the right varieties, they will also brighten up your garden in a cool, dull summer (они также украсят ваш сад прохладным, пасмурным летом).

A dull, cold, rainy day does not literally mean 'sadness' – it is possible to be happy on such a day (пасмурный, холодный, дождливый день).

The sky was dull, with a foreboding of rain (небо было пасмурным предвещающим дождь).

By next week there could be dull skies, rain and cold winds (на следующей неделе будет пасмурное небо, дождь и холодные ветра).

«плохо функционирующий» (об уме, органах чувств, способностях)

Данное значение, образуемое по модели «плохое функционирование инструмента – плохое функционирование ума, органов чувств», которое прилагательные развивают в сочетании со словами *ум, слух, зрение*, связано метафорическим переносом с первым, функциональным, и антонимично соответствующему значению «хорошо функционирующий» у *острого*, однако развито гораздо больше: с ним связано метонимией значение «глупый», которое прилагательные *тупой, dull* (но не *blunt*) реализуют в сочетаниях типа *тупой человек*. В результате метонимических переносов также становятся возможными сочетания *тупой взгляд, тупая идея, тупой рассказ, тупая книга* в обоих языках. При этом 'тупой ум' очень часто метонимически распространяется на значение «глупый» (о человеке), «бессмысленный» (о речи), «потерянный» (о взгляде):

А теперь и лириков, и физиков – под колеса поезда массмедии, с тупым Бенни Хиллом за рулем. Чем тупее, тем массовее, а значит лучшие.

Тупой человек всегда агрессивен в суждениях.

Ты же знаешь, что президентское кресло занял тупой солдафон, который кроме армейского устава не знает других правил этикета.

Моя, конечно, замужем за тупым издателем по фамилии Хоуард.

Терпеть не могу тупые любезности.

Я в свое время сам с тупым самодовольством растолковывал это Тору.

Лакей сонно смотрел на Тетюева с тупым нахальством настоящего лакея.

I watched Richard in the mirror, newly combed hair oddly heat against unshaven chin and eyes dull with tiredness (глаза, тусклые от усталости).

We are perhaps a somewhat blunt family (мы, возможно, в некотором роде тупое семейство).

But, as you know me all, a plain blunt man (Но, как все вы меня знаете, я примитивный, тупой человек).

The statement is blunt and unqualified; the consequence is that it is inaccurate (неквалифицированное, глупое утверждение).

Her face was rather blunt, the features unfinished putty dabs, and now it was swollen with crying (Ее лицо было довольно тупым).

Melanie was like an empty chocolate box, tempting on the outside, nothing inside – to be blunt, frigid (пустая, холодная).

Chen wiped his hands, then sat down across from Alex; his blunt face thoughtful (с тупым задумчивым лицом).

«свидетельствующий об умственной ограниченности»:

They were obviously delighted to be able to use Phoebe to prove their conviction that child stars burn out if they are not raised to be as dull as anyone else's children (такими тупыми как чьи-либо еще дети).

The conclusions were that Ardakke was small and remote with nothing much to offer, where dull people led uneventful lives (где тупые люди ведут безынтесную жизнь).

All this was not dull thought; it flashed through me vividly as living truth that I perceived directly, almost without thought process (все это не было глупой мыслью...).

«прямолинейный, бесцеремонный, лишенный манер»:

Andy is a street-wise ex-cop, with a blunt, no-nonsense approach that is offensive to some but appreciated by many (с прямым, благоразумным подходом).

His blunt observation had pulled the ground from beneath her feet (его бесцеремонное рассматривание выбило почву из под ее ног).

Then, why did the blunt words hurt? (тогда, почему беспардонные слова задевают?).

He was a forthright, critical man whose tongue could be both sharp and blunt (он был прямолинейным критичным человеком, высказывания которого могли быть одинаково остроумными и бесцеремонными).

He held against her the blunt, even impolite way of speaking (он говорил с ней в бесцеремонной, даже в невежливой форме).

He is blunt and sometimes disarmingly frank about his attitudes and dealing with others (он бесцеремонно и иногда обезоруживающе откровенен о своих отношениях и взаимоотношениях с другими людьми).

After all if he isn't going to take a hint she simply has no choice but to be blunt (если он не поймет намека, у нее не будет другого выхода, как быть прямолинейной).

Their message to the government was blunt and straight forward (их послание правительству было прямым и по существу).

His words were blunt and laconic (его слова были по существу и лаконичны).

«скупный, монотонный, неинтересный» – в сочетании с существительными, описывающими:

а) жизненные ситуации

His existence had been particularly dull, holding down brief part-time work selling clothes in Manchester's underground fashion world (его существование было довольно однообразным).

Must be finding it pretty dull around here after the States (Находите, что здесь довольно скучно после Соединенных Штатов).

As his yawning indicates, it's all getting a bit dull (что становится довольно скучно).

His work, which he pursued at the Town Hall, was never mentioned in the house it was mathematical, highly respectable, and highly dull (очень уважаемая и очень скучная).

б) зрелища

And, you know, there isn't one dull moment in the entire opera! (и ты знаешь, не было ни одного скучного момента!).

A world without music would be a very dull place, so play your part and join in the singing (был бы очень скучным местом...).

«не острый по своему проявлению, ноющий» (о боли и метафорически – об эмоциях):

Тупой застарелой болью пронзило колено.

В голове звенела и колыхалась тупая нарастающая боль.

Пульсация в лодыжке сменилась тупым нытьем.

He turned over the facts again and again in his mind until their monotonous repetition affected him like a dull, nagging pain (как тупая, невыносимая боль).

The dull ache became a throb, so that every step became agony, taking the colour from her cheeks and drawing her lips into a tight line (тупая боль стала пульсирующей).

Stevenson, you're a cure for dull aches (Стивенсон, вы как лекарство от тупой боли).

Dull, unfocused eyes indicate pain or illness (тусклые, блуждающие глаза говорят об усталости или болезни) .

«притупленный» (об эмоциях, чувствах). В этом контексте *тупой человек* – «равнодушный, не интересующийся» в сочетаниях с существительными, называющими:

а) состояние и эмоции

Энди с *тупым безразличием* воспринимал, что совсем не чувствует спины и нижних конечностей.

Его сознание блуждало где-то между крайним истощением и *тупой покорностью* и смирением.

Единственное, что осталось сейчас в мозгу Харпа, была *тупая апатия*.

Огромные выпуклые глаза смотрели бессмысленно с *тупой злобой*.

А тот с *тупым усердием* уже водил щеткой по полу.

Ученый взглянул на пилота с *тупой благодарностью*.

«ничего не выражающий, бессмысленный» (о взгляде, лице и т.д.):

Трауп просто остался стоять, с каким-то *тупым видом*, с приоткрытым ртом.

Скелдер *тупым взглядом* уставился на настенные часы.

Лицо его казалось кривым, обезображенным *тупой мертвой улыбкой*.

Выводы

Нетривиальная или допустимая сочетаемость анализируемых английских и русских осязательных прилагательных с идеями «острый»/«тупой» как одного из классов признаков, конкретнее – перцептивных лексем проявляется как в денотативной сфере их семантики, так и в коннотативной.

В денотативной сфере анализируемый тип их сочетаемости с именами прототипических объектов проявляется в запрете на сочетаемость с именами таких из них, которые не соответствуют когнитивным факторам функциональности, экспериенциальности и зрительного восприятия.

Наиболее активны нетривиальные сочетания таких лексем, которые в своей коннотативной сфере сочетаются при характеристике непрототипических объектов с демонстрацией лексико-семантической вариативности. Результирующим эффектом является создание смыслов, успешно декодируемых реципиентами обеих лингвокультур и, видимо,

не рассматриваемых как креативные образования сегодня (хотя вполне вероятно, что в более ранние времена они таковыми считались).

Описанное положение дел позволяет заключить, что такие нетривиальные сочетания, однозначно не нарушающие языковые нормы, можно трактовать сегодня как относящиеся к одному из типов нормативных.

3.2. Нарушение нормы при конструировании лексических единиц с элементом половина как источник окказионализмов и неологизмов в китайском языке

Aurea mediocritas (лат.) – золотая середина

Введение

В китайской лингвокультуре лексическая единица 半 *bàn* ‘половина’ занимает особое место ввиду наличия у нее обширных смыслов, коннотаций и импликаций, передающих богатое содержание культурного и духовного наследия Поднебесной. Поскольку с понятием «половина» логически и графически тесно связано понятие «середина» (соответствующие иероглифы 半 *bàn* ‘половина’ и 中 *zhōng* ‘середина’), то на восприятие китайцами половины оказало влияние существующее в конфуцианской философии «Учение о середине» 《中庸》 “*Zhōngyōng*” (или, как еще его называют, «Чжун юн», «Учение о срединном и неизменном», «Середина и постоянство») предположительно авторства Цзы Сы (子思 *Zǐ Sī*). В данном произведении содержатся установки и предписания, определяющие моральный облик благородного мужа (в широком смысле каждого представителя китайской лингвокультуры).

Согласно данному философскому труду, следует стремиться избегать крайностей в проявлении эмоций, что обеспечит комфортные условия существования не только самому индивиду, но и отразится на окружающей его среде:

Когда не проявляют удовольствия, гнева, печали и радости, это называется [состоянием] середины. Когда их проявляют в надлежащей степени, это называется [состоянием] гармонии. Середина является наиважнейшей основой [действий людей] в Поднебесной; гармония – это путь, которому должны следовать [люди] в Поднебесной. Когда удастся достигнуть [состояния] середины и гармонии, в при-

роде устанавливается порядок и все сущее расцветает (перевод В. Г. Бурова) [Древнекитайская философия 1973: 119].

Далее, предписывается осторожность в поведении и необходимость следования середине:

Благородный муж [действует в соответствии] с учением о середине, потому что он благородный муж и всегда придерживается середины. Низкий человек поступает вопреки учению о середине, потому что он низкий человек и не проявляет осторожности [Древнекитайская философия 1973: 119–120].

Таким образом, основные идеи «Учения о середине» заключаются в том, что источник гармонии в Поднебесной – сама человеческая личность, при этом следование принципу середины непосредственно влияет на методы управления, а «потенциальное внутреннее совершенство человека как эманация мира природы реализуется в процессе длительного, требующего внутренних усилий правильного (“срединного и неизменного”) Пути – дао» [Духовная культура Китая 2006: 592].

Помимо конфуцианства, философское понимание середины существует также в буддизме в виде фундаментальной категории «чжун дао», представляющей «срединный путь», в рамках которого необходимо избегать таких крайностей, как излишняя любовь к мирскому, с одной стороны, и чрезмерный аскетизм, с другой стороны [Духовная культура Китая 2006: 589].

В связи с этим становится очевидной важность философского понимания категории середины и связанного с ней логически понятия «половина» как нормы при проведении лингвистического анализа отклонений от нормы.

Вопросы, связанные с лексической единицей 半 *bàn* ‘половина’, уже привлекали внимание исследователей. Так, к ее рассмотрению обращались такие видные китайские языковеды XX века, как Чжу Дэси (朱德熙 *Zhū Déxī*) [Чжу 1982], Люй Шусян (吕叔湘 *Lǚ Shūxiāng*) [Люй 2014] и Фан Юйцин (房玉清 *Fáng Yùqīng*) [Фан 2008]. Имеющиеся на конец XX в. данные о слове 半 *bàn* ‘половина’ изложил в своей работе Чэн Гуанлинь (程观林 *Chéng Guānlín*) [Чэн 1994]. На русском языке издана статья Лю Байвэя, затрагивающая вопросы как теоретического, так и практического характера относительно обеспечения адекватности перевода на русский язык лексических единиц с элементом 半 *bàn* ‘половина’ [Лю Байвэй 2017]. С литературоведческих позиций рассматривала анализируемое слово Лю Сяолинь (刘晓林 *Liú Xiǎolín*), исследуя его философские смыслы и эстетическую ценность в поэзии времен династий Тан и Сун [Лю Сяолинь 2006]. Чжан Жуйцзюн и Мэн Сяося

(张瑞君 *Zhāng Ruìjūn*, 孟小霞 *Mèng Xiǎoxiá*) также анализировали слово 半 *bàn* ‘половина’ в поэзии на примере творчества Ян Ваньли [Чжан, Мэн 2020]. Гао Цзянь (高健 *Gāo Jiàn*) посвятил свою работу анализу чэньюев (фразеологических единиц, состоящих из четырех иероглифов), построенных по модели 半A不A [Гао 2009], а Ли Вэйчжун (李卫中 *Lǐ Wèizhōng*) и Чэнь Мяосин (陈淼星 *Chén Miǎoxīng*) рассматривали словосочетания из четырех иероглифов по моделям 半A半B и 半A不B [Ли 2000; Чэнь 2006].

Актуальность данной работы обусловлена постоянным интересом к исследованию различных аспектов вербализации числовой количественности в китайском языке. Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что его предметом является словообразовательный потенциал лексических единиц с элементом 半 *bàn* ‘половина’, в частности тот аспект, когда новые лексические единицы конструируются по уже имеющимся в языке моделям, но с нарушением нормативности в семантическом плане, что ведет к образованию окказионализмов, встречающихся, однако, нечасто.

Цель и методы исследования

Настоящая работа нацелена на вскрытие механизмов конструирования лексических единиц, в составе которых имеется элемент 半 *bàn* ‘половина’, в результате которого происходит нарушение языковой нормы и создаются окказиональные словообразования. Кроме того, в исследовании рассмотрен ряд смежных вопросов, связанных с лексемой 半 *bàn* ‘половина’: проблема определения частеречного статуса этого слова и способ ее решения; анализ словообразовательных моделей с данным иероглифом в составе и вопрос о том, являются такие словообразования словами или словосочетаниями, вытекающий из специфики китайского языка, когда иероглиф может быть одновременно и морфемой, и словом. Помимо этого рассмотрен аспект аксиологического заряда, который придает 半 *bàn* ‘половина’ полученным лексическим единицам. Кроме того, проанализированы чэньюи с содержанием слова 半 *bàn* ‘половина’ и решен вопрос трактовки их общего смысла, в том числе в переводе на русский язык. Особое внимание уделено словообразовательному потенциалу моделей слов и словосочетаний с содержанием элемента 半 *bàn* ‘половина’.

В ходе проведения исследования использовались методы структурной лингвистики (компонентный, дистрибутивный и валентный виды анализа). Была применена авторская скалярная методика соотнесе-

ния слов с лексико-грамматическим классом числительных, выполненная в рамках теории прототипов, основные положения которой изложены ниже в соответствующем разделе.

Материал исследования

Материалом исследования послужили данные «Словаря современного китайского языка» (《现代汉语词典》 “*Xiàndài Hànyǔ Cídiǎn*”) [www.BMCX.com] и «Онлайн словаря китайских иероглифов» (《在线汉语字典》 “*Zàixiàn hànyǔ zìdiǎn*”) [www.xh.5156edu.com]. В результате сплошной выборки было отобрано 474 лексические единицы с содержанием элемента 半 *bàn* ‘половина’, из которых 150 – слова, а остальные – фразеологические единицы. Источниковой базой является Корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры (BBC) [www.bcc.bcu.edu.cn/].

Исходные теоретические положения исследования

В терминологическом плане по отношению к анализируемой лексической единице можно сказать следующее. В русском языке слово *половина* причисляется к квантификаторам-существительным либо к кванторным существительным [Кувшинская 2019: 190]. Оно также может быть определено как «парциал», или парциальное выражение, то есть количественное выражение, называющее часть некоторой величины [Богуславский 2018: 30].

Независимо от языка логически и семантически количественное значение слова 半 *bàn* ‘половина’ является весьма четким, оно «более определено, поскольку обозначает конкретную долю» [Кувшинская 2019: 194]. У И. М. Богуславского читаем: «Значение парциальных выражений вполне прозрачно. Все они имеют в своей основе простые количественные соотношения» [Богуславский 2018: 30], в случае со словом *половина* являющимися «вполне фиксированными» [Богуславский 2018: 30]. Отметим, что значение слова *половина* может быть предметным в сочетании с существительным [Кувшинская 2019: 194]. Примечательно, что в русском языке слово *половина* способно обозначать целый предмет [Яковенко 2014: 83]). Что касается китайской традиции, то, согласно древнему китайскому словарю «Шовэнь цзецзы» (《说文解字》 “*Shuō wén jiě zì*”) Сюй Шэня (许慎 *Xǔ Shèn*), 半 *bàn* ‘половина’ определяется как 物中分也. *Wù zhòng fēn yě*. ‘Предмета середина разделена’ [Сюй Шэнь 2013: 28], откуда следует, что это не просто одна из двух частей, а деление проходит посередине. Это обстоятельство находит отражение в графическом облике самого иероглифа, в котором запечатлена идея деления по центру.

Несмотря на конкретное обозначение доли, слово 半 *bàn* ‘половина’ в китайском языке (впрочем, не только в нем) обладает семантической диффузностью [Банкова 2022; Лю Байвэй 2017], что четко ощущается в лексических единицах 半天 *bàntiān* ‘полдня’, 半辈子 *bànbèizǐ* ‘полжизни’.

Вопрос частеречной принадлежности слова 半 *bàn* ‘половина’

Основной проблемой, связанной с лексической единицей 半 *bàn* ‘половина’ в современном китаеведении, является определение ее частеречной принадлежности. Для исследования возникновения окказиональных словообразований, в составе которых присутствует 半 *bàn* ‘половина’, данная проблема также актуальна ввиду взаимосвязи лексико-грамматического статуса данной лексической единицы и морфологического статуса, получаемого при словообразовании.

До сих пор последняя однозначно не определена, что вызвано функционалом анализируемой лексической единицы, свойственным двум частям речи, о чем совершенно справедливо замечает Лю Байвэй: «...лексическая единица 半 *bàn* (половина) обладает одновременно функциями двух частей речи: числительного и счетного слова, а к какой части речи она относится в конкретном случае, следует определять в соответствии с ситуацией употребления» [Лю Байвэй 2017: 67]. Таким образом, Лю Байвэй во главу угла ставит фактор контекста. В целом, китайские лингвисты указывают на то, что при определении частеречной принадлежности слова 半 *bàn* ‘половина’ обычные критерии (семантический, морфологический, синтаксический – Л. Б.) не «работают» и существует потребность в выделении особых критериев с учетом специфики анализируемого слова [Лю Байвэй 2017: 67], что делает вопрос о частеречной принадлежности слова 半 *bàn* ‘половина’ актуальным.

Китайские языковеды Ху Юйшу (胡裕树 *Hú Yùshù*) и Дин Сюцзюй (丁秀菊 *Dīng Xiùjú*) слово 半 *bàn* ‘половина’ относили к числительным [Ху 1995: 423; Дин 2003: 68]. Чжан Дэсинь (张德鑫 *Zhāng Déxīn*) придерживается более широкого подхода, полагая, что слово 半 *bàn* ‘половина’ может функционировать, во-первых, в качестве числительного, во-вторых, в качестве счетного слова, в-третьих, не относиться ни к числительным, ни к счетным словам (цит. по [Лю Байвэй 2017: 67–68]). Интересно отметить, что ввиду подобной частеречной вариативности и разнообразия характеристик Чжан Жуйцзюн и Мэн Сяоя сравнивают эту лексему с «гермафродитом» и «оборотнем»

[Чжан, Мэн 2020: 85]. Ли Вэньюй (李玫雨 *Lǐ Wényǔ*) отводит слову 半 *bàn* ‘половина’ особую роль среди числительных, называя его 辅助数词 *fūzhù shùcí* ‘вспомогательным числительным’ (как 零 *líng* нуль и 两 *liǎng* два) [Ли Вэньюй 2001: 7, 69].

Мы также считаем, что 半 *bàn* ‘половина’ представляет собой особое числительное. Оно занимает отдельное место в разработанных нами классификациях количественных числительных по целостности и точности числа, согласно функционально-структурным критериям [Банкова 2021 а; Банкова 2021 б].

При решении вопроса о частеречной принадлежности анализируемой лексемы малоэффективны структурные методы, поэтому мы предлагаем обратиться к прототипической парадигме, опираясь на идею Юань Юйлина (袁毓林 *Yuán Yùlín*) о том, что «имеется центральный член лексико-грамматической категории (прототип), обладающий всей полнотой типичных признаков. Прототип представляет собой ядро анализируемого класса слов, в то время как у его периферийных членов наблюдается отсутствие некоторых признаков» [Банкова 2021а, с. 196; Юань 2009]. Юань Юйлин (袁毓林 *Yuán Yùlín*) разработал критерии оценки членов лексико-грамматической категории по 100-балльной шкале.

Представляется, что в отношении числительных данная система не до конца разработана, поэтому мы предложили свои критерии для рассматриваемого лексико-грамматического класса слов. Таким образом, у нас на десять критериев полагается десять баллов. Что касается шкалирования, то установлен равный шаг в 19 баллов при градации степени принадлежности к категории. В результате шкала выглядит следующим образом: 100 баллов – типичный член категории, 99–80 – сравнительно типичный, 79–60 – не очень типичный, 59–40 – очень нетипичный, меньше 40 – не является членом категории.

Мы полагаем, что прототип числительного обладает следующими десятью признаками: (1) семантически обозначает количество, (2) выражает объективное представление о норме, (3) может быть записан цифрой, (4) имеет постоянное место в числовом ряду, (5) способен принимать префикс порядкового числительного 第 *dì*, (6) образует неразрывный комплекс со счетными словами, (7) не обладает самостоятельной предикативностью, (8) может входить в состав составных числовых выражений, обозначающих кратные числа, (9) может входить в состав составных числовых выражений, обозначающих дроби (в том числе проценты), (10) может входить в состав составных числовых выражений, обозначающих приблизительные числа [Банкова 2021а: 197–198].

Слово 半 *bàn* ‘половина’ не удовлетворяет четвертому, пятому и девятому критериям. В результате числительным данный иероглиф-цифра является на 70%, будучи не очень типичным членом лексико-грамматической категории числительных. Тем не менее, слово 半 *bàn* ‘половина’ представляет собой иероглиф-цифру, обладающую следующими особенностями:

- 1) отсутствие аналогов среди формальных цифр, которые имеются у всех типичных членов лексико-грамматической категории числительных. Поэтому этот иероглиф-цифра относится скорее к обычному комплексу иероглифов-цифр [Банкова 2018];
- 2) возможность цифрового обозначения (математическим знаком, например, 0,5), однако, в отличие от типичных членов анализируемой категории, данному языковому знаку соответствуют несколько математических знаков;
- 3) контекстно обусловленное положение, отсутствие определенной строго фиксированной позиции в числовом ряду;
- 4) неспособность сочетаться с порядковыми префиксами;
- 5) отнесенность к количественным числительным;
- 6) невозможность непосредственного сочетания с коэффициентными и разрядными числительными (исключение 一半 *yībàn* ‘половина, наполовину, пополам’).

Следующим вопросом является вопрос о статусе сочетаний 半 *bàn* ‘половина’ с существительными, прилагательными и глаголами: являются ли они словами или словосочетаниями. Представляется, что в случае нахождения иероглифа 半 *bàn* ‘половина’ в препозиции и в одновременном отсутствии счетного слова между элементами, значение 半 *bàn* ‘половина’ грамматикализовано, то есть он – полупрефикс, сохраняющий при этом свое семантическое значение половинчатости.¹⁰ Если анализируемые словообразования являются словосочетаниями, то между двумя частями, по правилам китайского языка, в большинстве случаев ставится счетное слово. В связи с этим, в ходе рассуждений о норме и ее нарушении в словах мы будем именовать 半 *bàn* ‘половина’ элементом (морфемой), когда речь идет о словах, и отражать это при переводе на русский язык, используя прямой аналог префикс *пол-* (вариант *полу-*).

¹⁰ Для сравнения, морфологический статус элемента *пол-* в русском языке окончательно не определен: он рассматривается как корневая морфема, как полупрефикс (переходное положение между корнем и префиксом) и как собственно префикс [Немченко 2001: 60].

Сущность 半 *bàn* ‘половина’ как слова или как морфемы определяется ее положением в счетно-количественном комплексе, куда также, помимо существительного, входят счетные слова. Анализируемая единица в качестве слова может находиться в постпозиции к главному слову (三斤半 *sān jīn bàn* ‘три с половиной цзиня’), и в качестве морфемы – в препозиции к нему (三个半斤 *sān gè bàn jīn* ‘полцзиня помноженных на три’ (три раза по полцзиня), т. е. полтора цзиня (примеры приведены по [Ли Вэньюй 2001: 7])), что напрямую отражается на смысле всего выражения.

Не только позиция и, как следствие, функция 半 *bàn* ‘половина’ относительно других элементов в лексической единице имеет значение. Смыслоразличительной функцией также обладает наличие счетного слова между элементами в ней. Например, в слове 半纸 *zhǐ* ‘полубумага’ счетное слово отсутствует, 半 *bàn* ‘половина’ функционирует как морфема, что отражается на смысле (в данном примере обозначается материал). Однако при наличии счетного слова (张 *zhāng*) выражение 半张纸 *bàn zhāng zhǐ* ‘пол-листа бумаги’ приобретает совершенно иное значение – размер.

Для вопроса образования окказионализмов противопоставление в отношении 半 *bàn* ‘половина’ его функций слова и морфемы релевантно ввиду того, что если это морфема в слове, то тогда получившееся словообразование можно считать окказионализмом, а если это слово – то тогда речь идет о простом свободном словосочетании.

Числительное на современном этапе развития китайского языка не может грамматикализироваться, то есть быть префиксом, ввиду его семантических особенностей. Некоторым исключением является нуль, но он находится на пути превращения в префикс [Банкова 2021: 11]. Типичный член лексико-семантической категории числительных может быть морфемой в слове в качестве одной из составных частей корня. Но поскольку 半 *bàn* ‘половина’ – не типичное числительное, то такая ситуация допустима.

Норма и ее нарушение при конструировании слов и словосочетаний с элементом 半 *bàn* ‘половина’

Для понимания нарушения нормы при создании слов с элементом 半 *bàn* ‘половина’ ознакомимся с теми моделями, которые представляются стандартными. Прежде всего, элемент 半 *bàn* ‘половина’ может непосредственно соединяться с нарицательными существительными (как правило, односложными), находясь в препозиции к ним (半天 *bàntiān*

‘полдня’, 半夜 *bànyè* ‘полночи’, 半斤 *bànjīn* ‘полцзиня’, 半里 *bànlǐ* ‘половина ли’, 半仗 *bànzhang* ‘половина смены почётного караула’).

Что касается нестандартных случаев, то очень интересной в плане словотворчества является лексическая единица 半豹 *bànBào* ‘полуначитанный, букв. полуБао’, представляющая собой соединение иероглифа 半 *bàn* ‘половина’ с именем собственным. Из источника «История династии Цзинь. Жизнеописание Инь Чжунвэня» (《晋书•殷仲文传》 “*Jìn shū. Yīnzhòngwén zhuàn*”) мы узнаем, что герой Инь Чжунвэнь был хорош в сочинении текстов, по поводу чего Се Линъюнь однажды изрек: «Если Инь Чжунвэнь читает хотя бы половину того, что читает Юань Бао (известный своим прилежанием в учебе – Л. Б.), то его литературный талант не меньше, чем у Бань Гу (известный древний китайский историк и поэт – Л. Б.)». Это было сказано по поводу того, что Инь Чжунвэнь написал много, но прочитал мало. В связи с этим 半豹 *bànBào* ‘полуБао’ характеризует полуграмотного и недостаточного начитанного человека. Можно сказать, что своего рода авторский окказионализм перешел в разряд устойчивой лексической единицы благодаря тому, что запечатлен в классическом произведении и характеризует исторический персонаж.

Таким же образом по модели сочетания элемента 半 *bàn* ‘половина’ с существительным, являющимся именем собственным, могут быть созданы и создаются другие окказионализмы, жизненный путь которых не такой длинный, как у приведенного в качестве иллюстрации слова 半豹 *bànBào* ‘полуБао’. В чем же заключается нарушение нормы в сочетании имени собственного с элементом 半 *bàn* ‘половина’? Прежде всего, в нарушении логики. Если в качестве имени собственного выступает антропоним, то логически необоснованно обозначать половину в таком случае. Здесь имеется в виду недостаток признака и качеств, которыми обладает тот субъект, с которым производится сравнение. Так, в качестве иллюстрации создания окказионализма по модели сочетания 半 *bàn* ‘половина’ и имени собственного можно привести такую лексическую единицу, как 半王 *bànWáng* ‘полуВан, недоВан’, где в качестве части с именем собственным выступает имя великого китайского каллиграфа начала IV в. н. э. Ван Сичжи (王羲之 *Wáng Xīzhī*). Окказионализм 半王 *bànWáng* ‘полуВан, недоВан’ можно употребить по отношению к человеку, который увлекается каллиграфией, но у него недостаточно хорошо получается. В качестве еще одного примера приведем окказионализм 半毛 *bànMáo* ‘полуMao, недоMao’ (в

отношении политического деятеля, не обладающего такими же качествами, как Мао Цзедун).

Интересен случай (и он представляется нам отклонением от нормы), когда вновь образованная лексическая единица в результате соединения элемента 半 *bàn* ‘половина’ с существительным получает совершенное противоположное ожидаемому значение. В качестве примера рассмотрим слово 半歇 *bànxīe* ‘долго, долгий промежуток времени’. Лексема 歇 *xiē* может функционировать в качестве глагола со значением «отдыхать», а также существительного «короткий промежуток времени, минутка, раз». В сочетании с половиной наблюдается парадоксальная ситуация изменения значения на противоположное, когда вопреки ожиданиям краткий момент времени должен бы стать в два раза меньше, однако, наоборот, получаемое лексическое новообразование приобретает значение длинного промежутка времени. При этом отметим, что данную словообразовательную модель нельзя назвать продуктивной в плане генерации окказионализмов, возможна лишь констатация нарушения логической и семантической нормы.

Помимо существительных, слово 半 *bàn* ‘половина’ сочетается с глаголами, как правило, односложными (半开 *bànkāi* ‘полуоткрытый’, 半休 *bànxīu* ‘полуотдыхать / *недоотдохнуть’). И некоторые из таких образований представляют собой интерес не только при наблюдении за отклонениями от нормативного употребления с точки зрения структурной семантики и логики, но также и с лингвокультурной точки зрения, иллюстрируя китайскую специфику восприятия окружающего мира.

Элемент 半 *bàn* ‘половина’ также сочетается с прилагательными (半白 *bànbái* ‘полуседой, с густой проседью’). Однако в плане создания окказионализмов данная модель не является продуктивной, поскольку нарушение логики не дает окказионального эффекта. Например, в слове 半活 *bànhuó* ‘полуживой’ очевидно логическое противоречие (можно быть либо живым, либо мертвым, третьего не дано), но стилистического эффекта новизны и неожиданности не ощущается.

Помимо прочего, в результате исследования было зафиксировано три случая с редупликацией: 半半拉拉 *bànbān lālā* ‘недоделка’, 半半路路 *bànbān lùlù* ‘полпути’ и 半半天 *bànbàntiān* ‘большая половина дня’. Нарушение нормы в них заключается в том, что данная словообразовательная модель «AABB» характерна для двусложных прилагательных, образованных по модели АВ, и используется для передачи высокой степени выраженности признака (например, 高大 *gāodà*

‘очень высокий и большой, грандиозный’, а 高高大大 *gāogāodàdà* ‘чрезвычайно высокий и огромный’). Однако элемент 拉 *lā* в первом примере представляет собой глагол либо в качестве второго слога в составе глагольной основы сходной рифмы служит для образования двухсложной глагольной основы с тем же значением (扒拉 *bālā* ‘щёлкать на счетах’; 划拉 *huálā* ‘рисовать, изображать’). Таким образом, употребление глагола 拉 *lā* в качестве элемента словообразовательной модели, свойственной прилагательным, не является типичным.

То же верно и в отношении лексической единицы 半半路路 *bànbān lùlù* ‘полпути’, где вторым элементом является существительное 路 *lù* ‘путь, дорога’. Примечательно, что в древнекитайском у него встречаются значения большой; главный, основной, открытый, не защищенный сверху (路家 ‘непокрытый крышей дом’, 路弓 ‘большой лук’). Однако, во-первых, в приведенных примерах данная лексема находится в препозиции, в отличие от анализируемого нами примера из современного китайского языка. Во-вторых, 路 *lù* употреблено именно в значении «дорога, путь». Возможно ли, что существительное, утратившее значение прилагательного, может участвовать в словообразовательных моделях как прилагательное? Представляется, что ответ на этот вопрос на данном этапе исследования дать затруднительно, однако он будет найден в продолжении исследования.

Рассмотрим вопрос оценочности лексических единиц с морфемой 半 *bàn* ‘половина’, поскольку она имеет свойство придавать слову аксиологическую окраску, что, впрочем, свойственно и его русскому аналогу, который «...в разных контекстах <...> имеет разное оценочное значение» (полушубок), в частности, «пейоративный оттенок» (полуграмотный) [Человеческий фактор в языке... 1992: 197]. Нейтральный характер 半 *bàn* ‘половина’ имеет в терминах и названиях артефактов (半支莲 *bànzhīlián* ‘портулак садовый крупноцветковый’, 半丈红 *bànzhànghóng* – название дерева и его цветов, 半臂 *bànbì* ‘безрукавка, жилет’, 半壁 *bànbì* ‘полусклон’, 半直线 *bànzhíxiàn* ‘луч’ – матем. термин). Слов с нейтральным характером с элементом 半 *bàn* ‘половина’ большинство. Пейоративное значение 半 *bàn* ‘половина’ придает словам, когда речь идет о недостаточной выраженности признака, что встречается реже (半半拉拉 *bànbān lālā* ‘недоделка’, 半豹 *bànBào* ‘недоучка’). На русский язык такие слова следует переводить посредством префикса недо-. Среди анализируемого круга слов встречаются и слова с положительной коннотацией и их меньшинство: 半仙 *bànxiān*

‘полубожество’ (о высокодуховном человеке). Полубогинями в эпоху династии Тан также называли придворных девушек.

Элемент 半 *bàn* ‘половина’ в словах может располагаться не только в препозиции к главному элементу, но и в постпозиции, выступая в таком случае в качестве главного элемента в слове или в качестве вершины адвербиально-именной группы. Было зафиксировано 39 устойчивых лексических единиц такого типа. (В еще одном случае это 白半 *bái bàn* ‘первая половина лунного месяца от новолуния до полнолуния’. Данные эпизоды представляют собой исключения, когда само слово 半 *bàn* ‘половина’ является вершиной именной группы.)

Особо интересными представляются примеры, в которых ярко проявляется любовь китайцев к середине. Таковыми являются специфичные для них обозначения количества, коррелирующие с половиной: 少半 *shǎobàn* ‘одна треть’ (букв. «недополовина»), 小半 *xiǎobàn* ‘чуть меньше половины’ (букв. «маленькая половина»); 一大半 *yīdàbàn* ‘больше половины’ (букв. «большая половина»), 太半 *tàibàn* ‘две трети’ (букв. «великая половина»). Обычно эти значения в китайском языке могут передаваться посредством более четких и конкретных словосочетаний (например, 三分之二 *sān fēn zhī èr* ‘две трети’), однако ввиду уже обозначенной выше склонности жителей Поднебесной к концепции срединности (о чем говорит и само название этого государства на китайском языке – 中国 *Zhōngguó* ‘Срединное государство’), тесно связанное с ней в логическом плане слово 半 *bàn* ‘половина’ активно используется для обозначения смежных понятий. Если следовать указанной логике словотворчества, то в плане создания окказионализмов в качестве первого элемента в такой модели сочетания прилагательного со значением размера и элемента 半 *bàn* ‘половина’ могут выступать другие члены синонимического ряда со значением размера, например, 微 *wēi* ‘мини’ (*微半 *wēi bàn* ‘миниполовина’).

Норма и отступление от нее в чэньюях

Теперь перейдем к рассмотрению того, как на основе моделей чэньюев (фразеологических словосочетаний, сформированных из четырех иероглифов) со словом 半 *bàn* ‘половина’ формируются окказиональные лексические единицы. Если приводить аналогию в русском языке, то на каркасе фразеологизма «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» возможно создание множества ситуативно обусловленных построений, связь с оригинальной формой которых ощущается всеми носителями языка.

Среди содержащих слово 半 *bàn* чэньюев выделяется три модели: 半A半B, 半A不B и 半A不A. Под элементами A и B понимаются односложные слова, хотя допустимы вариации, о чем будет сказано ниже. Все китайские исследователи, занимавшиеся проблематикой данных фразеологизмов, в первую очередь обозначают связи между элементами A и B и на изучении этих связей проводят свои научные изыскания. Оттолкнувшись от их достижений, мы проанализируем потенциал данных моделей построения чэньюев в плане создания новых образований, уделяя особое внимание отклонениям от нормы.

Рассмотрим первую модель фразеологической единицы 半A半B. Ли Вэйчжун выделила в ней 4 вида связи на основе антонимии [Ли 2000].

Первый вид связи. Между элементами A и B имеется соотносительная антонимия, когда они принадлежат к противоположным полюсам области значения и между ними есть середина, а акцент в лексической единице в целом делается на промежуточном состоянии. Например, так происходит в чэньюе 半百半黑 *bàn bǎi bàn hēi* ‘наполовину – белый, наполовину – черный’ (полубелый либо получерный), в котором обозначен цвет между белым и черным, т. е. промежуточное состояние между этим двумя полюсами в цветовом спектре. В качестве примера глагольного значения можно рассмотреть чэньюй 半信半疑 *bàn xìn bàn yí* ‘наполовину – верить, наполовину – сомневаться’, т. е. верить не до конца. С помощью чэньюя анализируемого типа с соотносительной антонимией можно обозначить признак предмета: 半开半闭 *bàn kāi bàn bì* ‘наполовину – открыт, наполовину – закрыт’ (т. е. полукоткрыт либо полужакрыт); 半冷半热 *bàn lěng bàn rè* ‘наполовину – холодный, наполовину – горячий’ (полухолодный либо полугорячий).

Приведенные примеры наглядно показывают, что между денотатами элементов A и B существует некий промежуточный этап или состояние. Примечательно, что на русский язык такие чэньюи лучше переводить, упоминая лишь одну часть во избежание избыточности, как это делалось в скобках после каждого примера выше.

Модель чэньюя 半A半B с соотносительным видом связи элементов A и B дает простор для словотворчества. Некоторые словообразования формируются в речи на ее каркасе, будучи контекстно обусловленными: 半起半坐 *bàn qǐ bàn zuò* ‘наполовину – поднявшись, наполовину – сидя’ (полуподнявшись либо полусидя); 半躺半坐 *bàn tǎng bàn zuò* ‘наполовину – лежа, наполовину – сидя’ (полустоя либо полулежа), 半送半卖 *bàn sòng bàn mǎi* ‘наполовину – подарен, наполовину – продан’.

Второй вид связи. Элементы А и В представляют собой абсолютно антонимичные слова, когда между обозначаемыми ими денотатами не находятся промежуточные смыслы. Акцент делается на полюсах значений. При этом зачастую наблюдается противоречие, парадокс, своего рода оксюморон: 半土半洋 *bàn tǔ bàn yáng* ‘наполовину – суша, наполовину – океан’ (полусуша либо полуокеан); 半男半女 *bàn nán bàn nǚ* ‘наполовину – женщина, наполовину – мужчина’ (лучше переводить «недоженщина» или «недомужчина»). Что касается последнего чэньюя, то мы предлагаем вариант окказионализма с тем же смыслом на основе китайской специфики, где элементом А может быть 阴 *yīn* ‘инь, женское начало’, а элементом В – 阳 *yáng* ‘ян, мужское начало’: 半阴半阳 *bàn yīn bàn yáng* ‘наполовину – женщина, наполовину – мужчина’. Для сравнения, в китайском языке существует лексическая единица 阴阳人 *yīn yáng rén* ‘гермафродит’ (букв. человек, одновременно обладающий характеристиками ин и ян). Ли Вэйчжун отмечает, что в обычной жизни явления, обозначаемые такой моделью с нарушением логики, обычно не существуют. С помощью подобных словосочетаний обозначается нечто ненормальное, нехорошее и порицаемое с точки зрения китайской культуры, поэтому получаемые посредством модели чэньюя 半А半В с антонимичным типом связи элементов А и В словосочетания несут отрицательный аксиологический заряд [Ли Вэйчжун 2000: с. 108].

Относительно данного вида чэньюев с полностью антонимичными отношениями между элементами нам представляется, что они могут служить для обозначения общечеловеческих, общециональных понятий, поскольку можно встретить их кальки в других языках (半死不活 *bàn sǐ bù huó* ‘ни жив ни мертв’; 半醒半睡 *bàn xǐng bàn shuì* ‘наполовину – бодрствовать, наполовину – спать, в полусне’).

Третий тип связи. Элементы А и В представляют собой близкие по смыслу слова. Акцент делается на том, что значения элементов А и В складываются, усиливаются для достижения большего эффекта: 半痴半傻 *bàn chī bàn shǎ* ‘наполовину – тупой, наполовину – глупый’ (полуумный либо полудурок); 半推半搯 *bàn tuī bàn sǎng* ‘наполовину – толкать, наполовину – отталкивать’ (полутолкать либо полуопрокидывать). Такие типы устойчивых словосочетаний являются проявлением плеоназмов. Данная модель чэньюя также дает простор для словотворчества и создания авторских окказиональных лексических единиц (например, 半粗半胖 *bàn cū bàn pàng* ‘наполовину – толстый, наполовину – полный’).

Поскольку элементы А и В в модели 半А半В, как правило, представлены одной частью речи, конструирование окказионализмов может основываться на специфической китайской особенности редупликации либо двусложных глаголов, построенных по словообразовательной модели АВ (из 达到 *dádào* ‘достигать’ в 半达半到 *bàn dá bàn dào* ‘наполовину достигнуть’), либо на расчленении двусложных прилагательных, построенных по модели АВ (из 漂亮 *piàoliang* ‘красивый’ в 半漂半亮 *bàn piào bàn liang* ‘наполовину красивый’). В таких случаях наблюдается ярко выраженное отклонение от нормы.

Четвертый тип связи. Элементы А и В не близки по смыслу, однако и не противоположны. Их грамматические разряды / классы совпадают, но смысл различается: с одной стороны, объект обладает характеристиками элемента А, а с другой – характеристиками элемента В. В китайском языке зафиксировано следующее устойчивое словосочетание данного типа: 半工半读 *bàn gōng bàn dú* ‘наполовину – учиться, наполовину – работать’ (одновременно учиться и работать). Данный тип связи в чэньюях модели 半А半В представляет самые большие возможности вариации: 半铺半挂 *bàn pù bàn guà* ‘половина – расстелена, половина – висит’; 半蓝半白 *bàn lán bàn bái* ‘наполовину – синий, наполовину – белый’ (сине-белый); 半中半西惯 *bàn zhōng bàn xī* ‘наполовину – китайский, наполовину – западный’ (полукитайский либо полузападный).

В целом, в модели чэньюев 半А半В элементы А и В в подавляющем большинстве случаев являются однородными в плане частеречной представленности: они могут быть глаголами, прилагательными либо существительными.

В модели 半А半В допустимы не только односложные, но и двусложные (и даже трехсложные) элементы А и В. При этом они могут и не обладать параллельной структурой, т. е. один элемент может быть двусложным, а другой – трехсложным, и наоборот. Например, в зафиксированном в китайском языке примере 半认真半开玩笑 *bàn rènzhēn bàn kāi wánxiào* ‘полушутя – полусерьезно’ элемент А представлен двусложным прилагательным 认真 *rènzhēn* ‘серьезный’, а элемент В – глагольно-именным словосочетанием 开玩笑 *kāi wánxiào* ‘шутить (шутку)’. Примечательно, что однородные признаки при перечислении в рамках данной модели не разделяются на письме запятыми.

Рассмотрим вторую модель фразеологических сочетаний – чэньюев – 半А不В. В семантическом плане элементы А и В в такой модели обычно представляют собой противоположные по смыслу сло-

ва: 半生不熟 *bàn shēng bù shú* ‘наполовину сырой, не готовый’. На русский язык лучше переводить первую часть с использованием префикса (например, *полусырой*). Словосочетания, построенные по данной модели, крайне редко имеют положительный аксиологический статус, вектор оценки направлен от нейтрального до отрицательного. Нам представляется уместным сравнение образов, конструируемых с помощью такой модели чэньюя, с образом стакана, который, с одной стороны, наполовину пуст, а с другой стороны – наполовину полон, в случае с китайским языком упор делается на отрицательном качестве.

Поверхностные характеристики модели 半A不B схожи с теми, которыми обладает модель 半A半B. Однако в первом случае элементы A и B представляют собой односложные существительные, прилагательные и глаголы: 半明不暗 *bàn míng bù àn* ‘наполовину яркий, не темный’; 半死不活 *bàn sǐ bù huó* ‘наполовину мертвый, не живой’.

Отметим, что замена третьего элемента 半 на 不 в первых двух вышеописанных моделях чэньюев (半A半B и 半A不B) влечет за собой изменение смысла. Сравним: 半明不暗 *bàn míng bù àn* ‘наполовину – яркий, не темный’. 半明半暗 *bàn míng bàn àn* ‘наполовину – светлый, наполовину – темный’ (светло-темный), то есть обладающий обеими характеристиками во втором случае, в то время как у первого словосочетания доминирует качество, выраженное первым элементом A.

Вторая часть в этой модели 不B (как и в первой 半B), по мнению Ли Вэйчжун, добавляет к первой части дополнительную, и даже избыточную информацию. Но эта избыточность способствует устойчивости структуры [Ли 2000: 109]. Роль второй части заключается, во-первых, в нюансировке значения, выраженного в первой части. Она может ее усиливать. Во-вторых, вторая часть придает мелодичность. Даже если словосочетание не представляет собой фразеологическую единицу, а конструируется специально в контексте, то ее форма из четырех иероглифов напоминает чэньюй, что придает речи определенные характеристики (экспрессивность, торжественность, научность и т.п.).

Рассмотрим третью модель чэньюев с содержанием элемента 半 *bàn* ‘половина’ – 半A不A. Как и в математике, где плюс на минус дает минус, первая половина данной модели чэньюев – положительная, а вторая – отрицательная, а целиком выражение имеет значение, что свойство, выраженное элементом A, – отрицательное, то есть наблюдается недостаточная выраженность признака, указанного прилагательным, или действия, обозначенного глаголом. Например, 半懂不懂 *bàn dǒng bù dǒng* ‘недопонял’, букв. ‘полупонял (наполовину понял), не

понял'; 半傻不傻 *bàn shǎ bù shǎ* 'полудурок – не дурак'. По утверждению Гао Цзяня, это является противоречием с точки зрения структуры и конструкции, но «в живой речи целая конструкция выражает небольшое количество, девиационное отрицательное значение» [Гао 2009: 72]. В итоге значение всей конструкции – малое, недостаточное количество признака или действия, выраженного элементом А.

В этой модели Гао Цзянь выделяет два типа связи на основе антонимии: относительное и абсолютное противопоставление. Первый тип связи – относительное противопоставление – может быть проиллюстрирован такими примерами, как 半懂不懂 *bàn dǒng bù dǒng* 'полупонял, не понял' (недопонял); 半傻不傻 *bàn shǎ bù shǎ* 'полудурок – не дурак'. В них наблюдается промежуточная степень качества, его половина, недостаточное количество.

Что касается второго типа связи в чэньюях, построенных по модели 半А不А, – абсолютного противопоставления, то оно понятно на следующих примерах: 半男不女 *bàn nán bù nǚ* 'наполовину мужчина – не мужчина' (недомужчина).

Аксиологический заряд модели чэньюя 半А不А является отрицательным. Гао Цзянь выделяет три фактора, влияющие на оценочное значение [Гао 2009: 75]. Знание этих факторов поможет конструировать словосочетания на основе модели чэньюя 半А不А так, чтобы достигался желаемый эффект.

1. Эмоциональная окраска элемента А. Выделяются три случая.

а. Элемент А обладает положительной окраской, однако все словосочетание в целом имеет отрицательную окраску: 半红不红 *bàn hóng bù hóng* 'полууспешный – неуспешный'.

б. Элемент А и вторая часть с ним в отрицательной форме характеризуется нейтральным аксиологическим зарядом. Примером может служить выражение: 半生不生 *bàn shēng bù shēng* 'наполовину знакомый – незнакомый' (полужнакомый).

в. Элемент А обладает отрицательной оценкой. При этом целое словосочетание, вопреки логике, не полностью положительное, а передает лишь незначительную степень выраженности положительного качества. Ярким примером может служить уже неоднократно упоминаемое выражение 半傻不傻 *bàn shǎ bù shǎ* 'полудурок – не дурак', означающее «глуповатый», а не «умный». В качестве еще одного примера можно привести словосочетание 半破不破 *bàn pò bù pò* 'полудраный – не драный' (полудраный).

Выводы

Понятия середины и половины являются особо значимыми для китайского мировосприятия. Осознание этой важности воплощается в языке в отдельных словах либо словосочетаниях как воспроизводимого характера, застывших в языке в виде чэньюев, так и заново конструируемых лексических образованиях на основе предлагаемых для построения этих чэньюев моделей. Элемент 半 *bàn* ‘половина’, как логически связанный с серединой, с одной стороны, и как числительное, с другой стороны, часто встречается в лексических единицах различных типов, поскольку китайская лингвокультура пронизана любовью к числительным и последние активно используются в качестве структурообразующих элементов в словообразовании и фразеологии.

Слово 半 *bàn* ‘половина’ нельзя в полной мере отнести к числительным. Согласно нашей концепции, оно представляет собой не очень типичный член этой лексико-грамматической категории, что делает его способным функционировать в качестве морфемы со значением *пол-, полу-*. По моделям с препозиционным расположением этой морфемы формируются новые слова, в том числе окказионализмы. Это происходит преимущественно на основе нарушения логической нормы, что достигается, во-первых, сочетанием элемента 半 *bàn* ‘половина’ с именами собственными, во-вторых, приобретением полученным словом значения, противоположного сумме исходных элементов. Оба фактора обеспечивают высокий словотворческий потенциал словообразовательных моделей с элементом 半 *bàn* ‘половина’.

Высоким словотворческим потенциалом обладают также фразеологические единицы типа чэньюй, которые содержат слово 半 *bàn* ‘половина’. Это верно в отношении всех трех рассмотренных моделей чэньюев (半A半B, 半A不B и 半A不A), пальма первенства среди которых принадлежит первой из них. Несмотря на то, что все три модели конструирования чэньюев задают рамки словосочетания и фиксируют высказывание, допускается вариативность в составе их элементов, позволяющая передавать новые смыслы (порой с нарушением логики), что дает простор для авторских окказиональных образований, позволяя достигать различных стилистических эффектов (аллюзии, оксюмороны, плеоназмы). Несмотря на положение об одинаковой частеречной принадлежности обоих элементов во всех трех моделях чэньюев, нарушения нормы допускаются, и тогда словосочетание приобретает экстраузальный характер. Другими словами, три рассмотренные модели фразеологических единиц с элементом 半 *bàn* ‘половина’ ввиду рыхлости своей структуры и свободной связи между элементами допускают вы-

ход за рамки чэньюя на основе нарушения логической либо структурной нормы, и тогда вновь конструируемые словосочетания являются ординарными синтаксическими конструкциями.

Таким образом, те модели слов и словосочетаний, в которые входит элемент 半 *bàn* ‘половина’, дают простор для словотворчества. Однако ввиду того, что сознание человека пропускает информацию через призму этнически обусловленной картины мира, содержание вновь конструируемых лексических единиц определено культурой. При этом зафиксированные в лексикографических источниках лексические единицы принадлежат сфере национальной языковой картины мира, а окказиональные словообразования, созданные на их основе, относятся к сфере индивидуально-личностной.

ГЛАВА 4

ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ НОРМЫ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Погружение рассуждений о норме в контекст суперсистемных, системных и субсистемных связей побуждает обратить внимание на последствия нарушений норм в отдельных сегментах структуры языка, поскольку многие явления, осмысляемые на некотором синхронном срезе как то или иное преобразование, как дифференциацию функционального потенциала, как специализацию на ту или иную коммуникативную задачу и т.д., в диахронии вполне правомерно могут быть интерпретированы и как нарушение некоторой нормы.

Антропонимикон по определению не может не вызывать особого интереса, потому что он, будучи весьма сложно организованным мощным сегментом лексикона и ментального лексикона, обогащается из самых разных источников и находится в перманентных метаморфозах, требующих, естественно, детального описания под разными углами зрения.

Поэтому сферой приложения исследовательского интереса на данном этапе анализа стали три предмета – изменение конфигурации семантических (и, по понятным причинам, понятийных) связей в антропонимиконе, вариативность семантических связей в фикциональном пространстве, трансформация нормы того или иного вида при организации коммуникативных единиц разной степени сложности при их порождении билингвальной личностью.

Фикциональная реальность избирается в качестве объекта приложения лингвистического интереса при изучении нормы, нормально-го и нормативного потому, что именно в данном пространстве носитель языка ограничен только своей фантазией и эстетическими задачами. Поэтому, конструируя с помощью разнородных языковых средств фикциональную реальность, носитель языка черпает не только из конвенциональных и узуальных языковых ресурсов, образующих, в трактовке Е.С. Кубряковой, ЯКМ 1 (языковую картину мира 1) [Кубрякова 1988]), но и из ресурсов ЯКМ 2 [Кубрякова 1988]. На этой основе можно, очевидно, выявить позитивные и/или негативные перспективы того или иного свойства языковых субсистем и соответствующих элементов этих субсистем.

4.1. Трансономизация в контексте переструктурирования антропонимикона

Введение

Язык как динамическая система характеризуется, в частности, тем, что с течением времени он претерпевает определенные изменения, связанные с коммуникативными потребностями и коммуникативными практиками носителей определенного языка и культуры. Одним из очевидных доказательств постепенного развития лексической подсистемы языка, его семантического пространства могут служить имена собственные – онимы, появление которых вызвано необходимостью выделять и идентифицировать отдельные предметы и явления действительности (см., например, [Суперанская 2019, 2021; Fernández Levorans 1999; Gardiner 1954; Kniffica 1990; Nueva Gramática Española 2009]). Исторически первым механизмом образования имен собственных является онимизация – переход имен нарицательных в имена собственные. Будучи вторичными номинациями, онимы в свою очередь могут стать источником формирования других видов онимов, которые есть уже результат действия другого механизма – трансономизации. Данным термином обозначаются «различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой» [Подольская 1990: 347].

Самые общие сведения о переходах имен собственных из одного класса/ разряда в другой легко найти в работах по ономастике, особенно по топонимике (см., например, [Бодалетов 1983; Суперанская 2019, 2021; Корнева 2024в]). Хрестоматийные примеры трансономизации топонимов, когда название водного объекта (гидроним) становится названием населенного пункта (ойконим), а затем уже названием находящегося в нем объекта (урбаноним) типа река *Воронеж* → город *Воронеж* → гостиница *Воронеж* и т.п., могут привести не только лингвисты, но и наивные пользователи языка, проживающие в данном городе и регионе. То же самое можно сказать и о всемирно известном ониме *Москва*, который стал названием не только реки, но и столицы нашей страны, гостиницы, конфет, пирожного, теплохода, банка, а также, возможно, и других неизвестных нам предметов и реалий, поскольку в наши дни наблюдается экспансия трансономизации и под форму уже известного ономастического знака подводятся все новые и новые предметы. К примеру, в нашем городе относительно недавно появились названия таких разных артефактов и реалий, как пирожное *Воронеж*, конфеты *Воронеж*, анимационная студия *Воронеж*.

Сфера действия трансонимизации охватывает не только топонимы, но и другие классы онимов, в частности антропонимы. Широко распространены переходы «антропоним → топоним» (*Пушкин* – фамилия поэта и *Пушкин* – город; *Жуковский* – фамилия основателя русской авиации и *Жуковский* – город), равно как и переходы «антропоним → артефакт» (*Анна Павлова* – имя и фамилия балерины и *Анна Павлова* – пирожное; *Нахимов* – фамилия русской флотоводца и адмирал *Нахимов* – корабль/крейсер; *Ленин* – партийная кличка вождя октябрьской революции и *Ленин* – первый в нашей стране атомный ледоход; *Пушкин* – фамилия поэта и *Пушкин* – аэродром к югу от Санкт-Петербурга, *Рональд Рейган* – имя и фамилия 40-го президента США и *Рональд Рейган* – аэропорт под Вашингтоном, американский авианосец). Подобные переходы антропонимов призваны увековечить память известных людей, в результате образуются так называемые коммеморативные онимы.

Возникновение ставших впоследствии знаменитыми Домов моды типа *Пако Рабан*, *Нина Риччи*, *Адольфо Домингес*, *Кристиан Диор* и многих других нередко связано с именем его основателя, которое запечатлено в их названиях.

В качестве примеров трансонимизации, которые обычно ускользают из поля зрения исследователей, назовем также произведения искусства разных жанров. Среди них и названия художественных произведений («Мой Пушкин» – цикл стихотворений А. Ахматовой о нашем величайшем поэте, романы ярчайшего представителя испанского критического реализма Б. Переса Гальдоса *Сарагоса*, *Кадис*), и названия картин (*Крым*, *Ведуга*, *река Ведуга* – серия картин и этюдов известного воронежского художника З. Попова), и названия телесериалов (*Пушкин* – телесериал канала СТС) и др.

Приведенные нами примеры разных типов перехода онимов из одного класса в другой (т.е. разные виды трансонимизации) в той или иной степени присущи многим языкам и носят универсальный характер. В то же время очевидно, что возможности их реализации в конкретных лингвокультурах определяются разными факторами, как лингвистическими, так и экстралингвистическими. К числу лингвистических факторов относятся, в первую очередь, морфологические особенности конкретного языка, и в этом отношении испанский язык обладает большими возможностями трансонимизации по сравнению, скажем, с русским языком.

В связи с этим представляет несомненный интерес выяснение того, какова роль трансонимизации в формировании и переструктурировании испанского антропонимикона, какие типы переходов являются

нормативными при образовании разных видов испанских антропонимов (семейных имен – фамилий и личных имен), являются ли они ригидными или же гибкими, вариативными, как в испанской лингвокультуре исторически складывается полная антропонимическая модель, используемая в официальном регистре общения, главным образом в юридически оформленных документах.

Термин *антропоним* является гиперонимом, он обозначает разные формы именования человека, в числе которых личное имя, патроним (отчество и другие формы именования по отцу), наследуемое семейное имя – фамилия, а также клички, прозвища, псевдонимы [Подольская 1990: 36]. Любой антропоним, как и любое другое имя собственное, призван индивидуализировать и идентифицировать именуемый объект. Совокупность антропонимов образует антропонимикон (антропонимическое пространство) конкретного языка и культуры, в котором с течением времени складывается собственная норма форм именования человека. Нормы эти касаются и отдельных видов антропонимов как средств индивидуализации и идентификации человека, и возможностей их сочетания и последовательности в антропонимической модели – формуле официального имени, используемой в официальном регистре общения, главным образом в юридически оформленных документах.

Антропонимикон конкретного языка и культуры складывается постепенно, и возникновение новых форм именования человека, равно как и расширение состава уже существующих антропонимов неизбежно влечет за собой переструктурирование всей антропонимической системы конкретного этноса.

Антропонимы, как и другие имена собственные – онимы, как известно, являются вторичными единицами. Одни из них, в частности, личные имена и прозвища, появляются в результате онимизации – переходе имен нарицательных в имена собственные. Другие же, за исключением заимствований, имеют отантропонимическое происхождение, они возникают на базе тех антропонимов, которые уже присутствуют в языке.

Исторически первыми формами именования человека являются личные имена и прозвища, которые возникают, повторим, в результате перехода имен нарицательных в имена собственные – онимы, которые в свою очередь служат источником образования либо новых видов антропонимов, к примеру, фамилий или патронимов, либо расширению состава тех имен, которые уже есть в языке. Для этого используются те или иные языковые средства и способы, главными из которых являются морфологический способ (образование новых форм именования челове-

ка с помощью морфологических средств – аффиксов), словосложение (образование новых имен в результате сочетания полных или сокращенных основ имени) и трансонимизация (переходы онимов из одного класса в другой). В нашем исследовании **объектом изучения** является трансонимизация, а **предметом** – использование данного способа в испанской лингвокультуре. При этом мы исходим из положения о том, что трансонимизация является универсальным способом/механизмом обогащения ономастического фонда и его важнейшей составляющей – антропонимического фонда любого этноса, который в каждой конкретной лингвокультуре получает этноспецифическое преломление. **Цель нашего исследования** заключается в том, чтобы выявить возможности трансонимизации в формировании и расширении испанского антропонимического фонда. К числу приоритетных задач исследования относятся описание способов образования как принципиально новых форм онимов в исторической перспективе (таких, как фамилии), так и создание новых личных имен на базе уже существующих онимов, выявление закономерностей переходов разных классов онимов в отдельные виды антропонимов, формирование антропонимической нормы в испанской лингвокультуре, описание присущих ей моделей трансонимизации.

Предваряя описание результатов нашего исследования, следует отметить, что мы рассматриваем не все испанские антропонимы, а лишь наиболее значимую часть испанского антропонимического фонда – фамилии и личные имена. Подобное ограничение языкового материала обусловлено несколькими причинами. Во-первых, тем, что другие формы именования человека, такие как клички, прозвища и псевдонимы, зачастую появляются в языке в результате не трансонимизации – предмета нашего анализа, а онимизации. Во-вторых, только фамилии и личные имена являются официально закрепленными средствами идентификации человека в испанском социуме и именно они формируют так называемую антропонимическую модель – принятый фиксированный состав определенных видов антропонимов и их последовательность. В-третьих, только по отношению к данным видам онимов правомерно говорить о норме, ее развитии и нарушениях.

В каждой лингвокультуре существуют свои антропонимические модели. В русском языке, к примеру, она трехчленная. В нее входят фамилия, имя и отчество индивида. В испанском языке антропонимическая модель, как правило, четырехчленная. Ее этнокультурными особенностями являются, с одной стороны, отсутствие отчеств, а с другой стороны, – наличие двух фамилий. Что касается имен, то обычно их два, хотя может быть и одно имя. Таким образом, в испанской лингвокультуре

туре юридически закреплённая полная антропонимическая модель включает фамилию отца, фамилию матери и два имени индивида.

От имен к фамилиям

Как известно, исторически первыми средствами индивидуализации и идентификации человека в социуме были личные имена и прозвища. Однако с течением времени в коммуникативной практике носителей любого языка и культуры, в том числе и в испанской, все острее ощущалась недостаточная различительная сила личных имен. Причин такого положения дел было несколько. Главная из них – это относительная бедность состава личных имен. Вот что пишет по этому поводу известный отечественный ономаст Н.В. Подольская: «Реестр имен ограничен. Имена личные повторяются, что заставляет давать дополнительные именованья» [Подольская 1990: 36]. Такого же мнения придерживаются и испанские ученые. «Es evidente que la repetición de los nombres de pila hizo necesario el uso de un segundo nombre para distinguir a individuos con el mismo nombre de bautismo», – подчеркивает Р. Фауре (‘Очевидно, что повторяемость крестильных имен сделала необходимым использование какого-нибудь второго имени, чтобы различать людей с одним и тем же именем’) [Faure 2009: XVII]. К этому можно добавить также социокультурные факторы, влияние традиций, согласно которым в Испании первенцу вплоть до наших дней зачастую дается имя отца, а также особое почитание христианских святых и мода на те или иные имена в определенный период времени.

Убедительным подтверждением такого положения дел, настоятельно требующего перестройки антропонимической системы испанского языка, могут служить статистические данные о частотности личных имен в Барселоне в 1900 году, которые приводит Х. М. Альбайхес. На 75% мужчин приходилось всего 7 имен: *Хосе* 27%, *Хуан* 15%, *Антонио* 12%; распространенными были также имена *Мануэль*, *Мигель*, *Луис* и *Рамон*. Аналогичная картина складывалась и среди женских имен. На 57% женского населения Барселоны приходилось всего 5 имен: *Кармен* 15%, *Хосефа* 13%, *Долорес* 12%, *Мерседес* 9% и *Франсиска* 8% [Albaigés 1998: 126-128]. Похожая ситуация с личными именами была в Испании и в средние века, что диктовало насущную необходимость введения в коммуникативную практику других, дополнительных форм именования человека. Такими дополнительными именованьями человека стали наследуемые семейные имена – фамилии. Среди основных источников их образования ученые называют имя отца, клички, прозвища человека, род занятий, должность, социальный статус, место рождения или проживания, в связи с чем выделяют такие

тематические группы фамилий, как патронимические, прозвищные, антропонимические, топонимические (оттопонимные), религиозные, профессиональные, статусные и др. (см., например, [Бондалетов 1983; Унбегаун 1995; Alcantara 1871; Ríos y Ríos 1871]).

Совершенно естественно, что в разных языках и культурах в силу разных причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера вклад указанных источников в образование фамилий оказывается различным. В частности, в русском языке на первом месте по продуктивности стоит имя отца и соответственно патронимические фамилии оказываются наиболее частотными, тогда как топонимы в качестве этимонов фамилий менее востребованы и топонимические фамилии менее репрезентативны в корпусе русских семейных имен (см., например, [Бондалетов 1983; Унбегаун 1995]). В испанском же антропонимиконе все происходит с точностью до наоборот: топонимы-этимоны являются абсолютными лидерами и на долю топонимических фамилий, по данным Р. Фауре, приходится 58,9% всех испанских фамилий, антропонимические фамилии (то есть патронимические/матронимические, прозвищные фамилии и фамилии, восходящие к личным именам) составляют 19,7%, профессиональные – 6,7%, остальные группы фамилий в совокупности дают 14,8% [Faure 2009: 814]. На исключительную важность топонимов в создании испанских фамилий указывают и другие ученые, в том числе первые исследователи испанских семейных имен Х.Г. Алькантара и А. Риос и Риос [Alcantara 1871; Ríos y Ríos 1871] (см. также [Корнева 2024a]). Поскольку в центре нашего внимания находятся переходы онимов из одного класса в другой, в данном случае переход разных форм именования человека в фамилии, то в качестве источников их образования мы будем рассматривать антропонимы, а именно личные имена и прозвища человека, а также топонимы.

Антропонимические фамилии (модель «личное имя → фамилия»)

Многие личные имена разного происхождения, бытующие в коммуникативной практике носителей испанского языка и культуры, с течением времени стали фамилиями в результате перехода «личное имя → фамилия». Назовем лишь некоторые из них: *Andrés, Álvaro, Amado, Amador, Amor* (nombre y mote), *Alejandro*, (*p fr. Alejo, Alfredo, Ángel, Antonio, Gonzalo, Matías, Manrique, Manuel, Marco, Marcos, Felix, Felipe, Fernando, Clemente* и другие. Некоторые из них, в частности *Martín, Alonso, Gil, Marín, Vicente, Lorenzo, Esteban, Durán, Martí, Marcos, Santiago, Román, Gallardo*, согласно данным Р. Фауре, в совре-

менной Испании входят в 100 наиболее распространенных фамилий [Faure 2009: 805-806]. Как свидетельствуют приведенные данные, антропонимические фамилии полностью идентичны личному имени, они являются абсолютными омонимами (см. подробнее об этом [Корнева 2024]) и лишь контекст их употребления в определенных коммуникативных ситуациях позволяет носителю испанского языка и культуры распознавать такие разные виды антропонимов, как личные имена и семейные имена (фамилии). Очевидно, данным обстоятельством и объясняется немногочисленность такого рода фамилий в испанском антропонимиконе, хотя некоторые из них, как указывалось выше, являются достаточно частотными (распространенными).

Фамилии, идентичные по форме личным именам человека, появившимся в результате трансонимизации, в испанской лингвистической традиции выделяются в отдельную группу антропонимических семейных имен. С точки зрения синхронии их выделение вполне правомерно, но оно не совсем корректно с точки зрения диахронии. В диахроническом аспекте отыменные фамилии восходят к дескриптивным номинациям *Nombre Propio, el hijo de quien* ‘личное имя, сын чей’, например, *Juan, el hijo de Sancho* ‘Хуан, сын Санчо’, указывающим на родство по отцовской линии. С течением времени описательная номинация сокращается. Сначала исчезает обозначение родства, затем артикль вплоть до того, что опускаться может даже предлог *de*, и в конечном счете остается только одно имя – имя отца. В итоге исходная номинация в результате подобных сокращений постепенно приобретает следующий вид: [*Juan*], *el hijo de Sancho* → [*Juan*], *el de Sancho* → [*Juan*] *de Sancho* → *Sancho*. В результате такого рода трансформаций от одного и того же этимона – имени отца в испанском языке появились две разные фамилии *De Sancho* и *Sancho*.

Следует подчеркнуть, что если вариант фамилии *Sancho*, как мы видим, абсолютно идентичен личному имени и служит примером трансонимизации и, как следствие, омонимии разных видов антропонимов – имени и фамилии, то другой вариант фамилии *De Sancho* отличается от первого тем, что к личному имени добавляется предлог *De*, который в сочетании с именем собственным имеет значение принадлежности [Рылов 2007; Корнева 2023; 2024]. Будучи частью фамильного имени, предлог этот пишется с заглавной буквы и в испанском языке его назначение заключается не в том, чтобы указать на благородство происхождения, как во французском языке [Alcantara 1871; Faure 2009; Martínez Amador 1987], а в том, чтобы формально отграничить один вид онима от другого, в нашем случае отграничить личное (крестильное) имя от фамилии.

Наряду с такими вариантами патронимических по сути фамилий в испанском языке появляются специализированные средства – патронимические суффиксы *-ez*, *-iz*, *-is*. Таким образом, семантический инвариант патронимической фамилии представлен в испанском языке тремя вариантами. Один из них, как уже отмечалось выше, омонимичен личному имени *Sancho*, а другие два характеризуются изосемичными, но разными формальными средствами – предлогом *de* в *De Sancho* и суффиксом *-ez* в *Sánchez*. К слову сказать, фамилия *Sánchez* занимает 7 место по распространенности в Испании [Faure 2009: 679], что в общем-то неудивительно, поскольку суффикс *-ez* является самым продуктивным в образовании патронимических семейных имен и фамилии *Fernández*, *González*, *López*, *Martínez*, *Rodríguez*, *Pérez* и *Gómez* входят в десятку наиболее распространенных в Испании фамилий (см., например, [Faure 2009 p. 806; см. также Alcantara 1871; Ríos y Ríos 1871]).

Продолжая говорить об антропонимических фамилиях (модель «личное имя → фамилия») важно подчеркнуть, что некоторые наиболее распространенные в Испании мужские имена стали этимоном нескольких фамилий. Среди них имя *Pedro*, популярность которого связана с тем, что так зовут самого почитаемого в христианском мире апостола Святого Петра, и это имя ему дал сам Иисус Христос. В состав этих наследуемых семейных имен, согласно данным «Словаря испанских фамилий» Р. Фауре, входят такие фамилии, как *Pero* – распространенная в античности и средние века форма имени *Pedro*, от которого произошли патронимические фамилии *Pérez*, *Périz*, *Peris*, а также антропонимические фамилии *Perico*, *Perillo*, *Perín*, *Perón*, *Perote* [Faure 2009: 588-589]. Последние являются гипокористическими формами имени *Pero/Pedro* и содержат либо диминутивные/уменьшительные суффиксы *-ico*, *-illo*, *-ín*, либо аугментативные/увеличительные *-ón*, *-ote*. Сказанное означает, что производными оказываются не фамилии типа *Perico*, *Perillo*, *Perín*, *Perón*, *Perote* как таковые, а их этимоны, которые являются производными формами одного и того же личного имени. В отличие от них антропонимические фамилии всегда есть результат трансонимизации личного имени, причем, как свидетельствуют приведенные выше примеры, переход одного вида антропонима в другой (личное имя → фамилия), т.е. трансонимизация, касается не только полного имени (что происходит чаще всего), но и его гипокористических форм (что встречается довольно редко). Тем не менее, фамилии такого рода нельзя назвать исключением, хотя, повторим, они и не являются частотными. Приведем в качестве аргумента еще несколько примеров. Наряду с антропонимической фамилией *Alberto* есть

Albertín, Albertino, Albertón, как и разные формы одного и того же личного имени в таких фамилиях, как *Alfonso – Alfonsín; Álvaro и Alvar, Álvarez; Antonio и Antonín, Antonino, Antolín, Antolino; Fernando – Fer, Fernado, Fernán* [Faure 2009].

В качестве примера назовем также личное имя *Sancho*, которое превратилось в фамилию, равно как и его гипокористические формы *Sanchón, Sanche*, а также сокращенные формы данного имени *San* и *Sa*. Примеры такого рода наглядно демонстрируют, как нарушение произносительной нормы и аббревиация исходной формы, что столь характерно для разговорного стиля речи в целом и особенно ярко проявляется в отдельных регионах Испании, особенно в Андалусии, узаконивает свои права и становится фамилией *San* или *Sa*. Попутно заметим, что эти фамилии относятся к числу довольно редких испанских семейных имен, в отличие от образованных от них патронимических фамилий *Sans, Sáez, Saiz, Saenz, Sáenz*.

Наряду с патронимическими фамилиями в испанском языке есть также матронимические фамилии, правда, они весьма немногочисленные. Причем, что любопытно, образуются они, согласно нашим наблюдениям, исключительно от так называемых парных имен, т.е. от однокоренных мужских и женских личных имен, как, например, *Agustino – Agustina, Antón – Antona, Alberto – Albertina, Juan – Juana, Julián – Juliana, Julio – Julia, Martín – Martina, Sancho – Sancha* (о парных именах в испанском именнике см., например, [Albaigés 1995; Рылов 2010]). Все вышеуказанные женские имена *Agustina, Antona, Albertina, Juana, Juliana, Julia, Martina, Sancha*, а также некоторые другие становятся в результате трансонимизации фамилией, однако в целом, повторим, они представляют довольно редкий для испанского антропонимикона пример матронимических фамилий. Любопытно, что фамилия *Juana* наряду с традиционной формой единственного числа имеет также форму множественного *Juanas*.

Прозвищные фамилии

(модель «прозвище → фамилия»)

Возникшие в древности и бытующие в Испании до сих пор, особенно в сельской местности, прозвища (см., например, [Фирсова 2000]) тоже являются одним из источников образования испанских фамилий [Alcantara 1871; Ríos y Ríos 1871]. Одни из них стилистически нейтральны и отражают те или иные внешние или внутренние характерные черты индивидуума. К примеру, людей со светлой кожей и светлыми волосами в Испании называют *Rubio*, а смуглых и темноволосых людей именуют *Moreno*. Эти же прозвища предстают в испан-

ском антропонимиконе и как фамилии. Образование прозвищных фамилий имеет свои особенности. В частности, в отличие от патронимических семейных имен они произошли уже от готовых прозвищ, восходящих к именам нарицательным, путем простого перехода из одного класса антропонима в другой (переход «прозвище → фамилия» как дальнейшее развитие деривационной цепочки «апеллятив → оним (прозвище) → оним (фамилия)»). Однако сам процесс создания прозвищ буквально повторяет ситуацию с возникновением антропонимических (патронимических) и других типов фамилий. Первоначально они тоже были дескриптивными и имели вид *Juan el delgado*, *Martín el bobo*, но в конечном итоге стали однословными номинациями индивида *Delgado*, *Bobo*.

Прозвища имеют разные источники. Они могут указывать на род занятий человека (например, *Ajo* ‘чеснок’, *Armarío* ‘шкаф’), его умственные способности (*Bobo* ‘глупый’, *Agudo* ‘смышлелый’), внешний вид (*Bello* ‘красивый’, *Hermoso* ‘красивый’, *Feo* ‘некрасивый’, *Gordo* ‘толстый’, *Delgado* ‘худой’, *Barbudo* ‘бородатый’, *Calvo* ‘лысый’), черты характера (*Bravo* ‘храбрый’, *Cortés* ‘вежливый’, *Alegre* ‘веселый’, *Triste* ‘грустный’), родственные связи (*Sobrino* ‘племянник’, *Nieto* ‘внук’) и многие другие качества (*Aguado* ‘непьющий’). Как видно из приведенных примеров, прозвища и их дериваты-фамилии являются своеобразными именами-характеристиками, при этом многие из них содержат оценку, которая может быть как пейоративной, так и мелиоративной, в зависимости от семантики соответствующих лексем – этимонов прозвищных имен. К числу первых относятся фамилии типа *Bajo*, *Feo*, *Bobo*, *Guarro*, *Verdugo*, *Gordo*, *Dordillo*, к числу вторых – фамилии типа *Hermoso*, *Bello*, *Bellido*.

Следует отметить, что в фамилиях аксиологический компонент значения прозвища-этимона утрачивается, он представляет интерес лишь для лингвиста да отдельных любопытных наивных пользователей языка. Вряд ли кто из нас, услышав фамилию известного отечественного поэта *Некрасов*, связывает его фамилию с внешними данными предков поэта.

Особняком среди прозвищных семейных имен стоит фамилия *Matamoros* – прозвищная форма именования апостола Сантьяго, покровителя Испании. Так происходит, вероятно, потому, что столь продуктивная в испанском языке модель словосложения, служащая для обозначения профессий (*guardabosque/s* ‘лесник’, *guardaespalda/s* ‘телохранитель’), включая их пейоративные номинации (*sacamuélas* ‘зубодер’, *matasanos* ‘убийца здоровых’), а также названия инструментов (*abrelatas* ‘консервный нож’, *sacacorcho/s* ‘штопор’) и других «функ-

циональных» артефактов (*rompeolas* ‘волнорез’) (см., например, [Арутюнова 2007; Nueva Gramática Española 2009]), в образовании прозвищ не задействована. Таким образом, наблюдается дистрибуция и специализация языковых средств/моделей словообразования для создания слов разных классов и разных тематических групп.

Некоторые прозвищные фамилии относятся к числу распространенных семейных имен современной Испании. Среди них *Romero, Blanco, Rubio, Delgado, Calvo, Cano, Cortés, Bravo* и др. [Faure 2009: 805-806].

Справедливости ради следует сказать, что точно определить происхождение прозвищных и иных антропонимических фамилий удастся не всегда, поскольку их этимологией может быть и личное имя, и прозвище, как в случае с онимом *Amor*, который является и именем, и прозвищем. Тематический состав таких «мирских» имен, перешедших в разряд фамилий в результате трансонимизации, достаточно разнообразен. Среди них и аффективные имена типа *Tierno, Bueno, Bello, Donoso*; имена-пожелания *Buendía, Buenhombre*; имена религиозного содержания *Diosdado, De Jesús*; имена, связанные с рождением ребенка, его (не)законным происхождением *Bastardo, Borde, Tardío, Temprano* или месяцем рождения *Enero, Febrero, Marzo, Abril* и др.

Подобные «мирские» имена были довольно распространены в средневековой Испании и давались ребенку в качестве второго или даже только одного крестильного имени вплоть до XVI в., когда обязательным стало использование только тех имен, которые отмечены в католических святцах.

Сложные антропонимические фамилии

(модель «личное имя + личное имя → фамилия»)

К антропонимическим семейным именам относятся также сложные по словообразовательной структуре фамилии, которые строятся по модели «личное имя + личное имя». Среди них фамилии *Perandrés* (Pero + Andrés), *Periáñez* (Pero + Yáñez), *Peribáñez* (Pero + Ibáñez), *Perogil* (Pero + Gil), *Peromingo* (Pero + Mingo) [Faure 2009: 589]. Подобные сложные фамилии отражают принятые в испанском социуме традиции именования человека, согласно которым ребенку при рождении давали два личных имени, и такое двойное имя индивида закрепилось в коммуникативной практике носителей испанского языка и культуры. Применительно к способу образования антропонимических фамилий такого рода, на наш взгляд, также можно говорить о трансонимизации, хотя чисто с формальной точки зрения они представляют собой словосложение. Используя классификацию и терминологию Н.Д. Арутюно-

вой, крупнейшего специалиста в области словообразования в испанском языке, их можно считать копулятив-ными сложными существительными синтактико-морфологического способа образования [Артунова 2007: 185]. Но опять-таки повторим, что поскольку в фамилии воспроизводится закреплённая в языке и узусе подобная форма именования человека, то это значит, что речь идет о **трансонимизации** двойного имени, в ходе которой происходит сращение личных имен, что находит отражение в их графическом оформлении (слитном написании).

Сложные антропонимические фамилии (модель «фамилия + фамилия → фамилия»)

Аналогичным образом образуются в результате сращения сложные фамилии, этимоном которых являются уже существующие в языке и коммуникативной практике носителей испанского языка и культуры фамилии (модель «фамилия + фамилия → фамилия»). Первым компонентом таких сложных семейных имен зачастую является патронимическая фамилия, а вторым – фамилия либо тоже патронимического происхождения, либо другого происхождения. Например, патронимическая фамилия *Pérez* входит в состав таких семейных имен, как *Perezacedo*, *Perezaguirre*, *Perezálvarez*, *Perezgil*, *Perezrobles* и др. (см., например, [Faure 2009: 589]). Образование подобных сложных семейных имен опять-таки отражает коммуникативную практику носителей испанского языка и культуры, согласно которой в антропонимическую модель входят две фамилии – отца и матери. Ученые находят этому и другое объяснение. Они полагают, что создание сложных фамилий может быть продиктовано желанием коммуникантов сохранить для будущих поколений и фамилию отца, и фамилию матери, поскольку последняя сохраняется только у детей, т.е. в первом поколении. Особенно очевидно такое желание у представителей знатных родов. Естественно, что в коммуникативной практике носителей испанского языка и культуры такие сложные по структуре фамилии предстают как одно семейное имя, которое в определенных коммуникативных условиях дополняется второй фамилией.

Примечателен сам факт появления в испанском антропонимиконе сложных семейных имен, будь то сочетание личных имен или же сочетание фамилий. Он примечателен не только тем, что ведет к расширению и обогащению корпуса испанских семейных наследуемых имен, но и тем, что, с одной стороны, в языке закрепляются узуальные формы использования онимов в коммуникативной практике носителей испанского языка и культуры, а с другой стороны, складывается опреде-

ленная норма их образования: компонентами сложных фамилий могут быть антропонимы только одного вида, либо только имена, либо только фамилии. Тем самым в образовании сложных фамилий проявляются системные связи языка, согласно которым сочетаться друг с другом могут только однопорядковые/одноуровневые языковые единицы.

Таким образом, мы видим, как разные формы и соответственно нормы употребления индивидуального имени человека как отдельного представителя социума под влиянием коммуникативных практик становятся формами и соответственно нормами образования имен уже не отдельных индивидуумов, а определенных групп людей, связанных семейными родственными узами, и эти новые виды антропонимов – фамилии передаются по наследству. Обращает на себя внимание тот факт, что антропонимические фамилии, независимо от того, восходят ли они к личному имени человека (простому или двойному) или же к его прозвищу, всегда есть результат трансонимизации.

Естественным следствием такого положения дел, когда в коммуникативную практику входят новые виды антропонимов, является переструктурирование антропонимикона, в котором разные ниши занимают с точки зрения формы одни и те же онимы. При этом происходит специализация разных видов антропонимов: одни из них доминируют в обиходном дискурсе, в разных ситуациях неформального бытового общения, тогда как другие тяготеют к использованию в официальных ситуациях общения (см., например, [Фирсова 2000; Рылов 2010]).

В результате складывается определенная норма употребления разных видов антропонимов, в частности, разграничение использования личных имен в одном регистре общения, в одних коммуникативно-дискурсивных условиях, а фамилий в других, равно как и возможности их сочетания друг с другом (имя + фамилия) или же с титульными и иными статусными/возрастными обозначениями человека типа *don/doña* или *señor/señora* (см. об этом [Фирсова 2000; Рылов 2010]).

Иными словами, в испанском ономастическом пространстве под влиянием коммуникативных практик формируется антропонимическая модель. Полная антропонимическая модель в испанском языке/в испанской лингвокультуре, как уже отмечалось ранее, обычно состоит из четырех компонентов: двух личных имен и двух фамилий. Она может быть представлена также трехчленным вариантом, если у индивидуума официально зарегистрировано лишь одно имя. С именами все понятно, поскольку мы уже говорили о том, что испанцы зачастую имеют либо одно личное имя, либо два, последние в свою очередь могут быть либо двойными (*María Gloria*), либо составными (*María de la Gloria*). Одна-

ко у представителей других лингвокультур и других традиций именования человека возникает естественный вопрос: а откуда же берутся две фамилии? Дело в том, что в полную антропонимическую модель наряду с именем/именами человека входят также фамилии родителей – матери и отца, причем до недавнего времени в Испании существовала жесткая норма относительно последовательности их фамилий: сначала используется фамилия отца, а затем уже фамилия матери. Однако под влиянием социальных факторов, в числе которых – изменение положения женщины в современном обществе и демократизация испанского общества в целом, ригидная норма строгого порядка следования фамилий уступила место вариативной норме, согласно которой первой может быть фамилия как отца, так и матери, в зависимости от желания самих коммуникантов.

Топонимические фамилии (модель «топоним → фамилия»)

Топонимы занимают особое место среди разнообразных средств и способов расширения семантического пространства любого языка. Отличительной чертой испанских топонимов являются их необычайно широкие возможности разного рода переходов в другие онимы, в том числе и в антропонимы, что особенно очевидно на фоне других языков, в частности русского языка (см., например, [Корнева, Тужикова 2022, 2023; Корнева 2024а]. В количественном отношении среди оттопонимных онимов выделяются фамилии, которые, как уже отмечалось выше, составляют больше половины всех испанских фамилий. Тем не менее, если сравнить количество топонимов и количество восходящих к ним семейных имен, то они просто не сопоставимы. Согласно нашим данным, количество топонимов значительно превышает количество топонимических фамилий. Показательно в связи с этим соотношение географических названий с самыми продуктивными в испанском топонимиконе топоосновами *valle* ‘долина’ и *monte* ‘высокая гора’ и восходящих к ним фамилиям. Для первых оно составляет 165 и 29, а для вторых 154 и 21 (см. подробнее [Корнева 2024]). Столь явно выраженный дисбаланс между количеством фамилий и их этимонами, о причинах которого будет сказано ниже, вряд ли может быть случайным, что побуждает нас обратиться к анализу самих географических названий.

Прежде всего, отметим, что топонимы весьма разнообразны по семантике своих топооснов: вспомним ставшее уже традиционным деление по этому принципу таких разрядов топонимов, как оротопонимы, зоотопонимы, агиотопонимы, антропотопонимы и др. (см., например, [Суперанская 2021; García Sánchez 2007]). Однако семанти-

ческий критерий, как показали наши наблюдения, проявляется лишь в большей или меньшей продуктивности соответствующих топооснов, но никак не влияет на образование фамилий.

Географические названия различаются не только по семантике, но и по структуре.

С точки зрения словообразовательной структуры топонимы в испанском языке мало чем отличаются от других знаменательных слов языка. Среди них есть и простые топономинации (непроизводные и производные), и сложные, и составные. Правда, отдельные модели образования в топонимике более продуктивны на фоне других разрядов слов, на что в свое время обратила внимание Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 2007] (об особенностях образования испанских топонимов см. также [Меняйлова 2013; Корнева, Тужикова 2022; 2023]). За исключением подобной избирательности в выборе словообразовательных моделей принципиального различия между образованием географических названий и других слов нет, что объясняется системным характером языка и тем, что топонимы представляют собой часть системы испанского языка.

Для трансонимизации топонимов, как мы увидим в дальнейшем, важное значение имеет не столько способ образования (структурный тип) топонима, сколько его графическое оформление, т.е. разграничение топонимов-универбов (однословных цельнооформленных названий) и составных топонимов (расчлененных раздельнооформленных номинаций). Как и при образовании патронимических фамилий, в них отсутствуют однозначные корреляции между количеством топонимов и восходящим к ним фамилиям. Однако если патронимических фамилий обычно в несколько раз больше, чем личных имен, то в топонимических фамилиях наблюдается принципиально иная картина: количество фамилий намного меньше количества топонимов. Согласно нашим данным, только 21 фамилия образована от 154 географических названий с топоосновой *monte* ‘высокая гора’. Аналогичные различия отмечены и в фамилиях, восходящих к географическим названиям с топоосновой *valle* ‘долина’ (их соотношение составляет соответственно 29 и 165 единиц) и другими топонимами-этимонами (см. подробнее [Корнева 2024a]). Подобный дисбаланс между количеством фамилий и их топонимическими этимонами свидетельствует о том, что существуют определенные закономерности создания топонимических фамилий.

Эти закономерности заключаются в том, что в отличие от патронимических фамилий, которые, как уже отмечалось, образуются либо путем трансонимизации личного имени, либо путем использования дополнительных языковых средств (предлога *de* или суффикса), топони-

мические фамилии всегда есть результат трансонимизации топонимов, которая может быть как полной, так и частичной. Полная трансонимизация топонимов наблюдается в тех случаях, когда фамилией становится топоним-универб, независимо от его словообразовательной структуры. К примеру, и производные топонимы типа *Montiel*, *Montilla*, *Monzón*, и сложные топонимы типа *Monteagudo*, *Montalbán*, *Montoro* дали идентичные по форме фамилии [Faure 2009: 525-526; Alcantara 1871: 12; Ríos y Ríos 1871: 267]. Частичная трансонимизация происходит тогда, когда этимологом фамилии является составное географическое название, созданное по модели «nombre + de + nombre». В таких случаях фамилией становится либо первый компонент топонима (*Monte de Ariza* → *Monte*, *Montes de Valdeza* → *Montes*), либо второй, причем предлог в нем может как сохраняться (*Del Monte*), так и исчезать (*Monte*). Таким образом, подчеркнем, что при частичной трансонимизации трехкомпонентная модель составного топонима в фамилии никогда не воспроизводится полностью, поскольку в ней обязательно элиминируется один из ее компонентов.

Суммируя все вышесказанное, отметим следующие особенности образования топонимических фамилий.

Во-первых, количество топонимов многократно превышает количество топонимических фамилий. В проанализированном нами материале их соотношение колеблется от 1 : 2, 1 : 3 до 1 : 12 и, возможно, даже больше. Такое положение дел объясняется полным отсутствием раздельнооформленных фамилий с двумя и более знаменательными словами при их широком распространении в топонимиконе, в котором, наоборот, представлено большое количество составных топонимов с одной и той же производящей основой.

Во-вторых, исходная форма топонима сохраняется в фамилиях в том случае, если топоним представляет собой цельнооформленную универбальную номинацию, независимо от его словообразовательной структуры, является ли он непроизводным, производным или сложным.

В-третьих, если топоним является составным, образованным по единственной в испанском языке модели «nombre + de + nombre», то при трансонимизации – при переходе топонима в фамильное имя – всегда утрачивается один из его компонентов, либо первый *nombre*, либо второй *de + nombre*, либо связочная часть (предлог/предлог + артикль) в зависимости от того, какой из них, по мнению коммуникантов, обладает большей дифференцирующей силой. Чаще всего сохраняется и становится фамилией первый компонент составной топонимации, который с точки зрения словообразовательной структуры, как правило, является сложным названием, хотя он может быть и про-

стым – непроизводным или производным. Если же фамилией становится второй компонент составного топонима, то в ней может сохраняться предлог *de*. Так из полного географического названия, например, *Cardiel de los Montes*, рождается фамилия *De los Montes*.

О значимости данного способа формирования испанского ономастикона убедительно свидетельствует тот факт, что самый многочисленный класс испанских фамилий, на долю которых приходится более половины всех испанских семейных имен, имеет топонимическое происхождение. Важно при этом подчеркнуть, что все без исключения топонимические фамилии есть результат трансонимизации; в образовании других по происхождению групп фамилий, в частности, патронимических, также задействована трансонимизация, но в меньшем объеме, только как одно из средств их создания [Корнева, 2024]. Трансонимизация внесла весомый вклад в формирование и другого вида антропонимов – женских личных имен, восходящих к титульным номинациям Девы Марии, а также религиозных онимов – экклезионимов и агионимов.

Агионимы как источник антропонимов

(фамилий и личных женский имен)

Сложные отагиомные фамилии

(модель «San/Santa + имя1 + de + имя2 → фамилия San/Santa + имя1»)

Иногда деривационная цепочка переходов одних онимов в другие (т.е. трансонимизация) имеет более сложный вид. Особенно показательно в этом отношении образование фамилий с компонентом-агионимом (именем святого). Согласно данным этимологических источников, сначала строится церковь, посвященная тому или святому, затем вокруг нее возникает поселение, которое в свою очередь является этимоном фамилии (см., например, [Faure 2009: 678]). Иными словами, трансонимизация в случаях такого рода предстает в виде целой деривационной цепочки «агионим → экклезионим → топоним → фамилия». Поскольку этимоном фамилии являются не агионимы и не экклезионимы, входящие в деривационную цепочку, а именно топонимы, то очевидно, что многие фамилии с компонентом *San/Santa* имеют топонимическое происхождение. Среди них фамилия *Sampedro* и ее региональные варианты *Samper*, *Sampere*, *Semper*, *Sempere*, а также фамилии *Sampol*, *Sanagustín*, *Sanclemente*, *Sancristóbal*, *Sanfélix*, *Sanfrancisco*, *Sanjuan*, *Sanmiguel*, *Sanmillán*, *Sanromán*, *Sanesteban*, *Santodomingo* и др. Среди почитаемых в Испании святых есть немало женщин, посвятивших себя служению церкви. Их имена запечатлены в таких фамилиях, как *Santabárbara*, *Santacatalina*, *Santaeulalia*, *Santamarina*,

Santana, Santasusana и др. (см., например, [Faure 2009: 589]; см. также [Шеминова 2009]). Эти и другие сложные топонимические фамилии с компонентом *San/Santa* возникли в результате сращения исходной раздельнооформленной расчлененной номинации и, как правило, пишутся слитно. Исключения составляют некоторые графические варианты фамилий из числа указанных выше, которые пишутся через дефис. Например, *San-Juan, San-Martín, Santa-María*. Фамилии такого рода являются, пользуясь терминологией Н.Д. Арутюновой, копулятивными сложными существительными синтактико-морфологического способа образования, по типу денотации они совпадают с классом экзоцентрических сложных слов, который, согласно данным Н.Д. Арутюновой, является самым продуктивным в испанском языке классом сложных слов [Арутюнова 2007: 184-185].

Факты такого рода убеждают нас в следующем. Во-первых, образование сложных фамилий не только не противоречит нормам образования сложных слов в испанском языке, но, напротив, строго следует им. Во-вторых, давление нормы языка проявляется и в том, что этимон перечисленных выше фамилий установить точно невозможно, поскольку им является не один топоним, а несколько, причем все они являются составными топониминациями, а в случаях такого рода, как уже отмечалось выше, фамилией становится не все географическое название, а лишь его наиболее значимая, с точки зрения коммуникантов, часть. Применительно к нашему материалу – названиям с именем святого/святой, коммуникативно значимым оказывается агионим (*San/Santa* + *имя1* + предлог *de* + *имя2*), который в результате неполной трансонимизации становится фамилией. Так, к примеру, от топонимов *San Andrés de Llavaneres, San Andrés de Teixido, San Andrés de Valongo, San Andrés de la Regla* происходит только одна фамилия *Sanandrés*. Аналогичным образом фамилия *Sanjuan* восходит к топонимам *San Juan de Aznalfarache, San Juan de Bayón, San Juan de Beleño, San Juan de Enova, San Juan de Faiján, San Juan de Mollet, San Juan de Poboeiros, San Juan de Redondo, San Juan de Torruella, San Juan de las Abadesas* (см., например, [Faure 2009: 698]). От 12 составных топонимов *San Miguel de* + *имя* тоже произошла лишь одна фамилия *Sanmiguel*. Подобное соотношение топонимов-этимонов и фамилий характерно и для топонимических семейных имен, восходящих к имени святой. В частности, 11 топонимов *Santa María de* + *имя* дали жизнь фамилии *Santa-María*.

Практически полное отсутствие в географических названиях одного только имени святого, с одной стороны, а также повторяющиеся в топониминациях имена одних и тех же святых, с другой стороны, при-

водят к образованию многочисленных составных топонимов, которые при переходе в фамилии в результате неполной трансонимизации утрачивают уточняющий атрибутивный компонент и сохраняют лишь агионим – имя святого (примеры см. выше).

Обращает на себя внимание абсолютная идентичность образования фамилий от составных топонимов, первым компонентом которых являются слова разных лексико-семантических групп, включая имена святых–агионимы, когда фамилией становится первый компонент топониминации. Однако если для агионимов это единственный способ перехода имени святого в фамилию (модель «*San /Santa* + имя1 + *de* + имя2 → фамилия *San/Santa* + имя1»), то для компонентов любой другой семантики коммуникативно значимым может оказаться как первый, так и второй компонент составной номинации, который и становится фамилией. Иными словами, нормативными являются следующие модели образования топонимических фамильных имен: 1) топоним «имя1 + *de* + имя2 → фамилия имя1»; 2) топоним «имя1 + *de* + имя2 → фамилия *de* + имя2»; 3) топоним «имя1 + *de* + имя2 → фамилия имя2».

Женские личные имена

(модель «агионим → личное имя»)

Агионим – имя святого [Подольская 1988: 149]. К числу агионимов относятся широко распространенные в испанской лингвокультуре так называемые «титulyные номинации» Девы Марии. Так в отечественной лингвистике принято обозначать составные обозначения Богородицы, второй компонент которых индивидуализирует имя святой по разным основаниям, будь то ее благодеяния и добродетели, место земного пребывания или же легенды и притчи о ней [García Gallarín 1998; Рылов 2010]. По сути своей титульные номинации схожи с названиями православных икон Богородицы, таких, например, как *Утешение*, *Нечаянная радость*, *Казанская*, *Владимирская* и др. Число подобных названий Богородицы в русской православной иконографии невелико по сравнению с титульными номинациями Девы Марии в странах испаноязычного мира, исповедующих католицизм. В качестве примера назовем лишь некоторые из них: *María del Carmen*, *María de la Navidad*, *Virgen del Camino*, *María de la Gloria*, *María del Consuelo*. Разница между русскими и испанскими титульными номинациями Богородицы заключается не только и не столько в их количестве и внешней форме, сколько в их разном функционально-семиотическом потенциале.

В испанском языке разные формы именования Девы Марии могут обозначать ее скульптурные и иные изображения, культовые религиоз-

ные сооружения – часовни, церкви, а также монастыри, т.е. агонимы в результате трансонимизации переходят в другой разряд религиозных онимов – экклезионимы. Согласно определению Н.В. Подольской, экклезионим — это «класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [Подольская 1988: 149].

Пресвятая Дева Мария является заступницей и покровительницей многих мест испаноязычного мира. В частности, покровительницей Мадрида является Божья Матерь Альмудена *María de la Almudena*, покровительницей Леона – *Nuestra Señora del Camino*, а покровительницей Мексики и Латинской Америки в целом – *María de Guadalupe*. Особое почитание Девы Марии в испаноязычном мире привело к тому, что многие ее титульные номинации стали женским личным именем. В испанской ономастике их обозначают термином *advocaciones marianas*. Имен, восходящих к титульным номинациям Богородицы, в испанском языке так много, что Р. Фауре, составитель «Словаря личных имен», заранее извиняется перед читателем за отсутствие в словаре многих «марианских» имен, поскольку из одних только общенациональных и региональных имен можно было бы составить целый словарь [Faure 2007: XIII]. Подтверждением этому могут служить данные, которые приводит С. Гарсия Гайлярин в «Словаре испанских крестильных имен», в котором она называет 154 (!) титульных имени пресвятой Богородицы [García Gallarín 1998].

С формальной точки зрения титульные номинации Богородицы в испанском языке ничем не отличаются от рассмотренных нами ранее составных топонимов. Они также строятся по модели «имя₁ + *de* + имя₂», первым компонентом которой чаще всего является личное имя Богоматери (*María*) и гораздо реже – другие косвенные ее номинации (*Nuestra Señora*, *Virgen*), а второй компонент имеет форму атрибутивной конструкции. Тем не менее, образование женских личных имен от титульных номинаций Богородицы существенно отличается от образования топонимических фамилий. Эти отличия проявляются в следующем.

Во-первых, женские личные имена могут быть абсолютно идентичны титульной номинации Богородицы, ср. *María de los Dolores* – имя, и *María de los Dolores* – Дева Мария, и только разные дискурсивные условия их употребления позволяют коммуникантам понять, о ком идет речь. Иными словами, в случаях такого рода речь идет о полной трансонимизации титульной номинации Девы Марии. Справедливости ради отметим, что пик популярности таких составных имен давно про-

шел; в настоящее время они встречаются редко, да и то у представительниц старшего поколения (см., например, [Albaigés 1998; Рылов 2010]).

Во-вторых, в составных женских именах связующие элементы (предлог и возможный артикль) могут опускаться, в результате чего появляются новые имена *María Dolores*, которые формально трактуются уже иначе, не как составные, а как двойные имена, подобные двойным мужским именам типа *Juan Carlos*.

В-третьих, самостоятельным уже простым именем может стать конечный компонент титульной номинации Богородицы, когда *María de los Dolores* превращается в *Dolores*, в котором в отличие от топонимических фамилий в принципе не может быть препозитивных элементов (предлога и артикля) (об эволюции женских имен см., например, [Albaigés 1998; Рылов 2010]). Так в испанском ономастике появились такие «странные» с точки зрения носителей другой культуры имена, как *Dolores* ‘страдания’, *Camino* ‘дорога’, *Concepción* ‘зачатие’, *Amparo* ‘прибежище’, *Consuelo* ‘утешение’ и многие другие.

В-четвертых, если первым компонентом титульных номинаций Богородицы является не личное имя *María*, а другие формы ее именования, то женским именем всегда становится опять-таки только последний компонент, выраженный знаменательным словом. Таково происхождение имен *Montaña* (от *Nuestra Señora de la Montaña*), *Monte* (от *Nuestra Señora del Monte*), *Montserrat* (от *Virgen de Montserrat*), *Peña* (от *Nuestra Señora de la Peña*), *Camino* (от *Nuestra Señora del Camino*) [Faure 2007: 537, 595, 171].

В-пятых, единственным способом образования женских личных имен от титульных номинаций Богородицы в испанском языке является опять-таки трансонимизация, которая имеет варианты и может быть как полной, так и частичной.

Выводы

Антропонимы представляют собой достаточно разнородный класс языковых единиц, служащих для идентификации и индивидуализации человека в определенном социуме. В связи с этим принципиально важным было выяснение того, как в испанской лингвокультуре в результате трансонимизации на базе уже существующих в коммуникативной практике имен собственных происходит образование **двух** основных разрядов антропонимов – наследуемых семейных имен (фамилий) и личных имен.

Поскольку только имена и фамилии являются официально признанными, а потому **облигаторными** формами именования индивида, то только по отношению к ним правомерно говорить о закономерности

стях (норме) их образования и функционирования. В связи с этим в центре нашего внимания было выявление того, как в испанской лингвокультуре происходил переход разных видов онимов в семейные и личные имена, как складывалась норма их образования, является ли она ригидной или лабильной, инвариантной или вариативной.

Проведенное нами исследование образования в результате трансонимизации новых антропонимов (как принципиального нового класса – семейного имени, так и уже существующего в коммуникативной практике онима – личного имени) показало, как происходит когнитивная и номинативная деятельность носителей испанского языка и культуры в конкретном культурном пространстве. Естественным и вполне закономерным следствием введения в коммуникативную практику новых форм именования индивида – фамилии – стало не только кардинальное переструктурирование испанского антропонимикона и формирование новой антропонимической модели, но и более тонкая и точная идентификация отдельного члена испанского социума.

Проанализированный языковой материал позволяет утверждать, что существует определенная «специализация» переходов одних онимов в другие, в частности, переходов онимов в антропонимы, а именно в фамильные и личные женские имена.

Основным механизмом (способом) формирования фамилий является **трансонимизация**, т.е. переход отдельных классов онимов в семейные имена. В зависимости от статуса (категориальной принадлежности) онима-этимона фамилии различают антропонимические (отыменные), прозвищные и отагионимные фамилии, причем антропонимические семейные имена могут быть как простыми, так и сложными, т.е. они могут состоять либо из одного онима, либо из двух (при этом неважно, является ли исходный оним по своей словообразовательной структуре простым, производным или сложным). Образование каждой из этих фамильных групп с течением времени стало нормативным, что позволило нам выделить основные модели формирования испанских фамилий.

Антропонимические простые фамилии образуются по модели «личное имя → фамилия». Как правило, это так называемые патронимические фамилии, всходящие к имени отца. Иногда их источником может стать имя матери, и такие фамилии составляют весьма немногочисленную группу матронимических семейных имен. Матронимические фамилии всегда есть результат простого перехода личного имени матери в наследуемое имя без каких-либо изменений. Применительно к ним можно говорить о единственной форме и соответственно ригидной норме их образования в отличие от патронимических фамилий,

для создания которых в испанском языке задействованы три варианта, два из которых основаны на трансонимизации, тогда как третий является морфологическим способом образования данного разряда фамилий с помощью специализированных патронимических суффиксов (см. подробнее [Корнева 2024a]). В случае трансонимизации имя отца, как и имя матери, становится фамилией. Вариантом данной модели является сочетание имени с предлогом *de* (*de* + имя). Исследователи склонны считать, что тем самым благодаря предлогу происходит разграничение омонимичных форм имени и фамилии.

Таким образом, семантический инвариант патронимической фамилии в испанском языке представлен несколькими вариантами, а норма их образования оказывается множественной и вариативной. Чаще всего патронимические фамилии как результат трансонимизации оказываются идентичными имени отца. Последнее обстоятельство убеждает нас в справедливости утверждения Л.И. Гришаевой о том, что норма реализуется в пределах «обязательно ⇔ факультативно», «желательно ⇔ нежелательно», «поощряемо ⇔ запретно» (см. подробнее [Гришаева 2023]).

Прозвищные фамилии – другая группа семейных имен, которую исследователи иногда включают в число антропонимических фамилий, восходят к модели «прозвище → фамилия». Они создаются исключительно путем перехода прозвища в фамилию, и норма их образования носит ригидный характер.

Иначе в испанском ономастиконе/антропонимиконе складывается норма образования **сложных** антропонимических фамилий, которые создаются разными способами, но всегда в результате сочетания антропонимов одного и того же ранга, будь то личные имена (модель «личное имя1 + личное имя2 → фамилия») или фамилии (модель «фамилия1 + фамилия2 → фамилия»). С учетом источника их возникновения можно разграничивать отыменные и отфамильные наследуемые семейные имена. Иными словами, инвариант сложных антропонимических фамилий реализуется в испанском языке в виде двух вариантов, однако норма их образования оказывается единственно возможной, а потому ригидной.

Топонимические фамилии, источником которых являются географические названия, как уже отмечалось ранее, образуют самую многочисленную группу, на их долю приходится более половины всех испанских семейных имен. Важно при этом, что все без исключения топонимические фамилии есть результат трансонимизации; в образовании других по происхождению групп фамилий, в частности, патро-

нимических, также задействована трансонимизация, но в меньшем объеме, только как одно из средств их создания [Корнева, 2024a].

При переходе топонимов в фамильные имена первостепенное значение имеет словообразовательная структура топонима-этимона, точнее способ его оформления. Цельнооформленные топонимы-универбы, независимо от того, являются ли они простыми, производными или сложными, при переходе в фамилии всегда сохраняют исходную форму (модель «топоним → фамилия»). В отличие от них раздельнооформленные составные топонимы, имеющие вид «имя1 + предлог [+ артикль] + имя2», при переходе в фамилии никогда не воспроизводят полностью исходную структуру топонима-этимона. В случаях такого рода фамилией становится один из компонентов составной топонимации. Это может быть либо первое или второе имя, либо сочетание предлога со вторым именем, т.е. в основе образования фамильных имен от составных топонимов лежат следующие модели: 1) «имя1 + предлог [+ артикль] + имя2 → фамилия имя1»; 2) модель «имя1 + предлог [+ артикль] + имя2 → фамилия предлог [+ артикль] + имя2»; 3) «имя1 + предлог [+ артикль] + имя2 → фамилия предлог [+ артикль] + имя2». Применительно к таким фамилиям правомерно говорить о неполной трансонимизации, а также о соотношении инварианта и вариантов и в конечном итоге о вариативности нормы образования семейных имен от составных раздельнооформленных географических названий.

В отличие от топонимических фамилий, количество которых в несколько раз меньше, чем топонимов, образование антропонимических фамилий от наиболее распространенных в Испании личных имен характеризуется большим разнообразием как в количественном, так и в качественном отношении, поскольку в результате трансонимизации фамилией становится не только полное личное имя, но и его дериваты – гипокористические и диминутивные имена. В частности, имя *Juan* и его гипокористические и диминутивные формы стали фамилиями *Juan*, *Juane*, *Juanico*, *Juanillo*, *Juanino*, *Juano*.

Важную роль в развитии и переструктурировании испанского антропонимикона играют также агионимы – имена святых, что опять-таки отражает особенности культуры испаноязычного этноса. Агионимы широко представлены в испанских фамилиях и в меньшей степени в другом виде антропонимов – в женских личных именах.

Отагионимные фамилии восходят к топонимам, т.е. они также являются топонимическими. Тем не менее исследователи не без оснований склонны выделять их в отдельную группу фамильных имен. Мы также считаем правомерным рассматривать их отдельно в силу следу-

ющих причин. Во-первых, потому, что имя святого в географических названиях, как правило, пишется отдельно и имеет вид *San/Santo* + *имя1*, тогда как при их переходе в фамилию происходит стяжение (агглютинация) этих компонентов и расчлененная номинация становится цельнооформленным универбом. Во-вторых, этимолом отагионимных фамилий обычно являются составные топонимы, однако в отличие от собственно топонимических фамилий, восходящих к составным топонимациям, которые в результате неполной трансонимизации образуются по трем разным моделям и предоставляют коммуникантам выбор одной из них в процессе их создания, отагионимные же фамилии строятся по одной-единственной модели.

Вариативность нормы отмечена и у **личных женских имен**, восходящих к титульным номинациям Богородицы. В зависимости от лексического наполнения титульной номинации Богородицы возникают разные личные женские имена, в основе которых лежат разные модели личных имен. В случае обозначения Богородицы личным именем возможны три варианта женского имени. Один из них полностью воспроизводит четырехчленную (трехчленную при слиянии предлога с артиклем перед существительным мужского рода ед. числа) номинацию Богородицы (модель «*имя1* + предлог + артикль + *имя2*»), второй сохраняет лишь входящие в ее состав собственные имена (модель «*имя1* + *имя2*»), в нем происходит элиминация связочных компонентов – предлога и артикля, а в третьем остается лишь последнее имя составной номинации Девы Марии (модель «*имя2*»), поскольку именно оно обладает наибольшей дифференцирующей силой. В случае же обозначения Богородицы не личным именем, а другим изофункциональным средством – апеллятивом *Virgen* или [*Nuestra*] *Señora* (модель «*имя1* = *Virgen*/[*Nuestra*] *Señora* + предлог + артикль + *имя2*»), единственно возможным оказывается лишь третий вариант – последнее имя (модель «*имя2*»). Таким образом, существуют определенные закономерности создания так называемых марианских имен, восходящих к титульной номинации Богородицы, а норма их образования в зависимости от самой формы исходной номинации Девы Марии может быть как вариативной, лабильной (в первом случае), так и жестко закреплённой, ригидной (во втором случае).

В заключение в качестве доказательства той огромной роли, которую играет трансонимизация (полная или неполная) в антропонимическом пространстве испанского языка приведем оним *Montserrat*. Он восходит к названию горы *Montserrat*, которое в результате полной трансонимизации становится названием населенного пункта, а затем фамилией, а в результате частичной трансонимизации данный оним

превращается в компонент агιονима – составной титульной номинации Богородицы *Virgen de Montserrat*, полное именование которой в свою очередь стало эклезионимом – названием монастыря и разных изображений *Virgen de Montserrat*, а ее второй компонент – женским личным именем *Montserrat*. Иными словами, деривационная цепочка данного имени выглядит следующим образом:

1. ороним → ойконим → антропоним (фамилия);
2. ороним → агιονим (титульная номинация Девы Марии) → эклезионим → антропоним (женское имя);
3. ороним → агιονим (титульная номинация Девы Марии) → эклезионим (изображение темнокожей Девы Марии) → прозвище (Moreneta) → антропоним (женское имя).

4.2. Вариативность нормы в семантическом пространстве художественного форматирования смысла

Вариативность языковой нормы обусловлена самой творческой природой человеческого сознания. В семантико-когнитивных исследованиях выявляются разнообразные форматы языковой репрезентации смысла, воплощающие динамические связи языка и мышления, чувственных и рациональных аспектов познавательной деятельности. В рамках антропоцентрической парадигмы уделяется особое внимание человеческому фактору в языке, как со стороны онтологической, так и социально-обусловленной характеристики бытия человека в языке и языка в человеке [Кубрякова 1994]. Соответственно, при рассмотрении вариативности нормы можно выделять внутрилингвистические, системно-языковые особенности ее реализации, а также экстралингвистические основания развития вариативности (субъективно-психологические, социально-прагматические). Вариативность языковой нормы в социальном аспекте рассмотрения выражает общие тенденции развития и изменения жизни общества в новых технологических условиях, в период становления новых социальных норм и форматов общения.

Введение

Языковая картина мира отражает особенности трудовой деятельности, географические условия жизни, национальную специфику менталитета носителей языка; представления о мире, об этических ценностях, об особенностях быта, общения, которые закреплены в си-

темных языковых значениях и структурах, репрезентирующих языковую норму и задающих устоявшиеся, системно ориентированные пределы ее возможного контекстуально-семантического варьирования. С другой стороны, когнитивные исследования языковой картины мира раскрывают также адаптационные свойства и возможности расширения концептуальных границ понятия нормы в семантических пределах особой системы языковых знаков. Например, в контексте определенной терминосистемы, при переносе термина в иную тематическую область (референтную) наблюдаются признаки сужения, редуцирования или расширения содержания термина, особенности сочетаемости [Войшвилло 1989; Новодранова 2011]. Семантически мотивированное контекстуальное (контекстуально обусловленное) варьирование языковой нормы выступает как показатель творческих потенций мышления.

Явные признаки нарушения допустимых пределов контекстуально-семантического варьирования нормы определяются наиболее наглядно при восприятии критических проявлений безграмотности языкового выражения, некорректного грамматического оформления и смыслового искажения при семантически немотивированной вербальной репрезентации явления реальности или понятийной сферы.

Семантически мотивированное варьирование языковой нормы как показатель творческих потенций мышления обусловлено многими факторами экстралингвистического и лингвистического плана: особенностями развития общества и общей картины мира, повышающей уровень терминологизации обыденного дискурса; сложившимися стилистическими и лексико-синтаксическими нормами употребления языка в определенной тематической области (узус морского дискурса); влиянием профессионального жаргона, способствующего компрессии выражаемого смысла; дополнительной дифференциацией эмпирически значимых элементов действия, спецификой временного фактора (речевые особенности координации действий в процессе хирургической операции).

Изучение процессов функционально-семантической вариативности языковых единиц выявляет большое количество способов их трансформации как основного средства развития языковой семантики.

В данной работе рассматриваются когнитивные основания вариативности языковой нормы в аспекте особенностей функционирования слова в поэтическом тексте. Поэтический контекст употребления языковых единиц определяет значительное функциональное и концептуально-метафорическое расширение их семантического диапазона [Залевская 2014; Маслова 2009].

Следует отметить, что использование языка есть всегда творческий акт, однако поэтическое слово в силу своих особенностей выходит за пределы традиционной семантической предопределенности структур языка, которому принадлежит. При всей онтологической общности мыслительной (когнитивной) деятельности человека проявляются **количественные и качественные различия семантических ресурсов репрезентации мира в сфере обыденного и художественного сознания**. Особую важность при исследовании особенностей интегративной семантики поэтического текста приобретает вопрос: «Каковы механизмы «оживления» и особого рода «реанимирования» стирающейся в обыденном употреблении функции эмоционального и духовного воздействия слова, дарованные языку поэта?»

Материал исследования составляют поэтические тексты, содержащие психологические откровения ряда поэтов, касающиеся характеристик творческого состояния в различных аспектах его реализации (А. Ахматова, М. Цветаева, И. Бродский, О. Мандельштам, Б. Пастернак, М. Волошин).

Авторские высказывания о процессе творчества раскрывают общую структуру творческого акта и средства концептуальной и ассоциативно-образной языковой репрезентации этапов «рождения поэтического слова», уходящего своими корнями в глубины эмоционально-чувственной сферы, известной семантической неопределенности словесно-знакового оформления континуального по своей природе смысла, что коррелирует с научными представлениями о неизбежном наличии так называемого «неформализуемого остатка» [Успенский 1982; Поланьи 1995] в сфере глубинных характеристик исследуемого объекта/явления, составляющих внутренние резервы репрезентации знания. Как показал австрийский логик и математик XX в. К. Гедель, в содержательной теории всегда остается невыявленный неформализуемый остаток. Все более углубляющаяся формализация содержания знания никогда не достигает абсолютной полноты, ибо никогда не прекращается развитие (изменение) предмета познания и знаний о нем.

Особенности поэтического слова

Интегративная семантика поэтического слова базируется на взаимодействии разнородных элементов целостного восприятия мира в гармонии пространственных и временных параметров, в соединении слуховых и визуальных факторов, органической музыкальности, ритма, метра, интонационных взаимопереходов... Поэтическое слово открывает доступ к глубинным аспектам творческого сознания, к неким иным, выходящим за рамки общепринятой традиции лингвисти-

ческого исследования способам чувственного и интеллектуального постижения истин, не лежащих на поверхности явлений мира. (Ср. у М. Цветаевой: «Увидеть за зримости сдержанной завесой суть бытия»).

При исследовании процессов языковой категоризации и концептуализации мира выявляется когнитивная значимость эмоционально-чувственной сферы как базы интерпретации и интеллектуальной обработки поступающей информации о мире, репрезентируемой в языке и воплощаемой в понятии «языковая картина мира». Авторский самоанализ творческого процесса представляет интерес с точки зрения манифестации особенностей концептуально-образных установок сознания автора, базирующихся на ассоциативно-метафорических опорах интуитивного восприятия знания, получаемого «инонаучным» [Аверинцев 1972] путем.

Художественное авторское индивидуальное мироощущение (художественный мир автора) имеет разнообразные формы манифестации, но при всей специфике индивидуального стиля выявляются дифференциальные ключевые концепты художественного сознания (МУЗА, ПОЭТИЧЕСКИЙ ДАР, ВДОХНОВЕНИЕ, ТВОРЧЕСТВО, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ, ВЕДОМОСТЬ) и семантическая близость ассоциативно-образных средств художественного описания различными авторами этапов развития творческого состояния. Характерно, что в психологических откровениях авторов явно прослеживаются некоторые общие структурные элементы самого творческого процесса: **эмоциональное напряжение высокой степени – озарение – снятие напряжения.**

Рождению поэтического слова предшествуют известные так называемые «муки творчества», связанные с эмоционально-критическим напряжением глубинной когнитивной сферы, воплотившиеся в художественном мироощущении А. Ахматовой в термине «предпесенная тревога» («Творчество»). В контексте художественной актуализации трудно определяемых элементов эмоционального напряжения уровня неопределяемых психических состояний часто фигурируют понятия «истома», «томление», «томиться».

Сигналы (элементы) когнитивного напряжения, ощущаемые художником, можно рассматривать в виде неких сигнальных перцептивных реакций – **перцептофонов** (своего рода симптоматических ощущений различного модуса: зрительного, слухового, болевого, тактильного, вкусового, одорического, ориентационного), как сигналов творческой востребованности в контексте нарастания эмоциональной напряженности. При этом наблюдаются и сходные, и различные ассоциации, соотносимые с природными, физиологическими, психологическими явлениями:

Я вздрагиваю от холода - / Мне хочется онеметь! / А в небе танцует золото / Приказывает мне петь. / Томись, музыкант встревоженный, / Люби, вспоминай и плачь / И с тусклой планеты брошенный, / Подхватывай легкий мяч!

(О. Мандельштам «Я вздрагиваю от холода»).

Бывает так: какая-то истома; / В ушах не умолкает бой часов; / Вдали раскат стихающего грома. / Неузнанных и пленных голосов / Мне чудятся и жалобы и стоны, / Сужается какой-то тайный круг...

(А. Ахматова «Творчество»).

Показательно описание предгрозового состояния природы у М. Волошина в «Рождение стиха». Предгрозово-мрачные прорывающиеся зарницы, горящие тревожным светом окна создают ощущение высокой степени напряженности, сочетаемой с предгрозовой предельной интенсивностью запахов растений (О, запах цветов, доходящий до крика). В такие моменты обостренное чувственное восприятие человека улавливает энергетические потоки, пронизывающие пространство. Тянущиеся во мраке протяжно-певучие волокна – это потоки формирующейся энергии предзвучания, энергии ещё не оформленного в слово звука, прорывающегося из недр подсознания.

Этот этап творческого процесса связан с актуализацией глубинных слоев эмоционально-чувственной сферы, с актуализацией архетипов сознания, генетических информационных кодов, многократно увеличивающих энергетический потенциал творческого поиска в связи с активизацией и расширением нейронных связей. Поэту дано интуитивно воспринимать, ощущать внутренний ритм, напряженную пульсацию бытия:

Многое ещё наверно хочет / быть воспетым голосом моим. / То, что в темноте подземный камень точит / или пробивается сквозь дым

(А. Ахматова «Творчество»).

Характерная музыкальность, специфическая тональность глубинных корней поэтической семантики возмещает присущую ощущениям глубинного уровня словесно-семантическую неопределенность (неоформленность), выявляя когнитивную значимость эмоционально-чувственных компонентов семантики слова, образующих его фонетический фон (контекст).

Музыкальная метафора вплетена в алгоритмы целостного восприятия и постижения единства мира. Музыка сфер предстает как ассоциативно-психологический ареол (контекст) поэтического слова.

Разрядка эмоционального напряжения как интеллектуальный прорыв в пространство иного измерения мира (художественного) манифестируется торжеством света. Этап озарения предстает как момент прорыва в сферу гармонии, связанный с ощущением глобального смыслового охвата мира: акустический образ – тайный *круг звуков*, сливается на этапе творческого озарения в один всё *победивший звук*, выражающий *полноту и целостность восприятия* мира [Анна Ахматова. Творчество: «Бывает так: какая-то истома...» (05.11.1936), НКРЯ]. Видимо, можно говорить в подобного рода случаях о фазе творческого «озарения» поэта как интуитивного познания истины, проникновения в суть явления, а также прозрачности, открытости, высокой степени транспарентности явленного мира: *...так вокруг него неоправимо тихо, что слышно, как в лесу растет трава, как по земле идет с котомкой лихо...* на фоне внешнего беззвучия выражаемой словом истины [Там же, НКРЯ].

Прорыв к свету – это прорыв в новую реальность ритмизированного звука, реальность порождения гармоничных созвучий слов, обрастаемых (расцвечиваемых) виденьями и образами (*Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно / В влюблённом созвучьи*). Гармония чувства и слова (звука) порождается ощущаемой поэтом пульсацией внутреннего музыкального ритма, организующего мир видений и слов в единую целостность – чистый и безупречный в своем совершенстве стих (*И стих расцветает цветком гиацинта, / Холодный, душистый и белый* (М. Волошин. «Рождение стиха»)).

В когнитивном аспекте рассмотрения этот этап снятия напряжения связан с актуализацией перцептофонов неформального структурирования смысла на синергетической основе гармоничного восприятия мира, расширяющего ассоциативно-метафорическую базу процесса его языковой репрезентации. При этом метафора может строиться на различных когнитивных контекстах эмоционально-чувственной сферы автора: предметного органически-биологического плана, абстрактно-отвлеченного либо мифологизированного:

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет *выпрямительный вздох*.

И так хорошо мне и тяжело,
Когда приближается миг,
И вдруг *дуговая растяжка*
Звучит в бормотаньях моих.
(О. Мандельштам «Восьмистишия»)

Ср.: *Гривастая кривая* (М. Цветаева «Поэт»); *Закон звезды и формула цветка* (М. Цветаева «Стихи растут, как звезды и как розы...»).

Творческий акт в когнитивном аспекте рассмотрения можно представить в следующей таблице 1.

Вербализация предполагает структурированное осознание определенной ментальной репрезентации. В рамках данной темы важным представляется эффект актуализации семантически расширенного на эмоциональной основе пространственного образа как идеограммы смысла, выражаемого посредством индивидуально-авторского семантического декодирования вербального символа.

На уровне художественного сознания мы имеем дело с языковой репрезентацией пространства в целом как пространства иного измерения – эмоционально-оценочного (аффективного). Так, у Б. Пастернака в «Определение творчества» встречаем строки: *И сады, и пруды, и ограды, / И кипящее белыми воплями / Мирозданье – лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем накопленной.*

Павел Флоренский выделял особый тип пространственности, определяя художественное пространство как «психофизиологическое пространство» [Флоренский 2000: 285], условно противостоящее физическому и евклидову геометрическому. Именно в художественном тексте категория пространственности получает широкое метафорическое преломление и составляет особую основу «интеллектуальной визуализации» невидимого, ненаблюдаемого, проникновения в сферу духовного освоения человеком окружающего мира и пространства его внутреннего мира.

Когнитивный анализ особенностей пространственных контекстов репрезентации художественных образов показывает, что авторская идея реализуется в особого рода метафоризируемой пространственности как на базе концептуально-метафорического переосмысления натур-объектов физического пространства, так и абстрактно-логических конструкций: *Умереть, бросить семью. Уехать. Дать вписать другие овалы в четырехугольник...* (И. Бродский).

Таблица 1

Творческий акт в когнитивном аспекте

Этапы творческого акта	Характерные признаки уровня когнитивной обработки смысла	Элементы и единицы когнитивной обработки формирующихся смыслов	Авторские ассоциации
Эмоциональная напряженность	Активизация и расширение нейронных связей. Семантическая неформленность ощущений глубинного уровня.	Многokrатно расширяющийся энергетический потенциал поиска. Генетические информационные коды. Архетипы. Перцептофоны творческой востребованности в контексте эмоциональной напряженности	Предписанная тревога. Истома. Бездна звонов. Предгрозового фон. Муки творчества
Озарение	Прорыв в сферу гармонии. Ощущение глобального смыслового охвата мира.	Перцептофоны интеллектуального прорыва.	Свет. Молния. Один всепобеждающий звук. Укол звезды. Приход Музы
Снятие напряжения	Неформализованное структурирование смысла. Реанимирование чувственных корней слова.	Перцептофоны неформального структурирования. Музыкальность. Сплавление образа и звука. Синестезия. Конвертируемость понятий и представлений.	«Танцуют слова в влюбленном созвучьи». «Теснятся виденья толпой оробелой». Музыкальные созвучия слов. Всплывающие видения и образы.
Вербализация смысла	Вербализация глубинной энергетической семантики.	Перцептофоны метафорического структурирования.	«Закон звезды и формула цветка». Дуговая растяжка. Выпрямительный вздох.

Художественное пространство – это пространство переживаемых поэтом ощущений и интеллектуальной оценки его взаимоотношения с пространством, подкрепляемой энергией психофизиологического воздействия глубинной эмоционально-аффективной сферы.

Виртуальная реальность в художественном контексте – это жизнь души во всех ее проявлениях, жизнь души, освобождённой от внешних условий. Так, у О. Мандельштама в «Душу от внешних условий...» читаем:

*Душу от внешних условий
Освободить я умею:
Пенье – кипение крови
Слышу – и быстро хмелею.*

*И вещества, мне родного,
Где-то на грани томленья,
В цепь сочетаются снова
Первоначальные звенья.*

Важным когнитивным механизмом порождения эффекта проникновения в сферу семантической неоформленности глубинных слоев сознания как перехода в иное измерение выступает пространственная метафора, реализующая эффект утраты «пространственности» мира, метафора «выхода из пространства» в область чистого духа, преодоления «уз трехмерного пространства».

Так, у О. Мандельштама:

*И я выхожу из пространства / В запущенный сад величин /
И мнимое рву постоянство / И самосознание причин ...
(Восьмистишия)*

У М. Цветаевой: *Вычеркнуться из зеркал; выписаться из широт
... победа над временем и тяготеньем ... (Прокрасться)*

В языке художника пространственная метафора часто реализуется на основе своеобразного «отрицания» эмпирически маркированной семантики явлений материального мира, в виде нарушения классического денотативного фона ситуации, на основе актуализации «неклассических образов» мира, часто в перцептивном контексте динамического визуального восприятия движущегося пространства и пространственных объектов.

Так, ситуация нарушения привычной статики пространственных объектов может получать метафорическое переосмысление при создании и выражении ситуации нарушения естественного хода (основ) самого бытия, передачи момента глубочайшего потрясения:

Сады выходят из оград.

Колеблется земли уклад:

Они хоронят бога... (Б. Пастернак. Стихотворения Юрия Живаго. На Страстной)

*И деревья, как призраки, белые
Высыпают толпой на дорогу* (Белая ночь)

У И. Бродского: *пространство продлевается за угол, мстя Евклиду.*

Концептуальный анализ динамических параметров реализации пространственного образа показывает, что трансформация пространственных пресуппозиций выступает важным условием реализации пространственной метафоры.

Важным в контексте реализации пространственной метафоры представляется особый тип метафоры – метафоры «разворачивания формы». Аналогично приемам абстрактного искусства, поэтическое слово расслаивает пространство, разворачивает форму, проникает в глубины мироздания, творя образы духовно заданного постижения мира посредством интуитивного схватывания смысла бытия.

Особенностью семантики стиха является слияние и растворенность языковых семантических структур в когнитивных контекстах. Они как бы актуализируются в ином измерении, когда семантические комплексы «гранятся» (ср. «*края музыки*» у А. Ахматовой), но не «кристаллизуются» в структурах традиционного системно-словесного оформления смысла. Это уже смысловые структуры, реализующие надсловную (надсловесную) семантику как особую форму превращенной энергии глубинных слоев сознания (подсознания), превосходящей по сложности современные технические возможности ее измерения.

Пространство поэтического текста – это пространство художественного измерения реального мира, преобразования исходных когнитивных контекстов, эмоционально-чувственных и эстетически-интеллектуальных духовных переживаний во вторичную художественную реальность как особое метапространство, воплощаемое в языковой художественной картине мира.

Выводы

Дифференциальными признаками семантического пространства художественного измерения являются «растворенность» языкового значения в когнитивных контекстах, при наличии мигрирующих семантических комплексов и высокий уровень «транспарентности» актуализируемых образов (*образ входит в образ* у Б. Пастернака). Эти факторы позволяют рассматривать художественный мир как особый вид виртуальной реальности с определенными закономерностями функционирования, позволяющими говорить о наличии особого формата художественного варианта языковой нормы, художественно-языковом варианте нормы.

Специфические дифференциальные признаки варианта нормы, которые актуализируются в художественной системе измерения выражаемого смысла, не затрагивая, не разрушая традиционные внутрисистемные основания языковой нормы. Они выявляют (подчеркивают) многогранность и многослойность функционально-семантического структурирования мира в художественном сознании, реанимирующем исходные скрытые творческие потенции живого слова в поэтическом контексте, на базе значительного расширения концептуальных границ и эмоционально-чувственных психологических аспектов восприятия мира.

Значительное расширение концептуальных границ процессов метафоризации и семантизации в целом выступает как одна из важнейших особенностей художественного сознания

Разнообразие форматов пространственной и пространственно-визуальной предметности мира, семантические комплексы, выстраиваемые на когнитивных контекстах пространственной метафоры, выступают как отражение и основа становления и актуализации новых усложненных форматов метафоризации пространства и пространственных объектов на базе внутреннего контекста, ассоциативного слоя/поля эмоционально-чувственного восприятия.

Поэт открывает внутреннюю энергетику слова, творит в сфере внутренней энергетики слова. Не просто размывает концептуальные границы семантики слова, но расширяет, погружает в глобальный семантический контекст (смысловой), в глубинные слои смысла, вплоть до трансформации самой языковой формы, что нередко встречается и в графической, и в звуковой форме репрезентации стиха. Так, в стихотворении М. Цветаевой «Б. Пастернаку» графическое выделение морфемы «*рас-*» (*Рас – стояние: / версты, мили...*) выступает в функции семиотического знака разделения, рассредоточения в пространстве.

Слово ломается, разламывается по спирали ритмизированного звука. Это явление можно проследить и в особенностях авторского исполнения поэтического произведения.

Сфера чувственная, эмоционально-образная, сфера душевной жизни человека, составляющая важнейший предмет художественного осмысления, определяет и общие черты, и особенности художественного мировосприятия, в том числе при характеристике творческой деятельности.

Особенности репрезентации перцептуального пространства на уровне художественной интерпретации составляют важный аспект исследования творческого потенциала мышления в контексте выявления когнитивной значимости элементов глубинного уровня сознания как важных ресурсов концептуально-семантического развития языковой репрезентации мира.

4.3. Нарушения речевой нормы текста как результат русско-французского билингвизма

Введение

Проблема языковой нормы является одной из традиционных и широко обсуждаемых как в отечественной, так и в зарубежной, в частности, французской стилистике. Ученые рассматривают проблемы определения понятия нормы, типологии норм и их характеристик, отклонений от нормы и видов их проявлений в текстах различных жанрово-стилистических разновидностей. В этой связи небезынтересно отметить формирование во французской лингвистике так называемой «стилистики отклонений», которая в настоящее время уже не существует как самостоятельное направление французской филологии, однако положенные в его основу теоретические принципы «так или иначе обнаруживают себя в работах современных исследователей, примыкающих к другим направлениям» [Хованская 1980: 35].

Определение нормы во французской стилистике соответствует пониманию нормы отечественной лингвистической традицией. Так, французский лингвистический словарь предлагает следующее определение нормы: «On appelle norme tout ce qui est d'usage commun et courant dans une communauté linguistique ; la norme correspond alors à l'institution sociale que constitue la langue» [Dictionnaire de linguistique 1973 : 342]. Согласно данной дефиниции, норма трактуется как совокупность наиболее устойчивых реализаций языковой системы, закрепленных в процессе общественной коммуникации, что, в целом, совпадает с определением данного понятия, предлагаемым Лингвистическим энциклопедическим словарем [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 337]. При этом отечественные специалисты в области французской стилистики подчеркивают взаимосвязь нормы с особенностями ее жанрово-стилистической актуализации, отмечая, что норма как общелингвистическая категория – «это устоявшийся, принятый языковым коллективом способ выражения, то есть языковой стандарт, образец, *регулирующий речевую деятельность в целом или в ее функционально-коммуникативных разновидностях*» [Хованская 1984: 68]. (Курсив наш. – Н.Ф.)

Рассматривая норму как понятие гетерогенное, тесно связанное с языковой вариативностью, русские и французские исследователи отмечают тот факт, что в языке существует не одна норма, а «целая система взаимосвязанных норм, которые в их совокупности регулируют речевую деятельность в различных коммуникативных условиях» [Хо-

ванская 1984: 65]. Например, во французской стилистике выделяются такие типы нормы, как «norme subjective», «norme objective», «norme qualitative», «norme effective», «norme idéale», «norme grammaticalisée», «norme spontanée», «norme linguistique», «norme d'acceptabilité», «langue privée de couleur sociale», «norme de correction», «norme quantitative», «valeur intellectuelle privée d'affectivité» (подробнее см: [Хованская 1984: 67]). Вместе с тем отечественные специалисты в области французской стилистики, в частности З.И. Хованская и Л.Л. Дмитриева, считают, что в реальной языковой практике категория нормы воплощается в достаточно ограниченном количестве ее разновидностей, среди которых общезыковая норма, литературная норма (или норма литературного языка), внутренняя норма функционального стиля речи и типа текста, нейтральная норма, коммуникативная норма [Хованская 1984: 68].

Особый интерес для нашего исследования представляет проблема нарушения нормы литературного произведения или «внутренней нормы художественного текста». В этом вопросе, однако, позиции отечественных и зарубежных ученых расходятся. Достаточно отметить, что основатель французской стилистики, известный швейцарский лингвист Ш. Балли считал, что язык любого художественного произведения сам по себе уже есть отклонение от узуса разговорной нормы французского языка (*écart entre la langue littéraire et la langue parlée*), называя это отклонение «высокой деформацией» (*déformation sublime*): «On croit connaître le français quand on a lu Racine, Corneille, Lafontaine ou Victor Hugo; en réalité, on n'en connaît que les déformations sublimes que lui ont fait subir quelques génies, et l'originalité même de ses déformations apparaît mal en l'absence de tout point de comparaison» [Bally 1951 : 249]. Отсюда автор делает вывод, что язык художественной литературы, который представляет собой совокупность индивидуальных стилей талантливых писателей и контрастирует по своей эстетике и красоте с узусом разговорной речи, относится не к стилистике, а к литературной критике. Однако в дальнейшем последователи Ш. Балли во Франции – Ж. Марузо (J. Marouzeau), Ш. Брюно (Ch. Bruneau), М. Крессо (M. Cressot), П. Гиро (P. Guiraud) и др., расширили предмет стилистики, включив в него и язык литературно-художественных произведений (подробнее см. [Хованская 1980: 21]).

Одним из нарушений нормы художественного текста является использование в нем элементов чужого языка, получивших название «иноязычных вкраплений». Данное понятие, как отмечает И.Н. Геранина [Геранина 2007: 38], привлекло к себе внимание исследователей в середине XX века, а сам термин «иноязычное вкрапление» был введен

в научный оборот А.А. Леонтьевым, который рассматривал этот феномен как результат «<...> сосуществования двух текстов, как продукт «развертки» модели соответствующего языка, передающей этот текст по определенным правилам» [Леонтьев 1966: 60].

Вводимые писателем в текст «чужое» слово, словосочетание или целые фрагменты высказывания получили в зависимости от выбранной исследователем парадигмы анализа различную интерпретацию и терминологическую номинацию. Наряду с наиболее распространенным термином «иноязычные вкрапления» [Большакова 2007; Геранина 2007; Норлусенян 2010; Сычева 2008: 2013], авторы используют термины «макаронизмы» [Кириенко 1992; Норлусенян 2000], «иноязычные элементы в тексте» [Халиков 2021а; 2021б], «иносистемные элементы по отношению к основному коду сообщения в рамках межъязыкового перекодирования» [Проценко 2002], а также «чужое слово», «экзотизм», «варваризм» (подробнее см. [Влахов 2006: 336 – 346]) или более конкретные номинации – «англицизм», «испанизм», «галлицизм».

В ряде работ иноязычные вкрапления в текст анализируются в рамках естественного или искусственного билингвизма авторов или ситуации актуализации хронотопа художественного произведения.

Например, Ю.Т. Листрова-Правда рассматривает иноязычные вкрапления как стилистическую категорию литературной речи, обязанную своим появлением двуязычию носителей литературного языка. Поэтому не случайно в центре ее внимания оказывается русская литература XIX века, в которой ситуация реального двуязычия получила воплощение путем множества иноязычных вкраплений в произведениях А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др. писателей. Всесторонне анализируя особенности употребления иноязычных вкраплений, Ю.Т. Листрова-Правда выявляет серию вопросов, которые еще нуждаются в решении: приблизительность самого определения «иноязычное вкрапление», неясность положения иноязычных вкраплений среди всех языковых средств, находящихся вне системы русского литературного языка и использующихся в стилистических целях, отсутствие системного подхода к их анализу, отсутствие полной картины использования иноязычных вкраплений во всех типах русских текстов XIX века [Листрова-Правда 1986: 9 – 10].

Различные подходы к решению этих вопросов обнаруживаются в работах, появившихся в последние десятилетия. Так, Г.М. Вишневская считает целесообразным рассматривать творчество на одном языке с использованием элементов другого как разновидность «лите-

ратурно-художественного билингвизма» [Вишневская 2011; 2012]. Она предлагает выделять два вида литературно-художественного билингвизма: оригинальное творчество (которое может быть представлено творчеством на неродном языке и творчеством на двух языках) и художественный перевод (который может быть представлен авторским и профессиональным переводом). В качестве разновидности литературно-художественного билингвизма автор выделяет творчество на родном языке с использованием элементов другого. Таким образом, литературно-художественный билингвизм может трактоваться шире, а именно – как способность использования еще одного, иного языка в литературном творчестве, имея при этом в виду, что писатель не обязательно должен свободно владеть двумя языками [Вишневская 2012: 91].

Значительное количество работ по использованию иноязычных вкраплений посвящено произведениям Ф.М. Достоевского [Проценко 2002; Халиков 2021а; 2021б].

В кандидатской диссертации Е.А. Проценко представлены результаты анализа межъязыкового перекодирования, которое реализуется введением в текст иноязычных вкраплений, в различных жанрах произведений Ф.М. Достоевского (художественная проза, публицистика, письма). Автор работы делает попытку сопоставления и систематизации различных аспектов проблемы и разработки интегративного подход к проблеме межъязыкового перекодирования [Проценко 2002]. В процессе изучения особенностей сосуществования и взаимодействия различных языковых кодов в творчестве Достоевского, автор диссертации выявляет зависимости выбора и функционирования иноязычных и перекодированных единиц от авторского замысла и жанра произведения. Она приходит к выводу об изменении характеристики вкраплений в зависимости от жанра, а также частотности французских вкраплений (более 50%) по сравнению с заимствованиями из других языков. Интересными и перспективными для дальнейшего изучения представляются выдвинутые автором положения об эмоционально-экспрессивной осложненности текстов Ф.М. Достоевского и о прагматической установке использования в них иноязычных вкраплений. Их основной объем сосредоточен в понятийной области «Человек», а функциональная специфика реализуется через такие функции, как экспрессивная, эмоционально-оценочная, функционально-стилевая, афористико-репродуктивная, иносказательная, характерологическая [Проценко 2002].

М.М. Халиков подробно анализирует иноязычные элементы (слова, словообразовательные средства, синтаксические структуры,

интертекстуальные феномены) с позиций полилингвизма художественного мира Ф.М. Достоевского. Исследователь приходит к выводу, что в большинстве случаев иноязычные элементы играют характерологическую роль в речи персонажей, а значительная их часть функционально связана с задачами организации коммуникативного дискурса (модальные слова, этикетные формулы, фатические элементы речи). В совокупности они придают яркое своеобразие произведениям писателя, усложняют семантико-прагматическую интенциональность контекста произведения, подчеркивают интертекстуальную природу коммуникации [Халиков 2021а: 107].

Если интерес лингвистов концентрируется на определении природы и статуса иноязычных вкраплений, их стилистических функциях [Большакова 2007; Норлусенян 2010; Сычева 2006; 2008; 2013] и выводах о том, что «<...> обилие иноязычных вкраплений, использование их в разных функциях – характерная особенность индивидуально-художественного стиля автора» [Сычева 2013], то специалисты в области теории перевода анализируют данную проблему как одну из переводческих трудностей. В.С. Модестов, в частности, отмечает: «<...> если в ткань общенационального языка включен иностранный язык, чужеродная языковая система сама становится неперевожимым художественным средством» [Модестов 2021: 141]. Чужой язык, принятый и понятный в языке оригинала, чаще всего непонятен читателю перевода (французская и немецкая речь в переводе романа Л.Н. Толстого «Война и мир», например, на албанский язык). Наиболее приемлемое решение в таких случаях, считает цитируемый ученый, – это перевести на свой язык важнейшие в смысловом отношении фразы и намекнуть на атмосферу чужезычности сохранением в переводе приветствий и кратких реплик, содержание которых ясно из контекста. Эти намеки на чужезычность речи можно дополнять пояснениями (*сказал он по-французски, дальнейшая беседа шла на французском языке*). Подобные стилистические приемы серьезно усложняют работу переводчика, от которого требуется умение воспроизвести нестандартные ситуации в тексте подлинника средствами языка перевода с полным сохранением их содержания и эмоциональной наполненности. Передача при переводе «иноязычия» как стилистического приема требует от переводчиков нестандартных решений и одновременно учета сложившихся в переводческой практике традиций. Например, в русских изданиях делаются преимущественно сноски-переводы (по образцу оригинала «Войны и мира»), согласно издательской традиции европейских стран, перевод подобных фрагментов относят обычно в примечания [Модестов 2021: 143-144].

Г.М. Вишневская предлагает рассматривать иноязычие в тексте в русле концепции «литературно-художественного билингвизма», подчеркивая, что в аспекте перевода оно имеет свою специфику, которая обусловлена разницей концептуальных систем, поскольку переводчик реконструирует доминантный смысл переводного текста на базе своей концептуальной системы, однако, должен принимать во внимание несовпадение когнитивных структур автора и переводчика. При этом тексты оригинала и перевода воспринимаются как эквивалентные, но не тождественные [Вишневская 2012: 90 - 91].

Можно таким образом констатировать, что современное состояние изученности проблемы иноязычных вкраплений свидетельствует о ее многоаспектности и о значительном вкладе исследователей в выявление функционально-стилистических и эстетических особенностей использования иноязычных вкраплений в художественных текстах, в частности, в произведениях Ф.М. Достоевского. Предложены концепции, позволяющие выводить вопросы конкретного использования иноязычных вкраплений на более высокий и, следовательно, более перспективный уровень обобщений – «литературно-художественный билингвизм» (Г.М. Вишневская), «полилингвизм художественного мира писателя» (М.М. Халиков).

Вместе с тем, остается еще один аспект употребления в художественном тексте иноязычных вкраплений, который только входит в сферу внимания исследователей и связан с проблемами идентичности личности в художественном дискурсе [Викулова, Кулагина 2013; Чупрына, Кузина 2021; Меньяло 2013; 2016].

Данный ракурс анализа проблемы представляется весьма актуальным и будет представлен в данной монографии. Речь идет об использовании двуязычия в речи персонажа как проявлении его идентичности, т.е. осознании человеком самого себя через набор устойчивых характеристик, как «<...> основы формирования ценностного отношения человека к миру, системы его мировидения и факторов его поведения» [Викулова 2021: 109]. Осознание своей идентичности является одним из центральных аспектов личностного самоопределения и самосознания человека, помогая ему оставаться самим собой в меняющихся ситуациях и доставляя критерии для оценки окружающего мира и самооценки [Большая российская энциклопедия – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174>].

Мы разделяем мнение о том, что формирование идентичности, в том числе индивидуальной (термин «индивидуальная идентичность» используется нами в определении Л.И.Гришаевой [Гришаева 2007: 132]), осуществляется именно в дискурсивных практиках, где она про-

является «<...> на основе базовой ценностной оппозиции свой, свое, наше, чужой, чужое, их, которая не столько рационально осмысливается, сколько переживается, затрагивая сокровенно-личностное для человека» [Викулова 2021: 109].

Цель данного исследования – проследить нарушение нормы одноязычного художественного дискурса путем использования в нем двух различных языковых кодов – русского и французского – как отражения индивидуальной идентичности персонажа.

Материалом для анализа послужил роман Ф. М. Достоевского «Бесы», в котором многочисленные французские вкрапления используются в речи только одного из персонажей произведения – Степана Трофимовича Верховенского. Его, как и героев всех своих произведений, Достоевский характеризует не только «<...> с помощью ситуаций, этических конфликтов, психологических и душевных дрызг» [Набоков 1999: 183], но и с помощью регулярной смены русского и французского речевых кодов.

В процессе исследования использовался метод функционально-стилистического анализа текста, который позволяет выявить особенности речевой деятельности субъекта, осуществляющего в процессе коммуникации смену кодов. Следует при этом учитывать, что непредсказуемость в использовании элемента чужого кода и отношение контраста двух разных кодов воспринимается читателем лишь благодаря наличию в его сознании «<...> определенной нормы, ощущения нормативности/ненормативности того или иного сочетания слов» [Хованская 1984 : 65].

Гипотеза исследования формулируется нами следующим образом: использование в речи персонажа многочисленных французских вкраплений является нарушением внутренней нормы одноязычного художественного текста и может рассматриваться в качестве:

- стилистического приема, передающего особенности речи персонажа в условиях русско-французского билингвизма;
- отражения идейно-эстетической позиции автора, согласно которой использование в русской речи французского языка характерно для персонажей, чуждых писателю по идейно-нравственным убеждениям;
- маркера формирования у персонажа индивидуальной культурной идентичности, в основе которой лежит рефлексия «своего» как негативного, а «чужого» как позитивного, что разрушает иммунитет «своей» культуры по отношению к «чужой».

Сформулированная гипотеза отражает новизну нашего подхода, которая заключается в более широкой трактовке роли иноязычных

вкраплений, выступающих не только в качестве стилистического приема, отражающего морально-эстетическую позицию автора, но и в качестве характеристики идентичности персонажа в условиях русско-французского билингвизма.

Методологическую базу данного исследования составляют следующие положения:

- о понимании французско-русского билингвизма как феномена, который в течение многих десятилетий характеризовал интеллектуальную и бытовую жизнь русского дворянства; как отражения культурного диалога между Россией и Францией, резюмированного Н. М. Карамзиным оппозицией «французский ум и русская душа», в котором французский ум как модель французской интеллектуальной культуры ассоциировался в русском сознании с Вольтером, воплощавшем «квинтэссенцию французского ума, блестящего остроумия и вместе с тем рассудочности, холодной иронии», а русская душа – с Петром I как с «цивилизованным варваром», который отличается независимостью и наивным здравым смыслом [Забабурова 2007: 214 – 228];

- о восприятии гетеростереотипов («простых оценочно маркированных образцов восприятия других людей» [Карасик 2021: 177]), сформированных как противоположные: французского в восприятии русских – как преимущественно положительного и привлекательного, русского в восприятии французов – как преимущественно отрицательного, экзотического, недостаточно цивилизованного;

- о литературно-художественном билингвизме (Г.М. Вишневская) как эстетическом приеме создания колорита эпохи, характеристики персонажей, раскрытия внутреннего мира героя, его индивидуальной идентичности через его «речевой портрет»;

- о психологической природе феномена идентичности как аспекте «самосознания индивида, переживания им своего Я, что проявляется, прежде всего, в процессах речесмыслопорождения» [Пищальникова 2023: 4], из чего следует, что специфика характера идентичности, ее рефлексии актуализируется именно в речевом действии [Пищальникова 2023: 12];

- о культурной идентичности субъекта, которая репрезентируется через серию признаков, «условно закрепленных в своей/чужой культуре/субкультуре за этой культурой/субкультурой» [Гришаева 2007: 131], а оппозиция *свой/чужой* становится одной из центральных оппозиций, в которой *свое* (внутрикультурное) рассматривается как истинное, а *чужое* (инокультурное) – как отрицание своего, а значит, враждебное.

Результаты исследования

В процессе анализа речи Степана Трофимовича Верховенского – ключевой фигуры романа «Бесы», наиболее ярко выражающего собирательные черты русских западников и типизирующие особенности мировоззрения, умонастроения и психологического склада «либералов-идеалистов» 1840-х годов [Тарасов 1993: 14], выделены следующие типы французских вкраплений (здесь и далее примеры цитируются по [Достоевский 1993]):

- русские имена собственные во французской орфографии: *Lise, Nicolas, Andrejev, Lipoutine*;

- формы этикетного обращения: *Madame Виргинская*;

- узуальные французские вводные слова и выражения:

Entre nous soit-dit, ничего не могу вообразить себе комичнее того мгновения, когда Гоголь (тогдашний Гоголь!) прочел это выражение <...> ...

- французские восклицания, междометия, вводные слова:

Ma foi, я и сам все это время...

O! Dieu qui est si grand et si bien! О, кто меня успокоит! – воскликнул он.

- французские поговорки, устойчивые выражения: *C'est le mot; On m'a traité comme un vieux bonnet de coton*;

- реалии-символы французской культуры, переданные в русской транскрипции (*Марсельеза, Алексис де Токвиль, Поль де Кок, Паскаль*).

Таким образом, маркерами «чужого» вербального кода в «вариативной речевой ситуации» (термин И.Н. Гераниной [Геранина 2007: 38]), характерной для речи персонажа, выступают многочисленные французские вкрапления, репрезентируемые вербальными средствами, которые выполняют различные функции.

Анализ особенностей употребления французских вкраплений позволяет выделить следующие их функции в речи персонажа.

Функция маркера чужой культуры проявляется как универсальная, свойственная всем перечисленным выше заимствованным из французского языка вербальным средствам.

Маркеры «чужого» присутствуют в виде вкраплений в речь персонажа отдельных французских слов или словосочетаний (*Cher, я и сам как во сне*), предложений (*Enfin, tout est dit*) или причудливо построенных «макаронических» конструкций (*ce qu'on appelle le veneц*).

Маркерами «чужого» выступают в тексте и прецедентные феномены, которые относятся к национально-когнитивной базе французской культуры и были хорошо известны образованной франкоговоря-

шей части русского общества XIX века, для которой носили «социопреcedентный» (термин В.В. Красных [Красных 2003: 174]) характер. В качестве прецедентного феномена, характеризующего образ Верховенского, Ф.М.Достоевский использует, в частности, имя Алексиса де Токвиля – одного из известных и модных в те времена французских философов, автора трактата «Демократия в Америке». Из текста романа читатель узнает, что Верховенский нередко брал с собой на прогулку *томик Токевиля*. Достоевский не случайно выбирает здесь письменную, а не устную форму произношения фамилии (*Tocqueville* в устной речи должно звучать как *Токвиль*): так подчеркивается нарочитая «ученость» Верховенского, его намерение следовать распространенной в екатерининские времена традиции произносить известные фамилии на научный, латинский лад (Дидерот, Гельвециус). Однако к середине XIX века такое прочтение стало уже анахронизмом и воспринималось как ироническое.

Функция маркера чужой культуры актуализируется во всех контекстах, где отмечается смена русского и французского речевых кодов, и проявляется через серию других функций, носящих более узкий, специальный характер. Среди них отметим следующие.

Функция престижности реализуется в случаях замены русского имени французским, что было не просто модой того времени, но и свидетельством престижа, принадлежности его носителя к благородной части общества. Можно согласиться с мнением о том, что изменение имени во многом соотносится с меняющейся идентичностью, поскольку «<...> новое имя призвано поместить его носителя в новый социокультурный контекст и, таким образом, служит меткой новой социальной роли не только для носителя имени, но и для всего сообщества» [Чупрына 2021: 84]. Иначе говоря, в сознании большого числа людей переименование есть по своей сути перемена идентичности [Чупрына 2021: 83].

Функция доверительного общения выявляется в контекстах, где Верховенский использует в речи распространенные французские выражения, которые интимизируют высказывание, придавая ему доверительный характер, например *entre nous soit-dit* (между нами говоря).

Резюмирующая функция характеризует контексты, в которых французские вкрапления используются, чтобы подвести итог мыслям и соображениям говорящего (*en un mot* – словом), или противопоставить одну мысль другой (*mais distinguons* – но давайте различать). Например:

En un mot, этот Андрей Антонович, хотя и русский немец православного исповедания...

Не понимаю, почему меня все здесь выставляют безбожником? – говаривал он иногда, – я в бога верую, *mais distinguons*, я верую, как в существо.

Апеллятивная функция актуализируется в тех контекстах, в которых маркерами «чужого» в речи Верховенского выступают типичные для французского языка этикетные обращения. В тексте отмечаются как нейтральные формы обращения (*Madame*), так и обращения более сильного эмоционально-экспрессивного содержания:

Mais, ma bonne amie, положим я ошибусь, но ведь... (досл.: моя дорогая подруга);

Вам, *excellente amie*, без всякого сомнения, известно, говорил он, кокетничая и щегольски растягивая слова... (досл.: прекрасная подруга).

Подобные апеллятивы выполняют, кроме того, **экспрессивную функцию**, в реализации которой участвует большинство французских вкраплений. Это одна из наиболее распространенных функций французских вкраплений, которая сигнализирует об эмоционально-экспрессивной осложненности текстов Достоевского [Проценко 2002]. При этом количество французских вкраплений увеличивается в зависимости от эмоционального состояния персонажа: чем сильнее эмоции, тем больше доля французского текста – от отдельного слова до целого предложения и целого абзаца. Ср.: *Если ... если я. ... – залепетал он в жару, краснея, обрываясь и заикаясь, – если я тоже слышал самую отвратительную повесть или, лучше сказать, клевету, то... в совершенном негодовании... enfin, c'est un homme perdu et quelque chose comme un forçat évadé* (досл.: в конце концов, это какой-то потерянный человек, как какой-то сбежавший каторжник).

Lise! Вскричал и Степан Трофимович, бросаясь к ней тоже почти в бреду. Chère, chère, неужто и вы... в таком тумане? Видите: зарево! Vous êtes malheureuse, n'est-ce pas? Вижу, вижу, но не спрашивайте и меня. Nous sommes tous malheureux, mais il faut les pardonner tous. Pardonnons, Lise, и будем свободны навеки. (досл.: Лиз! Дорогая, дорогая. Вы несчастны, да? Мы все несчастны, но нужно их всех простить. Простим, Лиз).

Эти высказывания произносятся персонажем в сильном волнении (а, как известно, именно в состоянии аффекта и проявляется истинная сущность героев Достоевского), о чем свидетельствуют используемые лексические и синтаксические особенности контекста, например, авторские ремарки (*весь в волнении; залепетал он, краснея, обрываясь и заикаясь; вскричал*), обилие восклицательных, вопросительных, эллиптических предложений, другие элементы эмотивного синтаксиса. По-

добные примеры, которые представляют собой «<...> разнородные речевые пласты, объединенные в одном коммуникативном акте» [Кириенко 1992: 20], подтверждают мысль о том, что и национальная и культурная идентичность неизбежно связаны с оценочностью и аффективным восприятием [Чупрына 2021: 76].

Эмоционально-оценочную функцию выполняют имена собственные, если они сопровождаются в речи Верховенского французскими служебными словами (указательными или притяжательными прилагательными, артиклями), что придает контексту ярко выраженный иронический оттенок:

Где, наконец, я, я сам, прежний я, стальной по силе и непоколебимый, как утес, когда теперь какой-нибудь Andrejeff, un православный шут с бородой....

Этот прием распространяется и на имена нарицательные, особенно там, где Верховенский говорит о себе с наигранной иронией:

Mon cher, je suis un опустившийся человек (досл.: Мой дорогой, я есть...).

... друг мой, я открыл ужасную для меня... новость: je suis un простой приживальщик, et rien de plus! Mais r-r-rien de plus! (досл.: я есть... и ничего больше! Ну ни-и-и-чего больше).

В подобных контекстах иноязычные вкрапления нередко сопровождают русские реалии и призваны выделить их, усилить, привлечь к ним особое внимание [Фененко 2001: 112]. При этом говорящий как бы помещает слово во французскую кольцевую структуру, акцентируя его повторами – синтаксическим и эмфатическим, в частности длительностью звука (*r-r-rien*). В других случаях он противопоставляет «свою» реалию «чужой», сохраняя фонетическую специфику последней:

Все вы из «недосижженных», шутливо замечал он Виргинскому, все подобные вам, хотя в вас, Виргинский, я и не замечал той ограниченности, которую встречал в Петербурге chez ces séminaristes, но все-таки вы «недосижженные» (досл.: у этих семинаристов).

В таких отрывках отмечается переход от свойственного Верховенскому дидактического типа имплицитности к агональному, который предполагает «<...> игровую тональность общения, содержащую разного рода иронические сигналы, фрондирование, подразумевающее несогласие с чьей-либо точкой зрения, намеки, ставящие адресата в неудобное положение» [Карасик 2021: 184 – 185].

Функция этнокультурного диссонанса является одной из важнейших, поскольку непосредственно через нее проявляются характеристики, связанные с идентичностью субъекта. Наличие в тексте много-

численных маркеров «чужого» способствует созданию так называемого этнокультурного диссонанса, обусловленного категорией инаковости [Викулова 2021: 119], когда «чужой», т. е. объективно «иной», выступает как более близкий, т. е. «свой», а «свой», напротив, – как «чужой». Реализуемую в этом случае функцию мы считаем возможным, воспользовавшись термином, предложенным Л.Г. Викуловой, определить как функцию этнокультурного диссонанса. Она проявляется в речи Верховенского в возвышении «чужого» и одновременно в принижении «своего». Ср., например:

Vous savez, chez nous... En un mot, поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять билет, pour vous montrer son pouvoir. «Дай-ка, дескать, я покажу над тобою мою власть... » И это в них до административного восторга доходит... *En un mot*, я вот прочел, что какой-то дьячок в одной из наших заграничных церквей, – *mais c'est très curieux*, – выгнал, то есть выгнал буквально, из церкви одно замечательное английское семейство, *les dames charmantes*, пред самым началом великопостного богослужения, – *vous savez ces chants et le livre de job* – единственно под тем предлогом, что «шататься иностранцам по русским церквям есть непорядок и чтобы приходили в показанное время...», и довел до обморока... Этот дьячок был в припадке административного восторга, *et il a montré son pouvoir....*

В приведенном отрывке ярко прослеживается отношение Верховенского в «своему» (русскому) и «чужому» (иностранному), что передается с помощью оппозитивных номинаций. Так, при характеристике русских он использует лексические единицы с отрицательной коннотацией: *последняя ничтожность, какой-то дьячок; дрянные билеты, шататься по церквям, выгонять оттуда буквально*, в припадке административного восторга. При описании иностранцев, напротив, употребляет положительно окрашенную лексику: *замечательное английское семейство, очаровательные дамы*.

Функция этнокультурного диссонанса реализуется через проявление отношения персонажа к «базовым ценностям», к которым относятся такие понятия, как «Родина», «Россия», «патриотизм» [Пищальникова 2023: 11]. Ориентированный на западные ценности, Верховенский негативно относится к России, говорит о бесплодности русской культуры. Ирония по отношению к родной стране, которая, по его словам, «*есть слишком великое недоразумение, чтобы нам одним его разрешить без немцев и труда*», проявляется в его речи с по-

мощью смены кодов – калькирования на французский язык выражения «*святая Русь*»:

По-моему, и довольно бы для России, pour notre Sainte Russie (досл.: для нашей Святой Руси).

Этнокультурный диссонанс характерен для отношения Верховенского к одаренным и передовым людям в России, которых считает картежниками и пьяницами:

Tous les hommes de génie et de progrès en Russie étaient, sont et seront toujours des картежники и des пьяницы, qui boivent en zapoi... а я все еще не такой картежник и не такой пьяница (досл.: Все одаренные и прогрессивные люди в России были, есть и всегда будут..., которые пьют запоем).

Принцип возвышения «чужого» и принижения «своего» прослеживается у Верховенского и в отношении родного языка:

...во-вторых, мы, русские, ничего не умеем на своем языке сказать... По крайней мере ничего еще не сказали (досл.: и потом...).

Ср. также: *Я сердцем с вами и ваш, с одной всегда en tout pays и хотя бы даже dans le pays de Makar et de ses veaux, о котором помните, так часто мы, трепеца, говорили в Петербурге перед отъездом* (досл.: всей страной; в стране Макара и его телят...).

Второе предложение интересно как пример иронической передачи фразеологически выраженного этноспецифического концепта. Степан Трофимович намеренно дословно переводил русские пословицы и поговорки на французский язык (в данном случае «*Куда Макар телят не гонял*») и находил это остроумным. В действительности, он хорошо владел французским языком, «*по-французски говорил, как парижанин*» [Достоевский 1993: 37], о чем свидетельствуют сложные и корректно сконструированные им французские предложения.

Символьная функция выступает как ключевая в произведении Ф.М. Достоевского, поскольку отражает художественный замысел автора и объединяет вокруг себя все остальные функции и вербальные средства их актуализации, раскрывая истинную сущность Верховенского-старшего. Основные черты этого персонажа – безверие, нравственная относительность – выдают в нем истинного западника.

Раскрывая особенности личности Верховенского, писатель постоянно отмечает двойственность его натуры: ему свойственны «с одной стороны, возвышенность, благородство, “что-то вообще прекрасное”, а с другой, – какая-то невнятность, неочерченность, половинчатость» [Тарасов 1993: 14]. Верховенский стремится быть ближе к западной культуре, но в то же время хотел бы, чтобы его имя проносилось «*наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и*

только что начинавшегося тогда за границей Герцена» [Достоевский 1993: 29]. Национально-прецедентные имена русской культуры, сопровождаемые хронологическими маркерами-диминутивами (*одну самую маленькую минуточку, почти в ту же минуту, чуть не наряду*), усиливают ироническое изображение Верховенского, который не может ни полностью отойти от своей культуры, ни интегрироваться в чужую.

Двойственность натуры Верховенского передается в тексте через прецедентный феномен французской культуры – писателя Поля де Кока. При этом автор прибегает к приему оппозиции: Верховенский берет с собой в сад произведение Токвиля, а «в кармашке несет спрятанного Поля де Кока». Иначе говоря, чтение бульварных романов он маскирует чтением *«Токевиля»*, на самом деле не читая его. Такое противопоставление прецедентных имен подчеркивает лжеученность Верховенского, отсутствие у него твердых духовно-нравственных убеждений: *«Главное в том, что я сам себе верю, когда лгу. Всего труднее в жизни и не лгать... и... собственной лжи не верить»*, – признается он.

Прецедентные маркеры идентичности предстают в «Бесах» как сложные политико-философские символы, которые отражают чувство социальной и национальной причастности персонажей. Можно согласиться с мнением о том, что «<...> изменения, затрагивающие основные составляющие культурной идентичности – язык, вокабуляр, дискурсивные модели и социокультурный контекст, – в итоге приводят к трансформации культурной идентичности» [Чупрына 2021: 82].

Выделенные выше функции частично совпадают с теми, которые предложены исследователями иноязычных вкраплений в произведениях Ф.М. Достоевского [Кириенко 1992; Проценко 2002; Халиков 2021а и др.]. Вместе с тем, нами выделены такие, которые непосредственно связаны с задачами определения идентичности персонажа и еще не были отмечены исследователями. К ним относятся следующие: функция маркера чужой культуры, апеллятивная, резюмирующая, символическая, функция доверительного общения, функция этнокультурного диссонанса. Их взаимосвязь с индивидуальной идентичностью персонажа представлена на схеме 1.

В левой части схемы 1 представлены функции, передающие отношение персонажа к «чужой» культуре: маркера чужой культуры, престижности, доверительности, резюмирующая, апеллятивная, экспрессивная, эмоционально-оценочная (положительная). В правой части схемы оказывается лишь одна функция, передающая отношение к «своей» культуре, – эмоционально-оценочная (отрицательная). Фик-

сируемые количественные и качественные различия подтверждают наличие функции этнокультурного диссонанса (которая выступает в качестве обобщающей) и подтверждают ориентацию личной идентичности персонажа в сторону «чужой» культуры как более привлекательной, чем «своя». Они также объективируют специфику символической функции, раскрывающую двойственную сущность Верховенского – отца русских революционеров, в которых Ф.М. Достоевский, как констатирует Н.А. Бердяев, открыл одержимость, бесноватость [Бердяев 1993: 90]. Образ Верховенского выступает символом поколения таких «отцов».

Схема 1

Культурная идентичность персонажа сквозь призму функционально-стилистических характеристик французских вкраплений

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что нарушение дискурсивной нормы одноязычного художественного текста путем введения в него французских вкраплений представляет собой не просто способ иронического освещения образа персонажа. Этот стилистический отрицательно-оценочный прием, отражающий отношение писателя к французскому социализму – явлению чуждому и враждебному России [Бердяев 1993: 178], приобретает у Достоевского культурно-идеологический характер: «чужой» язык есть проявление

«чужой» культуры, «чужого» и, следовательно, чужой идентичности, чуждого менталитета.

В этом контексте Верховенский предстает как двойственная личность: будучи ориентированным на ценности «чужой», западной, цивилизации, он воспринимает «свое» как негативное, а «чужое», напротив, как позитивное, разрушая таким образом «иммунитет» собственной культуры по отношению к «чужой». Его индивидуальная идентичность базируется на отказе от «своей» коллективной идентичности в пользу «чужой». Подобная трансформация свидетельствует о том, что субъект находится в состоянии некой конфликтной идентичности, структура которой включает в себя отдельные признаки как «своей», так и «чужой» коллективной идентичности.

ГЛАВА 5

НОРМЫ ЯЗЫКА И НОРМЫ ПРАВА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Введение

Понятие нормы, рожденное в социуме, характеризует различные сферы человеческой деятельности. В самом общем виде норма – это общепринятое и обязательное для членов того или иного сообщества правило, а также образец поведения или действия. Нормы могут быть общечеловеческими, моральными, этическими, лингвистическими и даже строительными. Нормы регулируют социальную жизнь, предписывают или запрещают что-либо. При этом нарушения норм могут быть отмечены общественным осуждением, а могут иметь более серьезные последствия, если эти нарушения связаны с нормами права.

Право и язык – это социокультурные феномены, складывающиеся в человеческом коллективе, изменяющиеся и развивающиеся вместе с изменением и развитием общества. Они связаны с культурой в целом, этническими и национальными традициями, сопряжены с моралью и нравственностью.

В связи с этим интересно обнаружить и обсудить точки соприкосновения норм права и языка с позиции лингвиста. Это и будет **целью нашего исследования.**

Нормы права

Приведем некоторые определения. Согласно «Большому юридическому словарю», «НОРМА ПРАВА – установленное государством общее правило поведения, регулирующее общественные отношения. Нормы права имеют определенную структуру и подразделяются на виды. Структура правовой нормы: гипотеза (указывает на круг лиц, которым адресована норма, а также на обстоятельства, при которых она реализуется), диспозиция (само правило поведения, которое состоит из прав и обязанностей участников правовых отношений), санкция (указывает на меры государственного принуждения, которые применяются к нарушителям норм права)» [БЮС 2010: 440].

«НОРМЫ ПРАВА – общеобязательные правила поведения, установленные или санкционированные государством и обеспеченные его принудительной силой. Формой закрепления нормы права являются соответствующие нормативные правовые акты, а также иные источники права» [Додонов 2001: 335-336].

«Норма права – это общеобязательное веление, выраженное в виде властного предписания, регулирующее общественные отношения и

обладающее следующими специфическими признаками, выделяющими их из иных социальных норм: нормативностью, системностью, общеобязательностью, формальной определенностью и представительно обязывающим характером» [Бошно 2014: 50].

Таким образом, главными особенностями норм права являются следующие: 1) содержание обязательных для исполнения правил, распространяющихся на широкий круг членов общества; 2) установление государством; 3) охрана государством; 4) обеспечение общественных и государственных интересов.

Нормы права выступают одной из важных разновидностей действующих в обществе социальных норм. Будучи связанными с различными ситуациями и аспектами общественной жизни, нормы права могут быть классифицированы (типологизированы) по разным основаниям: по отраслям, по хронологическим характеристикам, по степени категоричности и др.

Нормы права – нематериальные объекты, это содержательные категории, которые существуют только в определенных языковых формах, вот почему в процессе толкования иностранного права юристу необходимы не только специальные юридические знания, но и знания лингвистические о системе языка, на котором эти нормы изложены. Для общения в правовой сфере существует своеобразная система лексических и грамматических средств выражения – юридический подстиль официально-делового стиля, который также нередко называют языком права.

Нормы языка

С языковой нормой все не так однозначно. И в отечественном, и в зарубежном языкознании существуют разные точки зрения на проблему языковой нормативности: от признания нормы неким искусственным, привносимым в язык извне, а потому мешающим его развитию образованием до утверждения нормы как объективно существующей характеристики, отражающей состояние языка в определенный период. О.В. Загоровская предлагает выделять три основных подхода к феномену языковой нормы [Загоровская 2016]:

- 1) определение нормы как совокупности общепринятых и общеобязательных правил выбора и употребления языковых средств;
- 2) трактовка языковой нормы как «совокупности наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы на разных уровнях, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации» [ЛЭС, с. 337-338];

3) комплексный подход к норме и как к варианту реализации языковой системы, и как к правилу выбора языковых средств из числа сосуществующих в системе языка.

Языковая норма – общераспространенное, общепринятое, традиционное и закрепленное в академических изданиях (словарях, грамматиках, справочниках) употребление. Для того, чтобы тот или иной вариант употребления был признан нормативным, необходимо соблюдение некоторых условий: соответствие языковой системе, частотность употребления, отсутствие стилистической маркированности, общественное одобрение и кодификация. Нормативное употребление в языке каждый раз связано с выбором из существующих и зачастую неравноправных вариантов. Иногда у человека несведущего может сложиться впечатление, что нормы «выдумывают» ученые-лингвисты. Это не так. Лингвисты лишь наблюдают, фиксируют, анализируют и рекомендуют. Они не могут что-либо навязать, утвердить насильственным путем. Вспоминаются безуспешные предложения по замене иноязычных слов адмирала Шишкова и писателя А.И. Солженицына. В процессе становления языковой нормы присутствует элемент стихийности, который отражает предпочтения носителей языка.

Рассмотрим общие и отличительные признаки нормы языка и нормы права.

1. ГЕНЕЗИС. Языковая норма складывается как результат социально-исторического отбора языковых элементов, отражающий внутренние закономерности развития языковой системы. Правовая норма имеет прочную связь с государством, устанавливается и санкционируется публичной властью. Нормы права складываются в результате практики обобщений повторяющихся общезначимых социальных явлений. Очевидно, что правовая норма вырабатывается компетентным органом и внедряется принудительно, а языковые нормы складываются стихийно в языковом коллективе и им следуют естественным образом.

2. ОБЪЕКТИВНОСТЬ. Особенностью языковой нормы является сочетание объективного и субъективного начал. Объективно норма – это реализация возможностей языковой системы. Субъективно норма – это предпочтения образованной части общества. Норма права носит объективный характер, является результатом сознательной деятельности людей.

3. УСТОЙЧИВОСТЬ. Это качество обе нормы проявляют сходным образом. Для языковой нормы характерен консерватизм языкового идеала. В свое время А.М. Пешковский отмечал: «Нормой признается то, что было, отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет. Сама по себе нормативность не связана с неподвижностью норм. В области

права мы имеем пример норм, еще более принудительных и в то же время как раз подвижных, произвольно и планомерно изменяемых (Выделено нами. – И.М.). Не то в языке. Здесь норма есть идеал, раз навсегда уже достигнутый, как бы отлитый на веки вечные. Это сообщает литературным наречиям особый характер постоянства по сравнению с естественными наречиями, мешает им эволюционировать в скольконибудь заметных размерах. Современный образованный итальянец легко читает Данте, современный же итальянский крестьянин вряд ли бы разобрался в языке родной деревни XII века. Если в языке «всё течет», то в литературном наречии это течение заграждено плотиной нормативного консерватизма до такой степени, что языковая река чуть ли не превращена в искусственное озеро. Не трудно видеть, что этот консерватизм не случаен, что он тесно связан опять-таки с самим существованием литературного наречия и литературы (Разговорный язык может меняться в каком угодно темпе, и беды не произойдет, потому что мы говорим с отцами нашими и дедами, но не далее. Читая Пушкина, мы уже говорим с прадедом, а для англичанина, читающего Шекспира, и для итальянца, читающего Данте, это «пра» удесятерится. Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы» [Пешковский 2019: 4].

О нормах права можно сказать, что они нацелены на достаточно стабильное и длительной во времени регулирование общественных отношений, для них характерна продолжительность действия при планомерной изменяемости и регулярной корректировке, которая происходит в силу того, что нормы права регулирует общественные отношения непрерывно меняющиеся и совершенствующиеся под воздействием внутренних и внешних факторов общественного развития.

4. **ВАРИАТИВНОСТЬ.** Этим признаком обладают и языковые, и правовые нормы. Оно тесно связано с устойчивостью. Вариативность норм языка отражает тенденции его изменчивости и развития, помогает «привыкнуть» к новой норме.

5. **СИСТЕМНОСТЬ.** И норма языка, и норма права обладают этим качеством. Норма языка представляет собой реализованную возмож-

ность языковой системы. Норма права также системна, так как не существует изолированно как самостоятельное правило, а входит в институт права, в соответствующую отрасль права.

6. СТРОГОСТЬ. Очень интересно этот признак проявляется в нормах права. С одной стороны, требуется их неукоснительное соблюдение всеми участниками общественных отношений, с другой стороны, существуют типы норм, отражающие степень строгости. Нормы права императивные (категорические) – нормы права, содержащие властные предписания, отступления от которых не допускаются. Примером может служить норма трудового права, указывающая на недопустимость замены отпуска работающего человека денежной компенсацией. Нормы права диспозитивные – нормы, предоставляющие субъектам права возможность самим решать вопрос об объеме и характере своих прав и обязанностей [Додонов 2001: 335-336].

Императивные и диспозитивные нормы существуют и в классификации языковых норм. Нарушение императивных норм воспринимается как слабое владение языком (например, *какой красивый девушка!*). Следование языковой норме становится обязательным для носителей языка в силу коммуникативных причин: обеспечение взаимопонимания между коммуникантами, улучшение эффективности общения. Соблюдение норм свидетельствует об уровне речевой культуры отдельного человека и общества в целом.

7. ЗАКРЕПЛЕННОСТЬ. Норма языка кодифицируется, то есть закрепляется в словарях, грамматиках, справочниках. Норма права устанавливается в государственных документах – нормативных правовых актах, а также иных источниках права. Они имеют строгую структуру, форму, определенное языковое выражение и письменную реализацию. Для обоих видов норм этот процесс носит ретроспективный характер: отражает уже сложившиеся общественные отношения и языковую практику.

8. НАЛИЧИЕ САНКЦИЙ. Несоблюдение норм языка может иметь последствия в виде коммуникативных неудач и общественного осуждения (является санкцией, скорее, морального порядка). Кроме того, выйти за пределы языковой нормы можно, если задаться целью поиска новой формы, изобразительно-выразительного средства, языковой игры. За нарушение правовых норм следуют обязательные санкции, устанавливаются правовые последствия.

9. НАЛИЧИЕ КЛАССИФИКАЦИЙ. И языковые, и правовые нормы классифицируются по различным основаниям. Так, можно провести абстрактные параллели между классификацией норм по отраслевой принадлежности (нормы гражданского, уголовного, административ-

ного права и т. п.) и по уровням языковой системы (лексические, морфологические, синтаксические), по сфере действия (общие и специальные), по степени обязательности (императивные и диспозитивные).

Таким образом, языковые и правовые нормы имеют много сходных проявлений выделенных нами признаков, что обусловлено спецификой языка и права как явлений нематериальной культуры институционального характера, отражающих развитие общества и социальных отношений. Необходимо подчеркнуть тот факт, что общность признаков сочетается с различным их содержательным наполнением, обусловленным разнохарактерной природой языка и права.

Некоторые исследователи говорят и об общности функций языка и права. «Функции языка и функции права как практическое проявление их сущности и предназначения, равноценны, тождественны функциям общества и его культуры. К основным функциям языка и права относят: коммуникативную (обеспечивает общение и сообщение) конструктивную (обеспечивает формулирование мыслей), консолидирующую (объединяет мысли в единые устремления и ценности), регулятивную (обеспечивает воздействие), аккумулятивную (обеспечивает сумму взглядов), информационную (позволяет предавать необходимую информацию адресатам), идеологическую (формирует ценностные ориентиры), оценочную, воспитательную и прочие.

Особая взаимосвязанность между нормами языка и нормами права проявляется в такой социально значимой функции, как коммуникативная. Язык как система имеет характер своеобразного кода, который реализуется в речи посредством письменной и устной формы, выполняя свое универсальное коммуникативное предназначение. Базовой она является и для функционирования права» [Голенок, Калашникова 2020: 103]. Все-таки утверждение о коммуникативной функции права сложно принять безоговорочно.

Различия между рассматриваемыми нормами определяются свойствами, присущими только им.

Система языка характеризуется большей динамичностью и меньшей слитностью. Существует так называемая полевая модель устройства языковой системы, показывающая отношения не по принципу «выше – ниже», а гораздо сложнее и многообразнее. В ней выделяется центр (ядро) и периферия, где постоянно происходят различные процессы: переходы от одних группировок к другим, частичные пересечения и наложения. Система права – жесткая, строго нормативная; ее элементы и структурные взаимосвязи предопределены волей государства. Развитие языка является, в сущности, развитием и

совершенствованием его норм в соответствии с потребностями социума и в силу внутренних закономерностей развития самой языковой системы.

Следовательно, в отношении языковой нормы можно говорить о ней как о социально-исторической и собственно лингвистической категории. Нормы права обладают предоставительно-обязывающим характером. Это означает, что они регулируют общественные отношения посредством одновременного предоставления их участникам определенных субъективных прав и возложения на них соответствующих обязанностей.

Языковая норма обеспечивается степенью употребительности и авторитетностью источника. Для правовой нормы характерна обеспеченность государством, а это означает, что государство по отношению к правовой норме выступает гарантом ее надлежащей реализации.

По-разному нормы языка и права относятся к заимствованиям. Заимствование норм права возможно и порой желательно, а заимствование норм языка не происходит никогда, хотя есть заимствование слов как способ пополнения лексической системы языка. Нормы права, как правило, вне национальны, нормы языка связаны с литературной формой национального языка.

В мире существует множество правовых систем различного уровня и характера, но их число в разы меньше, чем количество языков (языковых систем), существующих на планете.

Нормы языка и нормы права вступают во взаимодействие, а точнее правовые могут поглотить языковые, когда нарушение правил речевого поведения приводит к конфликту с нарушением правовых норм (например, административные нормы об ответственности за речевое оскорбление).

Еще накануне нового века Н.Д. Голев выделил три вида отношений между языковой и правовой системами [Голев 1999]:

1) язык выступает как объект правового регулирования (например, существует Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», принятый в 2005 году, который регулярно корректируется);

2) язык выступает как средство, при помощи которого осуществляется регулирование (проблема соотношения естественного и профессионального (юридического) языков);

3) язык является предметом исследования (в рамках лингвистической экспертизы спорного текста).

Именно последний вид отношений получил интенсивное развитие в новом веке и привел к оформлению новой прикладной лингви-

стической области, связанной с методами и приемами анализа продуктов речевой деятельности, направленного на установление значимых для правоприменителей фактов. Существует даже конкуренция в плане номинации этой области – лингвокриминалистика, юрислингвистика, судебная лингвистика, судебное речеведение, лингвистическая экспертиза текста.

Разумеется, главной опорой экспертной работы лингвиста-эксперта при разрешении большинства правовых споров является литературная норма, кодификация которой представлена в словарях, справочниках и в академических грамматиках. «В действительности лингвистическому анализу, как правило, подвергаются не столько слова и выражения, сколько речевые действия, т. е. семантические прагматические особенности употребления нормативных, ненормативных или пограничных в плане нормы/антинормы языковых единиц, которые выражают или могут выражать те или иные оценки либо утверждения, воспринимаемые адресатом или третьими лицами в определенных речевых ситуациях как оскорбительные, унижающие, порочащие, клеветнические, агрессивные и т. п. Иначе говоря, лингвист-эксперт безусловно руководствуется в своем анализе кодифицированными нормами литературного языка, но при этом должен учитывать и ситуационную обусловленность речевого действия» [Химик 2012: 14].

Обозначим основные точки соприкосновения языковых и правовых норм.

1) Использование грубых и нецензурных слов и выражений – нарушение этических и коммуникативных норм коммуникации является также одним из признаков нормативной квалификации некоторых административных правонарушений, например, мелкого хулиганства, которое в ч.1 ст.20.1 КоАП РФ понимается как нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, или оскорбления, предусмотренного ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ.

Отсутствие определения понятия «нецензурная брань», «неприличная форма» в действующем законодательстве заставляет обратиться к помощи лингвистов, которые устанавливают стилистическую окраску (сниженное, вульгарное, бранное, нецензурное) использованных лексических единиц. Расширение формулировки понятия оскорбления – «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепри-

нятым нормам морали и нравственности форме» [Консультант Плюс] привело к поиску новых критериев определения этих форм. Приведенная формулировка не является лингвистической дефиницией и не соотносится очевидным образом с конкретной лингвистической категорией, хотя перед лингвистом-экспертом как правило ставится вопрос о форме выражения порочащей информации.

Одним из путей решения данной проблемы можно считать подход М.С. Саломатиной, предложившей опираться на традиционное представление о культуре речи как феномене, функционирующем в виде трех аспектов – нормативного, коммуникативного и этического. Автор отмечает: «При попытке лингвистической интерпретации понятия языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности, целесообразно опереться на единственное лингвистическое понятие, содержащееся в приведенной формулировке, – понятие языковой формы. Сообщение о том, что некая языковая форма может стать основанием ограничения использования слова в той или иной ситуации, указывает на то, что ответ на вопрос о несоответствии употребления тех или иных языковых средств общепринятым нормам морали и нравственности может быть дан путем стилистического анализа спорного текста. Для любого лингвиста очевидно, что в языке не существует такого набора языковых средств, которые бы в принципе противоречили общепринятым нормам морали и нравственности. Речь может идти только о нарушении норм культуры речи, а именно – требований уместности и допустимости использования тех или иных слов и выражений [Саломатина 2022: 92].

2) Наиболее распространенная сфера, в которой возникают споры о нарушении законодательства о государственном языке, — сфера рекламы. Реклама направлена на привлечение внимания и часто для этих целей использует неоднозначные средства.

С точки зрения характера нарушений можно выделить два их вида: 1) употребление бранных или непристойных слов; 2) нарушение орфографии, пунктуации или грамматических норм русского языка.

Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ регулирует рекламную деятельность и устанавливает требования, которым должна соответствовать реклама, в противном случае реклама характеризуется как ненадлежащая. Это общее понятие конкретизируется в видовых понятиях: недобросовестная, недостоверная, неэтичная, скрытая и заведомо ложная. Авторы рекламных текстов регулярно прибегают к творческим экспериментам, и наиболее яркие проявления лингвокреативности можно наблюдать именно в текстах баннеров, вывесок, билбордов и других форм рекламы. Большинство подобных тек-

стов к тому же относятся к типу креолизированных, в которых текстовая часть воспринимается в совокупности с изобразительной частью, причем соотношение этих частей может быть различным.

Задача лингвиста при анализе рекламной продукции часто связана с анализом способов языковой игры, различных отступлений от привычной стандартной нормы. Для привлечения внимания авторы рекламы придумали императив от названия жидкости для ополаскивания зубов «Листерин» (*полистеринь*), псевдочешское слово *хорошечно* для рекламы пива и существительное *расхватажа* для обозначения очень быстрой распродажи. Подобные примеры можно продолжить и вспомнить *скитлстрианку* (скитлс + ветрянка), призыв «*Шерь! Стримь! Сторь!*» – в рекламе Мегафона, «*Кэшбэч на всём!*» – слоган МТС. А заимствование из английского “*не айс*” из популярной когда-то рекламы жевательной резинки используется до сих пор в сленге для негативной оценки. Прочно вошли в русский язык и превратились в клише рекламные словосочетания «*в одном флаконе*», «*сладкая парочка*», «*три в одном*». Примеры из НКРЯ подтверждают это:

– *Машка подняла глаза от чашки и посмотрела на меня. – Не айс, – вынесла она приговор. – Почему не айс? — искренне удивился я.* [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016]

И это все устроила сладкая парочка Демидов-Ескевич, причем один из них сейчас прибудет сюда [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]

Участие члена семьи в лечебной программе – это три в одном: выздоровление созависимого члена семьи, резкое повышение эффективности лечения зависимого члена семьи и профилактика возможных расстройств у детей [Реклама // «Психология на каждый день», 2011]

Веселый. Как говорится, все в одном флаконе. Вот Довлатов, например, писал веселые вещи, но сам был грустен и даже трагичен. [Юрий Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019]

Наряду с такими безобидными и действительно оригинальными употреблениями, встречаются и менее безобидные, противоречащие нормам этики, эстетики, культуры речи. По подсчетам специалистов, нарушения закона только нарастают. Так, в 2021 году антимонопольные органы рассмотрели 17607 заявлений, а в 2023 году уже 18 036 заявлений о несоответствии рекламы требованиям законодательства о рекламе [https://fas.gov.ru/pages/rezultati_raboti_v_reklame].

Приведем примеры неоднозначной рекламы:

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Языковая игра с омоформами в данном случае сопровождается дополнительными способами привлечения внимания (игра со шрифтами, отсутствие пунктуации, неподходящие иллюстрации), наталкивающими на определенную семантику, связанную с действиями интимного характера, говорить о которых не принято публично. Подобные лингвкреативные «двусмысленности» недопустимы в публичном пространстве с этической точки зрения.

Показанные выше рекламные объявления можно считать креативными, но сложно считать приемлемыми.

Пример 1 (рис. 1). *Стояк гарантируем при комплексной замене водопровода и отопления.* Так, значение слова “стояк” согласно БТС:

Вертикальный брус, столб, труба в каком-либо сооружении, устройстве и т.п., служащие для опоры или соединения чего-либо. *Стояк парового отопления. Стойки строительных лесов. Водоразборный стояк. Стойки потолка. Вбить гвоздь в стояк* [<https://gramota.ru/meta/stoyak>]. Таким образом, это элемент конструкции, который нельзя гарантировать (т.е. поручиться, взять обязательство). Гарантировать можно замену стояка, ремонт стояка.

Пример 2 (рис. 2). *Каждому сосну или ель при покупке участка в экологически чистой зоне.* Если бы авторы рекламы действительно имели в виду дерево, которое обещано при покупке участка в экологически чистой зоне, то должны были поставить тире в знак пропуска сказуемого (*каждому – сосну*, т.е. каждому обещаем, гарантируем сосну). Все эти ухищрения, на наш взгляд, неприемлемы, так как в русской культурной традиции отношение к телесности и интиму традиционно было табуированным.

Пример 3 (рис. 3). *Я дала своему соседу месяц интернета и кабельного ТВ бесплатно.* Все-таки интернет предоставляют («дают») специализированные фирмы, а не соседи. Эксплуатация многозначности в жаргонном контексте.

М. Р. Савова [Савова 2009] предложила оценивать речевые нормы по признакам: этические (прилично – не прилично, хорошо – плохо), коммуникативные (удачно – неудачно, эффективно – неэффективно), языковые (правильно – неправильно), речевые (логично – нелогично, точно – неточно, уместно – неуместно, доступно – недоступно, разнообразно – однообразно, выразительно – невыразительно), этикетные (в рамках этических и коммуникативных): принято – не принято. Получается, что в рекламных текстах за последние годы сформировалась тенденция целенаправленного нарушения всех этих норм.

Как любой институциональный дискурс, реклама регулируется обществом, следовательно, должна отвечать принятым в обществе нормам культуры общения, которая опирается на систему национальной речевой культуры. Социальный аспект языковой нормы проявляется не только в отборе и фиксации языковых явлений, но и в системе их оценок («правильно – неправильно», «уместно – неуместно»), причем эти оценки включают и эстетический компонент («красиво – некрасиво»).

3) И, наконец, к соблюдению норм литературного языка призывает нас ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», который в феврале 2023 года претерпел очередную редакцию. Норма права закрепляет требование к функционированию государственного языка:

Государственный язык – это часть общенародного языка, обеспечивающая политическое единство (разные народы живут в одной стране, и государственный язык их объединяет), создающая возможности для эффективной коммуникации в обществе и служащая тому, чтобы граждане понимали, что им хотят сообщить государственные органы и негосударственные организации в официальном общении (всё, что касается прав и обязанностей, должно быть понятно) [Государственный язык 2018].

В Российской Федерации сегодня требования к лексическому корпусу русского языка, допустимому при использовании языка как государственного, ограничиваются положением ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, *не соответствующих нормам* современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи» [Консультант Плюс].

К сожалению, сам список этих словарей, равно как и самих слов, найти непросто. Кроме того, как справедливо отмечает Н.В. Белоконь, «из содержания данного определения следует, что «нормы современного русского литературного языка» и «нормы современного русского литературного языка при использовании его в качестве государственного» – это не одно и то же. В контексте данного правового положения возникает вопрос о соотношении языковых норм и правил с нормами современного русского литературного языка при использовании его как государственного» [Белоконь 2019: 424].

Разделяем обеспокоенность О.В. Мякшевой, О.Б. Сиротининой, которые отмечают, что языковая политика Российской Федерации де-юре соответствует новым вызовам, ее модель предполагает, что на территории много национальной страны функционирует единый государственный язык – русский, что обеспечивает полноценное взаимодействие представителей разных национальностей, а де-факто государственный русский язык изучается в школах России, особенно в старших классах, в формате ЕГЭ, что разрушает его целостное восприятие и возможность полноценного владения им [Мякишева, Сиротинина 2023]. Сегодня, как никогда, назрела потребность регулирования вопросов, связанных с укреплением позиции русского языка как государственного языка Российской Федерации.

Таким образом, нормативность в сфере языка и права демонстрирует определенные зоны пересечения, имеющие институциональный характер. Человек является социальным актантом наряду с другими людьми, обществом, социальными институтами и государством. На этом социальном уровне в силу вступают языковые и правовые нормы.

Выводы

Таким образом, в теоретическом плане нормы языка и нормы права имеют много сходных черт, что обусловлено общностью специфики языка и права как явлений нематериальной культуры институционального характера. В качестве релевантных признаков сопоставления можно выделить: генезис, объективность, вариативность, строгость, устойчивость, системность, закреплённость, наличие санкций, наличие классификаций.

При этом общность признаков сочетается с различным их содержательным наполнением, которое можно объяснить разнохарактерной природой языка и права.

Основные точки соприкосновения языковых и правовых норм, то есть те случаи, когда нарушения языковых и коммуникативных норм приводит к нарушению норм правовых, немногочисленны. Можно выделить использование грубых, неприличных, бранных слов и выражений в публичном пространстве, рекламе, а также проблема использования русского языка как государственного языка Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ В КОНТЕКСТЕ СУПЕРСИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ

Предлагая читателям размышления, завершающие на данном этапе исследование нормы в коммуникации, думается, будет целесообразно акцентировать разнообразные связи социальных норм (в узком смысле, т.е. норм, регулирующих в социуме отношения между носителями культуры) и языковых норм (т.е. норм, регулирующих в тех или иных условиях реализацию разнородных свойств языковых средств, локализуемых на разных уровнях языковой системы).

Весьма условно, принимая во внимание наиболее значимые для осмысления изучаемых феноменов параметры, соответствующие отношения можно представить в виде матрицы (см. матрицу 1), в опоре на которые теоретически возможно исчислить степень взаимозависимости выделенных параметров.

Матрица 1

Корреляции между характером идентичности коммуникантов,
типом коммуникативной среды, видом языковой нормы
и результатом взаимодействия коммуникантов

Субъект		Среда			Языковые нормы							Результат		
Характер идентичности субъекта		1	2	3	1	2	3	4	5	6	7	+	-	Ø
I	Личностная													
	Коллективная													
II	Личностная													
	Коллективная													

Условные обозначения:

Субъекты: I – говорящий/продуцент текста, II – слушающий/реципиент текста.

Среда: 1 – устная (официальная/неофициальная), 2 – письменная (официальная/неофициальная), 3 – компьютерно-опосредованная коммуникация (официальная/неофициальная).

Нормы: 1 – орфографическая, 2 – орфоэпическая, 3 – лексическая, 4 – морфологическая, 5 – синтаксическая, 6 – пунктуационная, 7 – текстограмматическая. (Другие типы/виды языковых норм, выделяемые в специальной литературе по тем или иным основаниям, трактуются как входящие в соответствующие группировки в опоре на лингвистически релевантные характеристики).

Результат взаимодействия: «+» позитивный (для одного и/или обоих субъектов), «-» негативный (для одного и/или обоих субъектов), «Ø» угроза негативного результата (для одного и/или обоих субъектов).

Юридические нормы интерпретируются так же, как и языковые, в качестве социальных, поскольку они, будучи «писанными», кодифицируют/регулируют в конкретном культурном пространстве ряд типов социального взаимодействия. И с этой точки зрения юридические нормы – в отличие от языковых – **предельно** ригидны в тот или иной период времени в социуме с известными характеристиками.

Целесообразно поэтому еще раз вспомнить высказывания А.Е. Бочкарева, сделанные им в начале рассуждений о языковой норме: «<...> В предельно общем смысле норма – это **точка отсчета** в виде какой-то возведенной в абсолют **институциональной** модели, относительно которой устанавливают **соответствие в границах** между “можно” – “нельзя”, “допустимо” – “недопустимо”, а в специальном смысле – система унифицированных установлений **прескриптивного** характера в приложении к какой-то **определенной** сфере деятельности <...>» [Бочкарев 2014: 162]. (Выделено мною. – Л.Г.)

Поэтому корреляции между языковыми и юридическими нормами не могут не быть предметом лингвистических исследований, потому что и те, и другие явно и/или неявно присутствуют в каждом акте взаимодействия носителей языка и культуры. И от степени осознания коммуникантами необходимости – обязательности – нежелания следовать той или иной норме либо сознательного пренебрежения соответствующими регулятивами зависит и в кратковременной, и в долгосрочной перспективе морально-этический и психологический комфорт носителей языка и культуры, хотят они того или нет.

Признание за языковыми нормами социальной природы и интеракционного характера закономерно предполагает осмысление изучаемого феномена в контексте сложно организованных **суперсистемных** связей разной этиологии. Применительно к использованию языковых средств последние, вне всякого сомнения, представляют собой весь комплекс **социокультурных** – в том числе и в частности психо-социо-когнитивных и антропологических – связей и отношений между различными единичными и/или коллективными субъектами, разного рода объектами и между субъектами, а также между субъектами и объектами.

Характерно, что изучение того, как функционируют языковые средства, какой бы природы те ни были, в контексте суперсистемных, социокультурных, связей, неизбежно подводит исследователя к ясному осознанию необходимости погружать соответствующие объекты анализа в систему социокультурных связей как суперсистемных для языка. В силу этого особенности использования элементов любого культурного кода становятся объектами **социальной** перцепции. Это, оче-

видно, относится к любым объектам восприятия: единичным и коллективным субъектам, объектам разной природы, разнообразным отношениям, признакам различной природы, многочисленным свойствам и характеристикам субъектов и объектов, процессов, действий, состояний, ситуаций (как положений дел) и т.д.

И если при перцепции объектов физического мира воспринимаемые элементы реальной действительности включаются в определенные ментальные категории на основании акустических, визуальных, gustических, одорических, гаптических признаков, значимых для идентификации объектов в естественной, природной среде, то при социальной перцепции **все** элемента мира становятся объектами социальной перцепции. Следовательно, воспринимаемые объекты не только включаются в те или иные ментальные категории на основании признаков, значимых в социуме, но и сведения о них конфигурируются, профилируются, категоризируются, концептуализируются в опоре на ментальные образцы обработки **социокультурно релевантной** информации, т.е. на культурно специфические стереотипы сознания.

Поэтому понятно, что воспринимаемые сведения о мире целесообразно погружать при анализе в ту или иную коммуникативную среду, а изучение средств и способов объективации соответствующего продукта коммуникативной деятельности носителей языка и культуры – интерпретировать как решение последними некоторой коммуникативной и когнитивной задачи.

В обозначенном контексте разнообразные ресурсы языка как культурного кода, с помощью которого знания о мире кодируются и декодируются, фиксируются и транслируются не только от субъекта к субъекту, но и от поколения к поколению носителей культуры, можно трактовать как **механизмы вербализации** и распределять их по отдельным группам на основании характеристик, изученных лингвистическими приемами и методами: лексико-семантических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, текстограмматических, формально-структурных – с последующей – если необходимо – более тонкой дифференциацией внутри каждой группы по лингвистически значимым – и давно описанным – критериям.

Следовательно, и организацию интеракции как совокупности речевых и неречевых действий, осуществляемых средствами культурных – вербального и невербальных – кодов, в целях анализа целесообразно описывать с когнитивных, номинативных и коммуникативных позиций как реализацию соответствующих стратегий. Между последними выявляются определенные, но, конечно же, нелинейные корреляции.

Поэтому исследовательскую задачу «изучение соблюдения и нарушения нормы» правомерно решать как сопоставление конвенциональных и окказиональных способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи носителями конкретной языковой культуры. При подобном подходе средства и способы реализации соответствующих когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий правомерно описывать через сопоставление конвенциональных и креативных средств и способов реализации коммуникативных, номинативных, когнитивных стратегий. В таких случаях, однако, необходимо учитывать, что соответствующие средства **избираются** в тех или иных условиях носителями языка и культуры как – с их (!) точки зрения – максимально адекватные сложившимся обстоятельствам.

Тем самым можно не только последовательно исчислять и описывать под разными углами зрения отдельные виды когнитивной, номинативной, коммуникативной деятельности человека в конкретном культурном пространстве, но и выявлять изменение функционала того или иного средства в сторону его расширения и/или более тонкой дифференциации либо уменьшения и/или упрощения, сворачивания соответствующих функций.

Очевидно, что через обобщение полученным таким образом сведений исследователь получает доступ к данным об изменении функциональной сферы того или иного средства объективации, активации и со-активации сведений о мире и тем самым – возможность выявить конфигурацию сведений о мире в языковой картине мира и хотя бы частично – в картине мира. В конечном итоге можно надеяться, что через анализ изменений конфигураций сведений в некоторой ментальной структуре в перспективе можно получить возможность познавать конфигурацию связей между отдельными сегментами в целом в картине мира определенной культуры.

Поэтому особое внимание целесообразно уделять нарушениям тех или иных норм, поскольку некоторые из подобных нарушений представляют собой номинативные и коммуникативные решения, перспективные для расширения потенциала языка как культурного кода.

Осмыслять нарушения норм, осознаваемых как нечто непривычное либо новое и характеризующихся и/или потенциально интерпретируемых в качестве креативного решения, теоретически можно, опираясь на следующие положения:

- постулаты теорий с тем или иным научным инструментарием и объяснительной силой, имеющиеся на данный момент в лингвистике;

- версии известных лингвистических концепций, так или иначе модифицированные под влиянием уровня развития лингвистического знания и структуры проблемного поля в лингвистике, актуальной на определенном витке лингвистического знания;
- принципиально новые теоретические постулаты, предлагаемые для осмысления того или иного феномена;
- новые приемы анализа, обогащающие инструментарий лингвистики;
- традиционные для лингвистики приемы, не утрачивающие своей объяснительной силы;
- традиционные приемы анализа, адаптированные к новым обще- и частнотеоретическим лингвистическим и коммуникационным реалиям.

Оценивать «судьбу» конкретного креатива в долговременной или кратковременной перспективе довольно сложно, поскольку он «живет» в контексте «осознается ⇔ не осознается» носителями языка, «порождается сознательно ⇔ порождается случайно», «принимается ⇔ не принимается» в лингвокультурном сообществе сразу и/или со временем, «тиражируется ⇔ не тиражируется» и т.д.

В условно благоприятном для неологизма (любой природы) случае креативное решение при использовании языковых средств имеет такие шансы: оно принимается → **конвенционализируется** → становится частью комплекса изофункциональных средств → вызывает перераспределение функциональной сферы → обуславливает перераспределение функционала элементов в комплексе изофункциональных средства.

В условно неблагоприятном для окказионализма случае порожденный креатив имеет разную «судьбу»: он не принимается в лингвокультурном сообществе → **остается окказионализмом** → провоцирует появление новых средств с функцией, которую должен был бы выполнять окказионализм → становится маркером определенной исторической эпохи в языковом сообществе → исчезает в небытии, не будучи зафиксированным даже в словарях.

Рассуждая о степени новизны того или иного языкового средства, целесообразно иметь в виду три потенциально вероятных аспекта рассмотрения неологизма: в качестве нового для носителей языка и культуры могут восприниматься либо форма, либо содержание, либо функция того или иного языкового средства. Соответствующие потенциально вероятные корреляции позволяет выявить матрица 2, в которой отмечаются параметры новизны, с одной стороны, и, с другой стороны,

средства и способы объективации сведений о мире, востребуемые интерактантами в некотором акте познания и коммуникации.

Матрица 2

Корреляции между параметрами новизны решения коммуникативной и когнитивной задачи и средствами ее реализации

Параметры		средства						способы					
		первичные		вторичные		«новые»		«ста-рые»		«новые»		«модифицированные»	
		В	НВ	В	НВ	В	НВ	В	НВ	В	НВ	В	НВ
форма	«старая»												
	«новая»												
содержание	«старое»												
	«новое»												
функция	«старая»												
	«новая»												

Условные сокращения: В – вербальные (средства), НВ – невербальные (средства).

Изложенные соображения побуждают признать необходимость разграничения понятий «норма» и «нормативность» как имеющих разный уровень абстрактности ⇔ конкретности и в силу этого разные сферы приложения. Норма может быть обязательной, факультативной, множественной, вариативной, а нормативность – ригидной или лабильной. При этом применительно к разным типам норм границы между отдельными типами норм, с одной стороны, и между нормой и нормативностью, с другой, могут быть определенными или неявными, диффузными или размытыми, жесткими или вариативными.

Парадоксальность нормы авторы усматривают в том, что норма, теоретически нередко интерпретируемая прескрипцией, ригидным образом, оказывается в коммуникации множественной и вариативной. Поэтому, чтобы не впасть, рассуждая о норме и нормативности, в противоречие, целесообразно изучать норму как реализующуюся в пределах «обязательно для употребления ⇔ факультативно», «желательно с точки зрения носителей языка ⇔ нежелательно», «поощряемо в культуре ⇔ запретно» и т.д. В силу этого норма не может не описываться в контексте «инвариант ⇔ варианты». Она анализируется в социокультурном контексте, когда во внимание принимаются разные факторы, внешние и внутренние по отношению к порождаемому при взаимодействии тексту как коммуникативному продукту. В таком случае социальные (в узком смысле) нормы и языковые нормы, известные носителями языка и культуры, сознательно отрефлексированные в лингвокультурном сообществе или нет, служат **основой**, обусловли-

вающей выбор средств и способов реализации носителями языка и культуры разнообразных коммуникативных стратегий.

Подобные средства и способы, избираемые коммуникантом сознательно и/или интуитивно в силу своего социокогнитивного опыта, могут быть конвенциональными либо нормативными и/или окказиональными либо ненормативными. Однако оценивая статус того или иного средства решения коммуникативной и когнитивной задачи, важно осознавать, насколько следование тем или иным нормам гарантирует оптимальное взаимодействие носителей культуры, позволяет им максимально эффективно решать ту или иную коммуникативную и когнитивную задачу с помощью средств культурных кодов, фиксирующих и транслирующих в тех или иных условиях гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о реальной, фикциональной, виртуальной действительности.

Парадоксальность нормы в языке и коммуникации правомерно усматривать и в контексте «субъективное $\Leftrightarrow$ объективное». Необходимость этого вытекает из того, что представления о норме являются знаниями, в той или иной мере известными **всем** носителям языка и культуры. По этой причине более или менее определенные представления о норме и нормативности, точные знания о норме и необходимости ее соблюдения, а также знания о последствиях нарушения нормы входят, вне всякого сомнения, в ядерную часть коллективной идентичности коллективного субъекта.

Вместе с тем, степень обязательности/факультативности следованию той или иной норме в определенной интеракции не может не зависеть от ряда параметров ситуации общения, в том числе и от конфигурации сведений в картине мира каждого конкретного интерактанта, а также от структуры ценностной картины мира последнего. Кроме того, общепринятые представления о той или иной социальной (в узком смысле) и языковой норме по-разному содержательно наполнены у каждого единичного субъекта в силу того, что он является носителем не только коллективной, но и личностной идентичности.

Парадоксальность нормы и нормативности заключается также в том, что соблюдение нормы требует от носителя языка и культуры и при порождении, и при рецепции некоторого высказывания, по всей видимости, меньших когнитивных усилий, нежели ее нарушение. Однако в обществе креативные номинативные и коммуникативные решения, т.е. необычные, выпадающие из рутины, новые, нарушающие давно устоявшиеся способы использования языковых средств, приветствуются, тиражируются, обогащая и лексикон, и грамматический строй языка как во всех его отдельных сегментах (субсистемах), так и в

системе в целом, а также осваивая новые коммуникативные сферы и коммуникационные практики.

Собственно, в изложенных соображениях относительно парадоксальности нормы в языке и коммуникации и заключается основной результат предпринятого исследования.

Критически мыслящий читатель может с полным основанием обратить внимание авторов на то, что-де собственно *коммуникации в исследовании недостаточны*.

На подобное критическое замечание правомерно ответить, акцентируя четыре обстоятельства.

Во-первых, все описываемые с тех или иных позиций явления – это фрагменты, извлечённые из различных коммуникативных практик, имеющих место в той или иной языковой культуре. Поэтому соответствующие образцы функционирования языковых средств понимались и изучались в качестве:

- результата функционирования языка как средства познания и коммуникации в пространственно-временном и социокультурном континууме с разнородными характеристиками и параметрами, известными каждому носителю языка и культуры,
- средства фиксации познания того или иной проявления естественного/природного и искусственного/культурного мира,
- способа трансляции в некоторых условиях сведений от одного носителя языка и культуры к другому,
- способа кодирования и декодирования гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений, воспринимаемых продуцентом и реципиентом в тех или иных условиях,
- способа решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи с помощью разнородных языковых средств,
- одного из многочисленных способов реализации разнообразных потенций языка как культурного кода, адаптированных к актуальным для коммуникантов разнообразным условиям.

Другими словами, это результат речемыслительной деятельности носителей языка и культуры – и/или же часть соответствующего результата, о чем авторы исследования предупреждают своего читателя заранее, изучая то или иное явление в суперсистемном, системном и субсистемном контексте.

Во-вторых, следует сознательно иметь в виду, что, как подчеркивает З.А. Харитончик: «<...> сознание изначально направлено на отражение, опосредованное человеческой практикой, окружающего нас мира» [Харитончик 2015: 10]. Кроме того, любой лингвист имеет дело с текстами как продуктами речемыслительной (дискурсивной) дея-

тельности и что он как исследователь волен выбирать объект своего интереса. В определенный момент востребованным оказывается динамический ракурс анализа текстов, в другой – статический.

В-третьих, коммуникативные единицы разной степени сложности могут изучаться как в статической, так и динамической перспективе, как при атомистическом, так и при холистическом подходе, как при порождении, так и рецепции текста того или иного типа. Поэтому предмет исследования оказывается, естественно, нетождественным.

Наша трактовка нарушения норм как **стратегического** средства, нацеленного на максимально оптимальную реализацию интерактантами той или иной коммуникативной стратегии через выбор средств и способов реализации номинативных стратегий, позволяет выявить и описать не только сам комплекс средств и способов, обеспечивающих объективацию воспринимаемых продуцентом и затем реципиентом сведений о мире, но и определить степень успешности этого выбора применительно к тем или иным коммуникативным условиям, внешним и внутренним для порождаемого и/или воспринимаемого текста.

Тем самым наша трактовка изучаемого феномена соединяет все обозначенные выше ракурсы исследования – и, как нам представляется, является внутренне непротиворечивой.

Наконец, в-четвертых, сугубо динамический взгляд на соблюдение и/или нарушение той или иной нормы вполне можно интерпретировать как новую исследовательскую задачу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1972. Т. 6. С. 826-831.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-65.

Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы, Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 75-91.

Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка). Москва: Языки славянских культур, 2007. 288 с.

Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных значений в языке и речи. Тамбов-Москва: изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 264 с.

Банкова Л.Л. Комплект китайских обычных цифр "小写" // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 76-81.

Банкова Л.Л. (а) Функциональная, структурная и функционально-структурная классификации количественных числительных в китайском языке // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 4-5. С. 175-193.

Банкова Л.Л. (б) Классификация китайских количественных числительных согласно критерию точности и целостности обозначаемых ими чисел // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 4-5. С. 194-206.

Банкова Л.Л. О числительных с диффузной семантикой в китайском языке // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, № 5. С. 97-109.

Банкова Л.Л. Три ипостаси китайского нуля: причины, проблемы, решения // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 5-15.

Баранов И.В. Некоторые конституционно-правовые и международно-правовые аспекты статуса современного русского языка // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 30-35.

Беликов В.И. Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. Москва: РГГУ, 2009. С. 357-377.

Белоконь Н.В. Риски функционирования государственного языка Российской Федерации // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 424-427.

Беляевская Е.Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики. № 3(53). 2022. С. 62-73.

Бердяев Н.А. О русских классиках. М.: Высшая школа, 1993. 368 с.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / Отв. ред. В.В. Петров. М.: Прогресс, 1987. С. 88-125.

Богуславский И. М. Парциальные выражения в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. №2. С. 29–52.

Бойко Л.Б. «Язык изломан? Что ж! – Глядите». О некоторых аспектах регулирования в языке // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 1. С. 8-23.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция когнитивного контекста // Язык, сознание, коммуникация. Москва: МАКС Пресс, 2017. С. 32-42.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.

Болдырев Н.Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Сб. науч. трудов / под ред. М.Н. Конновой [Электронный ресурс] : научное электронное издание. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. С. 5-8.

Большакова Т.И. Стилистические функции иноязычных вкраплений в романе В. Аксенова «Ожог» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007. №2. Ч.1. С.37 – 41.

Большая Российская энциклопедия. Эл. версия: [<https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174>]

Большой толковый социологический словарь. Т.1. М.: Вече, АСТ, 2001. 544 с.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

БЮС – Большой юридический словарь. Автор и составитель: А.Б. Борисов М.: Книжный мир, 2010. 848 с. 440 с.

Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптоклассов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 211 с.

Борискина О.О. Трампизмы-Хиларизмы или Из жизни неологизмов в англоязычном массово-информационном дискурсе / О.О. Борискина, В.Г. Шимко // Имя собственное в медиaprостранстве : кол. монография / Л.И. Гришаева, О.О. Борискина, Н.А. Фененко, В.Н. Абабий, В.Г. Шимко. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 68-106.

Бочкарев А.Е. Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. 320 с.

Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4 DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2014.4.7>

Викулова Л.Г. Диалогические дискурсивные структуры социального конструирования: миграция как контекст идентификационных установок в коллективная монография // Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: коллективная монография. М.: Издательский дом ВКН, 2021. С. 104 – 137.

Викулова Л.Г. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свой – чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Черная тетрадь») // Вестник Московского городского педагогического университета. 2013. №2 (12). С. 33-42 (Филология. Теория языка. Языковое образование).

Вишневская Г.М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация: Учеб. пособие. Иваново: ИВАН.ГОС. УН-Т, 2011. 224 с.

Вишневская Г.М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация // Международный журнал экспериментального образования, 2012. №2. С.90 – 91.

Влавацкая М.В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты: дисс. ... д. филол. н. Кемерово: КГУ, 2013. 470 с.

Влавацкая М. В. Сочетаемость слов: норма и её нарушение. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 66-70.

Влахов С. Непереводимое в переводе // Изд 3-е, испр.и доп. М.: Р.Валент, 2006. 448 с.

Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М. : Изд-во МГУ, 1989. 239 с.

Геранина И.Н. К определению понятия «иноязычное вкрапление» // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки, 2007. №4 (8). С.38 – 40.

Германова Н.Н. История нормирования английского языка: Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 368 с.

Германова Н.Н. Языковая норма в эпицентре дискуссий: отечественная и англоязычная лингвистика о языковой норме и нормировании языка // Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение? М.: РЕМА, 2023. С. 9- 40.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.

Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999. С. 97-107.

Голев Н.Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №5 (25). С. 12-30.

Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999. С. 97-107.

Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении Юрис-лингвистика : проблемы и перспективы : Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 7–38.

Голев Н.Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №5 (25). С. 12-30.

Голенок С.Г., Калашникова Е.А. Нормы языка и нормы права: к вопросу о соотношении в рамках коэволюционного развития общества // Актуальные проблемы экономики и права [Электронный ресурс]: сборник трудов. Вып. 1(4) / Электрон. текст. дан. (2,4 Мб). Киров: Изд-во МЦИТО, 2020.

Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Нижний Новгород: Типография «Поволжье», 2010. 318 с.

Голубева Н.А. Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики в современном немецком языке // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе : кол. монография. М.: Канцлер, 2017. С. 82-91.

Государственный язык России: нормы права и нормы языка / под ред. С. А. Белова, Н. М. Кропачева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 130 с.

Гришаева Л.И. Табу и табуирование как социокультурные феномены: итоги и перспективы междисциплинарного исследования // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж, 2005. С. 297-303.

Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: ВГУ. 2007. 261 с.

Гришаева Л.И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. 291 с.

Гришаева Л.И. Креативность как сущностное и неотъемлемое свойство носителей языка и культуры // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 17-27.

Гришаева Л.И. Зачем в коммуникации норма? Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. 232 с.

Девкин В.Д. Очерки по лексикологии / отв. ред. И.П. Амзаракова, С.В. Буренкова; под общ. ред. И.П. Амзараковой. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2015. 192 с.

Добрушина Е. Р. Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией, или Двести лет вместе с *ихний* // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181-204.

Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. Большой юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. 780 с.

Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2 т. / ред. В. Г. Бу-ров, Р. В. Вяткин, М. Л. Титаренко. Т. 2. М., Мысль 1973, 384 с.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Фило-софия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. 2006. 727 с.

Дюркгейм Э. Правила социологического метода. Москва: Издатель-ство АСТ, 2021. 384 с.

Ерофеева Е.В. Норма: социопсихологический и статистический ас-пекты // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4 (16). С. 60-65.

Забабурова Н.В. Французский ум и русская душа/Россия и Запад: избирательное родство. В 2-х томах. Ч. 1. Зарубежная литература. Ростов н/д: НМЦ «ЛОГОС», 2007. С. 214-228.

Загоровская О.В. Языковая норма и норма литературного языка как лингвистические понятия // Известия ВГПУ. 2016. № 2(271) С. 161-165.

Залевская А.А. Что там – за словом? : Вопросы интерфейсной тео-рии значения слова. М.; Берлин: Изд-во Директ-Медиа, 2014. 328 с.

Зыкова И.В. Язык и дискурсы: На новых рубежах теории лингвокре-ативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 11–20.

Иванова С.В. Политический ребрендинг от противника как комму-никативная стратегия // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 4 (46). С. 42-46.

Иванова С.В. Язык и культура в предметном поле современной лингвистики: рецензия на монографию Хольгера Куссе «Культуроведче-ская лингвистика. Введение». Москва: Гнозис, 2022. // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 4. С. 150–157.

Иванова С.В., Чанышева З.З. Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса США // Вестник Российского университета дружбы народов. Се-

рия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 821—843.

Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Изд-во ВТИИ, 2004. 352 с.

Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. Москва: Наука, 1982. 198 с.

Каленчук М.Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2021. С. 4-25.

Кара-Мурза Е. С. Русский язык в рекламе: возможности законодательного регулирования // Вопросы культуры речи. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2011. С. 340–346.

Карасик В.И. Имплицитность в межкультурной коммуникации // Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е. Г. Тарева. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН, 2021. С. 172 – 195.

Кириенко М.Ю. Макароническая речь как функция иноязычных вкраплений Автореф. дисс. ... канд. наук. Ростов-на-Дону, 1992. 22 с.

Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/. Дата обращения: 19.05.2022.

Корнева В.В., Тужикова Д.Б. Национально-культурная специфика топонимов / Имя собственное в национально-культурном пространстве: монография / Игнатьева Е. П. [и др.]. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2022. С. 84-114.

Корнева В.В., Тужикова Д.Б. Оротопонимы в испанской языковой картине мира : монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. 228 с.

Корнева В.В. Пространство в единицах и структурах языка. М.: АНО ВПИ «МГИ», 2008. 192 с.

Корнева В.В. Основные направления изучения топонимов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. №2. С. 21-26.

Корнева В.В. // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №1. С. 150-154.

Корнева В.В. От топонимов к антропонимам: особенности образования испанских топонимических фамилий // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №2. С. 91-97.

Корнева В.В. Когнитивные основы омонимии в ономастическом пространстве испанского языка // Когнитивные исследования языка, 2024а. Вып. 5 (61). С. 653-658.

Корнева В.В. Какова природа границы между топонимами, антропонимами и другими онимами? /Традиции и современность : парадоксаль-

ность дискурса : коллективная монография под общ. ред. Л.И. Гришаевой. / Е.А. Алексеева, В.В. Корнева, Л.В. Лаенко, О.Б. Полянчук, В.М. Топорова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024в. С. 144-177.

Корнева В.В. Трансонимизация как способ расширения ономастикона (на материале испанского языка // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. №1. С. 60-68.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. Москва: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 143-346.

Кострова О.А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. Москва: ФЛИНТА, 2023. 152 с.

Котелова Н.З. Лексическая сочетаемость слова в словаре. Избранные работы (90–106). Санкт-Петербург: Нестор-История. 2015.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «ГНОЗИС», 2003. 375 с.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Крысин Л.П. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Современный русский язык. Система – норма – узус. Москва: Языки славянских культур, 2010. С. 9-24.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 158 с.

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке: сборник научно-аналитических обзоров. М.: Рос. Академия наук, Ин-т науч. информации по общественным наукам, 1994. С. 5-32.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б.А. Серебренникова и др. М.: Наука, 1988. С. 141-172.

Кубрякова Е.С. Активация, активизация (activation, activization, Aktivierung) // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: МГУ, 1997. С. 11-12.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний и языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры. 2004. 560 с.

Кувшинская Ю. М. Предикативное согласование со словами "ряд", "половина", "часть", "множество" в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 189–215.

Кузьмина С.М. Система, норма и узус в фонетике и письме // Современный русский язык. Система – норма – узус. Москва: Языки славянских культур, 2010. С. 31-71.

Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005.

Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. Вып. VII. М., 1966. С. 60-68.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.

Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных выражений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: ВГУ, 1986. 144 с.

Лю Б. Культурная интерпретация семантики иероглифа 半 (половина) и способы его перевода на русский язык (на примере романа "Сон в Красном тереме") // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 1(40). С. 66–73.

Манерко Л.А. Когнитивная теория языка. Философские основания и направления исследования. М.: Гнозис, 2024. 448 с.

Маслова Ж.Н. Концептуализация в поэтическом тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им Г.Р. Державина, 2009. С. 370-397.

Меняйло В.В. Проблема идентичности в романе Дж. Фаулза «Дэниел Мартин» // Номо Лоquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. научных статей. Санкт-Петербург, 2013. С. 185 – 191.

Меняйло В.В. Репрезентация национальной идентичности в английской литературе XX века: традиции и трансформации // Studia Linguistica. Санкт-Петербург, 2016, №XXV. С. 165 – 172.

Модестов В.С. Искусство художественного перевода: Учеб. пособие. М.: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. А.М.ГОРЬКОГО, 2021. 592 с.

Мыркин В.Я. Языковая норма: узус и кодификация. Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2002. 230 с.

Мыркин В.Я. Чем определяется правильность и уместность языковых форм: языковая норма – речевая норма // В.Я. Мыркин. Статьи по языкознанию. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002а. – С. 188-198.

Мыркин В.Я. Всегда ли языковая норма соотносится с языковой системой? // В.Я. Мыркин. Статьи по языкознанию. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002б. – С. 151-161.

Мякшева О. В., Сиротина О. Б. Современный русский язык: деюре и де-факто // [мир русского слова 14/2023/ с/ 16-23. DOI: 10.21638/spbu30.2023.402

Набоков В.В. Федор Достоевский//Лекции по русской литературе / Пер. с англ. М. : ИЗДАТЕЛЬСТВО НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 1999. С. 175–220.

Немченко, В. Н. О морфемном составе числительного полтора и его производных // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2001. № 1. С. 59–64.

Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.

Нечаева И.В. Некоторые особенности сложившейся орфографической кодификации и реалии современного письма // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. №1 (11). С. 49-61.

Нечаева И.В. К типологии орфографической вариантности в русском языке // Русская речь. 2022. №3. С. 47-59.

Новодранова В.Ф., Мотро Ю.Б. Семантические модификации термина в медицинском дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. № 33 (248). С. 101-104.

Норлусенян В.С. Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы // Вестник Новгородского государственного университета. 2010, №57. С. 63 – 66.

Норлусенян В.С. Макаронизмы английского происхождения в современном русском языке. Дисс. ... канд.филол.наук, Ростов-на-Дону, 2010. 149 с.

Озюменко В. И. Идентичность в современных лингвистических исследованиях // Guadernos de Rusistica Espanola. 2019. Т. 15. С. 87 – 99.

Панов М.В. Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. Т.2. Москва: Языки славянской культуры, 2007. 848 с.

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. Изд. стереотип., Едиториал УРСС, 2019. 187 с.

Пиотровский Р.Г., Турыгина Л.А. Антиномия «язык – речь» и статистическая интерпретация нормы языка // Статистика речи и автоматический анализ текста. Ленинград: Наука, 1971. С.5-46.

Пищальникова В.А. Психолингвистический эксперимент и исследование идентичности: монография / В.А. Пищальникова, Н.И. Степыкин, З.Г. Адамова, А.И. Хлопова. М.: ООО «СПУТНИК+», 2023. 112 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 332 с.

Поланьи М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В.А.Лекторского, В.А.Аршинова; пер. с англ. М.Б.Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А.Старостина. М., 1995.

Поливанов Е.Д. О русской транскрипции японских слов // Труды японского отдела Императорского общества востоковедения. Петроград, 1917. Вып.1. С. 15-36.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М: Эксмо, 2009. 480 с.

Проценко Е.А. Межъязыковое перекодирование в творчестве Ф.М. Достоевского // Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Воронеж, 2002. 23 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Ризель Э.Г. Языковые нормы и так называемые нарушения языковых норм // Из научного наследия профессора Э.Г. Ризель: К 100-летию со дня рождения – Aus dem wissenschaftlichen Nachlass von Professor Elise Riesel: Jubiläumsband zum 100. Geburtstag / Сост. Н.В. Любимова, Г.М. Фадеева. Hrsg. von N. Ljubimova, G. Fadeeva. М.: МГЛУ, 2006. С. 236-251.

Руттен Э. Ошибка как новое правило? Языковая идентичность в блогах российских писателей // Русский язык и новые технологии. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 74-86.

Рылов Ю.А. Простое и осложненное предложение в испанском языке. М.: Высш. школа, 2007. 221 с.

Рылов Ю.А. Системные свойства испанских антропонимов / Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / Ю.А. Рылов, В.В. Корнева, Н.В. Шеминова, К.В. Лопатина, Е.В. Варнавская / под ред. проф. Ю.А. Рылова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. С. 5-99.

Савова М. Р. Этические и коммуникативные нормы в системе норм оценки речи // Наука и школа. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskieskieskommunikativnyenormyvsistemenormotsenki rechi>.

Саломатина М.С. Понятие языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 90–98, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-90-98

Семенюк Н.Н. Нормализация и кодификация литературных норм // Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI-XVIII вв. М.: Наука, 1984. С. 223-231.

Семенюк Н.Н. Норма языковая // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 337-338.

Сиротинина О.Б, Дегальцева А.В. Динамика норм русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2023. 128 с.

Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / Ю.А. Рылов, В.В. Корнева [и др.] / под ред. проф. Ю.А. Рылова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. 390 с.

Скворцов Л.И. Норма (языковая) // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

Смоленский В. Суши или суси? Отповедь шепелявящим // Мосты. 2004. №2. С. 31-38.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 366 с.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий / А. В. Суперанская; отв. ред. Г.В. Степанов. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «Либроком», 2021. 178 с.

Сычева Л.В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе писателей первой волны эмиграции (русское зарубежье) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006. №1 (1). С. 44 – 48.

Сычева Л.В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе В.В.Набокова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. №4 (4). С.22 – 25.

Сычева Л.В.К вопросу о связи иноязычных вкраплений с национально-культурной спецификой художественных текстов начала XX века // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2013. №11 (11). С.78-83.

Тарасов Б.Н. Вечное предостережение//Достоевский Ф.М. Бесы: Роман в трех частях. М.: СОВРЕМЕНИК, 1993. С. 5 – 26.

Традиции и новации: парадоксальность дискурса / Е.А. Алексеева, В.В. Корнева, Л.В. Лаенко, О.Б. Полянчук, В.М. Топорова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. 226 с.

Унбегаун Б. Русские фамилии. Пер. с англ. изд. 2-е, испр. М.: Прогресс, 1995. 446 с

Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110с.

Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) "О государственном языке Российской Федерации" - КонсультантПлюс

Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка. Воронеж: ВГУ, 2001. 140 с.

Фененко Н.А. *Merkozy, Sarkoland, Hollandie* и другие неологизмы французского политического медиапространства / Н.А. Фененко, В.Н. Абабий // Имя собственное в медиапространстве : кол. монография / Л.И. Гришаева, О.О. Борискина, Н.А. Фененко, В.Н. Абабий, В.Г. Шимко. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 27-67.

Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. Москва: Гардарики, 2004. 1072 с.

Фирсова Н.М. Испанский речевой этикет. М.: ИНФРА-М, 2000. 183 с.

Флоренский П.А. Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. С. 81—390.

Халиков М.М. Иноязычные элементы в произведениях Ф.М. Достоевского. РУСАЙНС, 2021а. 150 с.

Халиков М.М. Полилингвизм художественного мира Ф.М. Достоевского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т.23, №76. 2021. С.98 – 100.

Харитончик З.А. Лексикология английского языка. – Минск: Вышэйш. шк., 1992. 228 с.

Харитончик З.А. В поисках сущности имен. Минск: МГЛУ, 2015. 252 с.

Харченко С.Ю. Орфографическая норма: проблема реализации // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2016. Т.15. №4. С.159-167.

Химик В.В. Государственный язык Российской Федерации: языковая норма и ценностные ориентиры русской речи: Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» / В 2-х чч.: Ч. 1.: Доктринальный и нормативно правовой комментарий. Под общ. ред. д.филолог.н., проф. С.И. Богданова и д.юр.н., проф. Н.М. Кропачева; научн. ред. к.юр.н., доц. Н.С. Шатихина. СПб: Изд-во СПбУ, 2012. С. 5-15.

Хованская З.И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии: Для ин-тов и фак.иностр.яз // М.: ВЫСШАЯ ШКОЛА, 1980. 303 с.

Хованская З.И. Стилистика французского языка: Учеб. для ин-тов и фак.иностр.языков // М.: ВЫСШАЯ ШКОЛА, 1984. 344 с.

Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик [и др.]. Москва : Наука, 1992. 281 с.

Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 240 с.

Чупрына О.Г. Идентичность как лингвистическая и культурная проблема//Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: коллективная монография. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН, 2021. С. 73 – 103.

Чупрына О.Г. Стратегии создания национальной речевой среды в «новых/английских» литературах//Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: коллективная монография. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН, 2021. С. 218 – 239.

Шеминова Н.В. О группе испанских фамильных имен с формантом *san* // Актуальные проблемы романистики : материалы Международной

конференции (Воронеж, 20-22 мая 2009 г.) /ред. коллегия: Ю.А. Рылов (отв. ред.), Н.А. Фененко, Л.И. Гришаева. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. С. 626-633.

Шилихина К.М. Табу как явление культуры: к определению границ понятия // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж, 2005. С. 48-56.

Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности // Авторитетность и коммуникация : кол. монография под общ. ред. В.Б. Кашкина. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2008. С. 184-194.

Шилихина К. М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. № 2. С. 64-69.

Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 115-118.

Шилихина К.М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 304 с.

Шмелев А.Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы – есть ли проблема? // Русская речь. 2020. № 4. С. 42-53.

Шмелев А.Д. Допустимая вариативность орфографии или распространенная ошибка? // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (41). С. 9-30.

Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Избранные работы по русскому языку. – Москва: Учпедгиз, 1957. – С. 45-49.

Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский университет, 2009. 238 с.

Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа. М.: КРАСАНД, 2010. 296 с.

Эссе о социальной власти языка / кол. монография под ред. Л.И. Гришаевой. Воронеж: ВГУ, 2001. 196 с.

Юдина Н.В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «человек» и «закон» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. №3. С. 227-233.

Юдина Н. В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте: на материале конструкции "прилагательное + существительное: Автореф. дис. ... док. фил. наук. Москва, 2006. 40 с.

Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение? : коллективная монография / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: РЕМА, 2023. 214 с.

Языковая норма и статистика. Москва: Наука, 1977. 307 с.

Яковенко Е. Б. Взять себе в пару или найти свою половинку? (семантика деления пополам, увеличения вдвое и парности в разных языках) // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах / Российская академия наук, Институт языкознания; ответственный редактор Н. Д. Арутюнова. Москва : Ленанд, 2014. С. 80–88.

Albaigés J.M. Enciclopedia de los nombres propios. Madrid: Planeta, 1995. 589 p.

Alcantara J.G. Ensayo histórico, etimológico y filológico sobre los apellidos castellanos. Madrid: Emprenta y Estereotipia de M. Rivadegra, 1871. 280 p.

Bally, Charles. Traité de stylistique française//3-eme edition. Vol. 1. Genève : Librairie Georg et Cie S.A. , Paris : C.KLINCKSIECK, 1951. 332 p.

Bicchieri C. The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 278 p.

Bicchieri C. Norms in the Wild: How to Diagnose, Measure, and Change Social Norms. Oxford: Oxford University Press, 2017. 265 p.

Celdrán P. Diccionario de topónimos españoles y sus gentilicios. 5ªedición. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2009. 1059 p.

Dubois, Jean / Giacomo Mathée / Guespin, Louis / Marcellesi, Christiane / Marcellesi, Jean-Baptiste / Mével, Jean-Pierre. Dictionnaire de linguistique//Paris : LAROUSSE. 1973. 516 p.

Faure R. Diccionario de apellidos espanoles / R. Faure, M.A. Ribes y A. Garcia. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2001. 800 p.

Faure R. Diccionario de nombres propios. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2007. 861 p.

Faure R., Ribes M.A., García A. Diccionario de apellidos españoles. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2009. 800 p.

Fernández Leborans M.J. El Nombre Propio / M.J. Fernández Leborans // Gramática Descriptiva de la Lengua Española. V.1. Sintaxis básica de las clases de palabras. Dirigida por Ignacio Bosque y Violeta Demonte. Preámbulo de F. Lázaro Carreter. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1999. P. 77-128.

García Gallarín C. Los nombres de pila españoles. Madrid: Ediciones PRADO, 1998. 367 p.

García Sánchez J. J. Atlas toponímico de España. Madrid : Arco/Libros, 2007. 410 p.

Gorham M.S. Language Culture and National Identity in Post-Soviet Russia // Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia / Ed. by I. Lunde & T. Roesen. Bergen: University of Bergen, 2007. P. 18-30.

Grischaewa, Ludmilla I. Vom Mehrwert fremdsprachiger Inklusionen im deutschen Text // (Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Translationswissenschaft. Liber amicorum für Larisa Schippel. Julia Richter, Cornelia Zwi-

schenberger, Stefanie Kremmel, Karlheinz Spitzl (Hg.) Berlin: Frank & Timme. Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2016. S. 367-389.

Gross, Harro. Einführung in die germanistische Linguistik. München: Iudicium Verlag, 1990. 268 S.

Harder P. Attitudes, norms and emergent communities // Norms and the Study of Language in Social Life. Ed. by J. Mortensen & K. Kraft. Berlin /Boston: Walter de Gruyter, 2022. P. 21-42.

Hartig, Matthias. Ursula Kurz. Sprache als soziale Kontrolle. Neue Ansätze zur Soziolinguistik. Frankfurt am Main: Surkamp Verlag, 1971. 245 S.

Kniffika Hannes. Calling names across cultures // Proceedings of the XXVth of onomastic sciences. Helsinki, 13-18 August 1990 (ed. by Eeva Maria Narji). Helsinki, 1990. P. 11-21.

Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.

Martínez Amador E. Diccionario Gramatical y de Dudas del Idioma. Barcelona: 1987. 1446 p.

Ríos y Ríos A. de los. Ensayo histórico, etimológico y filológico sobre los apellidos castellanos: desde el siglo X hasta nuestra edad. Madrid: Imprenta de Manuel Tello, 1871. 259 p.

Wright G.H. Norm and Action. A Logical Enquiry. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. 214 p.

丁秀菊. 数词成语的文化阐释 // 齐鲁学刊. 2003年. 第5期总第176期. 页码: 67-70. = Дин Сюэцзюй. Интерпретация чэньюев с числительными с точки зрения культуры // Научный журнал Цилю. 2003. Т. 176, № 5. С. 67-70.

陈淼星. 小议“半……半……” // 语文知识. 2006年. 第7期. 页码: 27. = Чэнь Мяосин. Краткие комментарии о чэньюях, построенных по модели “半…半…” // Филологические знания. 2006. № 7. С. 27.

程观林. 说“半”. 语文建设通讯. 1994年. 第 42 期. 页码: 1-5. = Чэн Гуаньлинь. Об иероглифе 半 (половина) // О создании языка. 1994. № 42. С. 1-5.

房玉清. 实用汉语语法. 北京语言学院出版社, 2008. 页数: 513. = Фан Юйцин. Практическая грамматика китайского языка. Пекин : Изд-во Пекинского ин-та иностр. яз., 2008. 513 с.

高健. “半A不A”格式语用语义分析. 语言研究, 2009年. 第8期. 页码: 71-75. = Гао Цзянь. Прагматический и семантический анализ чэньюев, построенных по модели «半A不A» // Исследование языка и речи, 2009. № 8. С. 71-73.

李卫中. 与“半”字相关的格式的考察 // 殷都学刊. 2000. 第3期. 页码: 106-109. = Ли Вэйчжун. Исследование связанных с иероглифом 半 [сло-

вообразовательных] моделей // Научный журнал Иньду. 2000. № 3. С. 106–109.

李玫雨. 现代汉语数量表达研究. 博士论文. 上海师范大学. 2001. 页数: 168. = Ли Вэньюй. Исследование обозначения числа в современном китайском языке. Дисс. ... докт. наук. Шанхайский пед. ун-т. 2001. 168 с.

刘晓林. 唐宋诗歌中"半"字的文化内涵与美学意蕴 // 中国文学研究. 2006年. 第1期. 页码: 45–48, 80. = Лю Сяолин. Культурное содержание и эстетическое значение слова “половина” в поэзии периода династий Тан и Сун // Исследование китайской литературы. 2006. № 1. С. 45–48, 80.

吕叔湘. 中国文法要略. 北京: 商务印书馆, 2014. 页数: 681. = Люй Шусян. Краткий очерк китайской грамматики. Пекин : Коммерческая пресса, 2014. 681 с.

现代汉语. 胡裕树主编. – 上海: 上海教育出版社, 1995. 页数: 561. = Современный китайский язык / Под ред. Ху Ю. – Шанхай: Шанхайск. изд-во учебн. лит-ры, 1995. 561 с.

许慎. 说文解字. 徐铉, 校. 北京: 中华书局, 2013. 页数: 332. = Сюй Шэнь. Рассуждения о письменах и толкование иероглифов. С комментариями Сюй Сюаня. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2013. 332 с.

汉语词类划分手册. 袁毓林等著. 北京: 北京语言大学出版社, 2009. 页数: 793. = Юань Юйлин и др. Справочник по китайским частям речи. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та иностр. яз., 2009. 793 с.

张瑞君, 孟小霞. 诗歌中的“半”——以杨万里同一时期的涉“半”作品为例. 太原学院学报 (社会科学版). 2020年. 第6期. 页码: 85–89, 106. = Чжан Жуйцзюн, Мэн Сяоя *Journal of Taiyuan University (Social Science Edition)*

朱德熙. 语法讲义. 北京: 商务印书馆, 1982. 页数: 231. = Чжу Дэси. Курс лекций по грамматике. Пекин : Коммерческая пресса, 1982. 231 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Ахматова А. А. Тайны ремесла. Творчество. «Бывает так, какая-то истома...». В: Собрание сочинений в 6 томах. М.: «Эллис Лак», 1998-2005. Том 4. С. 356.

Ахматова А.А. «Многое еще наверно хочет...». В: Собрание сочинений в 6 томах. М.: «Эллис Лак», 1998-2005. Том 4. С.303-304.

Ахматова А.А. Музыка («В ней что-то чудотворное горит...») В: Собрание сочинений в 6 томах. М.: «Эллис Лак», 1998-2005. Том 4. С. 316-317.

Ахматова А.А. «Они летят, они еще в дороге...». В: Собрание сочинений в 6 томах. М.: «Эллис Лак», 1998-2005. Том 4. С. 86.

Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998

Бродский И. А. Элегия. В : Форма времени : Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. Т. 2. Стихотворения, эссе, пьесы / Составил В.И. Уфлянд. Минск : Эридан, 1992. С.200.

Бродский И.А. Колыбельная трескового мыса. В : Форма времени : Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. Т. 1. Стихотворения, эссе, пьесы / Составил В.И. Уфлянд. Минск : Эридан, 1992. С. 329.

Волошин М. А. Рождение стиха. В : Поэзия серебряного века (1880 – 1925). М.: Худож. лит., 1991. – С. 377.

Достоевский Ф.М. Бесы: Роман в 3-х частях // Авт. вступ. статьи Б.Н. Тарасов. М.: СОВРЕМЕННОСТЬ, 1993. 638 с.

Жульен Стебо. Одностишия. Литературная газета, 4-10 сентября 2024 года, № 35 (6949), с. 32.

Мандельштам О.Э. «Я вздрагиваю от холода...». В : Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Переводы. – Тула: Филин, 1994. – С.22.

Мандельштам О.Э. «Душу от внешних условий...». В : Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Переводы. – Тула: Филин, 1994. – С.227.

Мандельштам О.Э. «Люблю появление ткани...». (Восьмистишия). В : Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Переводы. – Тула: Филин, 1994. – С.146.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.

Пастернак Б.Л. На Страстной. Стихотворения Юрия Живаго. В.: Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. М.: Время, 2018. – С. 598.

Пастернак Б.Л. Белая ночь.. Стихотворения Юрия Живаго. В.: Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. М.: Время, 2018. – С. 601.

Пастернак Б.Л. Определение творчества. В : Пастернак Б. Сестра моя – жизнь :[стихотворения] / Борис Пастернак. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора ; М.: ИД Комсомольская правда, 2012. – С. 53.

Пастернак Б.Л. «Мне хочется домой, в огромность...» (Волны). В : Строфы века: Антология русской поэзии / Сост. Е.А. Евтушенко. Минск-М.: Полифакт, 1995. - С.200.

Петрович-Сыров Александр. Литературная газета, 18-24 сентября 2024 года, №37 (6951), с. 32.

Почуев Георгий. Новогодние очеПятки. // Литературная газета. 25-31 декабря 2024 г. № 51 (6965), с. 32.

Соколов Леонид. Литературная газета, 25 сентября -1 октября 2024 года, №38 (6952), с. 32.

Цветаева М.И. Ночь. В : Цветаева М. Сочинения : В 2 т.; Т 1. – М.: Худож.лит., 1984. С. – 231.

Цветаева М.И. «Поэт – издалека заводит речь...». В : Цветаева М. Сочинения : В 2 т.; Т 1. – М.: Худож. лит., 1984. С. – 223.

Цветаева М.И. Прокрасться. В : Цветаева М. Сочинения : В 2 т.; Т 1. – М.: Худож. лит., 1984. С. – 231.

Цветаева М.И. «Рас – стояние : версты, мили...». В : Цветаева М. Сочинения : В 2 т.; Т 1. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 270.

Цветаева М.И. «Стихи растут, как звезды и как розы...» В : Цветаева М.Сочинения : В 2 т.; Т 1. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 108.

British National Corpus (BNC) – [Электронная база]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.11.2024)

Cambridge Dictionary Online, 1999. – [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.04.2025)

Collins Online Dictionary, 2007. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 15.05.2025)

Corpus of Contemporary American English (COCA) – [Электронная база]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 21.11.2024)

Online Etymology Dictionary, 2000. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 20.04.2025)

Lenta.ru – 1-10 июня 2023 года

NOW Corpus (News on the Web) – [Электронная база]. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 30.05.2025)

<https://gramota.ru/meta/stoyak>

SUMMARY

The volume is devoted to the study of various types of norms in language and communication. This topic is one of the most pressing issues that has once again become a highly sought-after research task in linguistics. Currently it is studied from both a general theoretical perspective and against the background of individual, private theoretical problems.

A norm is understood as a phenomenon being sociocultural by nature; thus, it is naturally subject to formal and substantive variation under the influence of various factors.

Linguistic norms are analyzed as variable, but ideally serve as a basis for establishing mutual understanding between subjects of cognition and communication when they solve various communicative and cognitive tasks in different contexts. The reason for this interpretation is the general understanding of norms and the normative as information shared by everyone within a culture and by each native speaker of language within this culture individually. Information about the norm, its individual types, its nature, means and methods of its implementation under certain conditions, as well as the factors that determine its principles of variation, are included in the core part of the collective and personal identity of a single subject.

The paradoxical nature of the norm stems from the fact that the norm as a prescription, theoretically perceived by rigid education, turns out to be multifaceted and variable in communication, implemented within the limits of “mandatory ⇔ optional”, “desirable ⇔ undesirable”, “encouraged ⇔ forbidden”. Therefore, the norm is described in the context of “invariant ⇔ optional” and analyzed in the socio-cultural context as the basis for the choice of means and ways for speakers to implement various communicative strategies using conventional or normative and/or occasional or non-normative means of encoding and conveying information about real, fictitious or virtual reality under certain conditions.

The logic of the structure of the book follows the aim of identification of the optimal methods and techniques for detecting violations of the norm in the linguistic and socio-cultural space.

Special attention is paid to individual markers, which are not always clearly visible to speakers of language within a particular culture, but are relevant for understanding the genesis of new means and methods of objec-

tifying information about the world, formats of interaction accepted by a particular culture, new social (in a broad sense) norms of various origin, regardless of the nature of the consequences for an individual communicant, or for the language culture as a whole – positive and/or negative – in a long-term and/or short-term perspective.

The consequences of violations of various norms are studied within a particular linguistic and cultural space with different linguistic techniques and from different positions, i.e. the subsystem, system and supersystem connections of the phenomenon being researched in detail at a particular stage are taken into account.

Special attention is paid to the social consequences of violating norms and/or, conversely, following norms accepted in a particular cultural environment. The latter are therefore interpreted as ways of maintaining and reproducing the cultural and collective identity of subjects as language speakers in a specific socio-cultural environment.

The book is addressed to a wide range of linguists interested in the genesis of current trends in the use of language as a means of cognition and communication in different cultural spaces, as well as studying factors external and internal to the functioning of language as a means of solving various communicative and cognitive tasks.

The **object** of research is a variety of norms that native speakers follow in their various social practices when solving various communicative and cognitive tasks.

The **subject** of reflections at different stages of the proposed multidimensional research varies depending on the angle of analysis, the linguistic techniques involved, as well as the nature of the empirical material – from individual lexico-semantic units with certain specified characteristics to semantic classes and subclasses of the lexicon with a complex of its intricate internal and external relationships; from word formation models to social practices of various types in all their complexity and inconsistency; from real reality to the principles of constructing fictitious reality using the means of one and/or several languages.

The described state of affairs is interpreted as an advantage, since it allows for the tracing of how various properties of heterogeneous linguistic means manifest themselves. The studied means are localized at different levels of the language system and are described in supersystemic, systemic and subsystemic contexts along with the corresponding elements, revealing various manifestations that relate differently to certain types of norms. As the analysis shows, this allows the language to function effectively as a means of cognition and communication both in favorable and unfavorable conditions for productive communication.

It follows that the **empirical data** turn out to be heterogeneous and diverse in terms of their semantic, morphological, syntactic properties as well as in terms of their word formation potential and functioning in texts.

The value of the observations made during the preparation of the volume lies in the fact that the book examines a variety of empirical material from different linguistic cultures from different angles and research techniques: Russian, English-speaking, German-speaking, Francophone, Spanish, Chinese.

АВТОРЫ

Людмила Львовна Банкова – кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет. Сфера научных интересов – синология. Исследовательский фокус – китайская лингвокультурология.

Людмила Ивановна Гришаева – доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет. Сфера научных интересов – теоретическая грамматика, когнитивная лингвистика, медиа-лингвистика. Исследовательский фокус – культурно специфические механизмы вербализации сведений о мире.

Валентина Владимировна Корнева – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романской филологии, Воронежский государственный университет. Сфера научных интересов – ономастика, сопоставительная лингвистика, когнитивная лингвистика. Исследовательский фокус – семантика языковых единиц и особенности их функционирования.

Людмила Владимировна Лаенко – доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет. Сфера научных интересов – когнитивная лингвистика. Исследовательский фокус – выявление когнитивных основ и языковых механизмов полисемии признаков лексем, тривиальные и нетривиальные сочетательные потенции лексических единиц.

Инна Александровна Меркулова – доктор филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет. Сфера научных интересов – русская грамматика, лексикология славянских языков, стилистика, лингвоэкспертология. Исследовательский фокус – лексическая типология, слово- и формообразование, оценочные номинации.

Валентина Михайловна Топорова – доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет. Сфера научных интересов: семантика, лингвоконцептология, лингвокультурология. Исследовательский фокус – художественная семантика, концептуальная визуализация, пространственная картина мира.

Наталья Александровна Фененко – доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет. Сфера научных интересов – транслятология, сопоставительная стилистика французского и русского языков. Исследовательский фокус – теория реноминации, теория реалий, импрессивная эквивалентность, стратегии перевода художественного текста.

Ксения Михайловна Шилихина – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет. Сфера научных интересов – корпусная лингвистика, лингвистическая семантика. Исследовательский фокус – вербальная ирония и юмор.

ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila L. Bankova – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University. Her research interests include sinology with the focus on the Chinese language and culture.

Natalia A. Fenenko – Doctor of Philology, Professor, Voronezh State University. Her research interests include translational studies and comparative stylistics of French and Russian languages with the focus on the theory of re-nomination, the theory of realia, impressive equivalence, and strategies for translating literary texts.

Lyudmila I. Grishaeva – Doctor of Philology, Professor, Voronezh State University. Her research interests include theoretical grammar, cognitive linguistics, and media linguistics with the focus on culturally specific mechanisms for verbalizing information about the world.

Valentina V. Korneva – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Philology, Voronezh State University. Her research interests include onomastics, comparative linguistics, and cognitive linguistics with the research focus on the semantics of language units and their functioning.

Lyudmila V. Laenko – Doctor of Philology, Professor, Voronezh State University. Her research interests include cognitive linguistics with the research focus on cognitive foundations and linguistic mechanisms of the polysemy of lexemes denoting features, trivial and non-trivial collocations of lexical units.

Inna A. Merkulova – Doctor of Philology, Associate Professor, Voronezh State University. Her research interests include Russian grammar, lexicology of Slavic languages, stylistics, and forensic linguistics with the research focus on lexical typology, word formation, evaluative nominations.

Ksenia M. Shilikhina – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University. Her research interests include corpus linguistics, linguistic semantics, with the research focus is on verbal irony and humor.

Valentina M. Toporova – Doctor of Philology, Professor, Voronezh State University. Her research interests include semantics, linguistic conceptology, language and culture studies with the research focus on the semantics of artistic texts, conceptual visualization, and spatial worldview.

Н а у ч н о е и з д а н и е

Парадоксальность нормы в языке и коммуникации

Коллективная монография

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет»
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86. Тел. (473) 255-58-32, 255-61-83
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,65. Тираж 500 экз. (1 завод – 80 экз.)
Оригинал-макет и первый завод тиража отпечатан в АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2. Тел. (473) 255-41-70